

ФОНЕТИКА

Поскольку в настоящее время наука только подходит к синтезу доступного ей мерянского материала, а синтезу неизбежно должен предшествовать анализ, задача воссоздания фонетической системы мерянского языка в ее полном объеме и конкретности должна быть признана преждевременной. Чтобы выяснить с максимально возможной полнотой особенности мерянской фонетики в их историческом развитии и пространственной приуроченности, то есть определить инвентарь ее фонем, их вариантов и особенностей сочетаемости, в том числе слогоделения, а также особенности ударения и количества, необходимы следующие предварительные условия: 1) со всех русских языковых фактов, мерянских по происхождению или испытавших мерянское воздействие, которыми мы сейчас располагаем при реконструкции мерянского языка, должны быть сняты наслаждения славяно-русского языкового влияния; 2) все они – каждый в отдельности – должны быть расположены в соответствующей хронологической плоскости, связанной со временем их заимствования (включения) в славяно-русский язык; 3) факты русского языка, доказанные в качестве мерянских по происхождению или испытавших влияние мерянского языка, должны быть подвергнуты истолкованию с пространственной точки зрения как факты лингвогеографии, относящиеся к тем или иным группам мерянских говоров. Только выяснив совокупность данных всего мерянского материала и каждый входящий в него факт с точки зрения этих трех задач, можно будет решить задачу воссоздания мерянской фонетики. Пока это не сделано и на пути к более сложным и конкретным заданиям стоит элементарная, хоть и не менее ответственная, задача сопирания явлений, представляющихся мерянскими, и доказательства их мерянского происхождения, вопрос об особенностях мерянской фонетики может быть решен только в наиболее общих чертах с обязательной оговоркой вынужденной предваритель-

ности и известной гипотетичности предлагаемого ответа.

Материалом, на основании которого уже теперь можно до некоторой степени судить о мерянской фонетике, являются, с одной стороны, факты русского языка, а именно слова и названия, которые можно рассматривать в качестве мерянских по происхождению, а с другой – те славянские по происхождению слова русского языка с мерянских в прошлом территорий, своеобразие фонетического облика которых дает основание рассматривать их в качестве подвергшихся влиянию со стороны финно-угорского, то есть на данной территории, очевидно, мерянского языка. Поскольку исчезновению мерянского языка в области его распространения должен был предшествовать более или менее длительный период славяно-(русско-)мерянского двуязычия, вполне обоснованно можно предположить, что какая-то часть русских слов заимствовалась из славяно-русского языка мерянским и в форме, приобретенной в нем, влилась затем в русский язык местного населения. Близко к ним, по-видимому, стоит другая группа русских слов с чертами финно-угорской, мерянской фонетики, мерянского фонетического «акцента». Это те слова русского (<восточнославянского>) языка, которые, хоть и не вошли в состав мерянского, могли употребляться в русской речи мерянского населения еще в тот период, когда мерянский язык не был им полностью утрачен. В мерянский язык эти лексические элементы русского языка могли попадать только в качестве окказионализмов в процессе неизбежной при двуязычии языковой интерференции. Однако, поскольку мерянское население в это время еще употребляло параллельно с русским мерянский язык, влияние его фонетики, возможно, уже в меньшей степени, могло сказаться и на этой части русских слов. Благодаря словообразовательным (дивергационным) связям некоторые фонетические особенности, связанные с двумя данными

группами слов, могли быть перенесены на их производные. Наиболее стойкие фонетические тенденции, обвязанные своим возникновением и существованием мерянскому языковому субстрату, именно те, которые не вступали в резкое противоречие со славяно-русской фонетической системой, могли влиять на русские слова даже в тот период, когда мерянский язык, а с ним и мерянско-русское двуязычие исчезли и население бывших мерянских (позже русско-мерянских) территорий стало сплошь одноязычным. Здесь мы не будем останавливаться специально на вопросе о том, каково происхождение каждого из русских слов с необычной, по-видимому мерянской, фонетикой. К этому вопросу предстоит еще вернуться при рассмотрении истоков формирования лексики мерянского происхождения, сохраненной русским языком. Следует, однако, подчеркнуть ценность использованного источника сведений об особенностях мерянской фонетики. Ценность эта определяется тем, что данный материал в территориальном отношении не вызывает сомнений: он почерпнут из картотек костромского и ярославского областных словарей, то есть с той языковой территории, где в прошлом была распространена меря. Пренебречь этим источником нельзя хотя бы потому, что довольно ограниченный пока русский лексический материал, рассматриваемый в качестве происходящего из мерянского языка, не во всех случаях вполне доказан как мерянский, аргументировать полностью его «мерянскость» в ряде случаев еще предстоит. К тому же даже если нет оснований для того, чтобы усомниться в его мерянском происхождении, далеко не всегда имеется полная уверенность в том, что русские слова и названия мерянского происхождения полностью (или, по крайней мере, без значительных отклонений от исходной мерянской формы) сохраняют свои фонетические особенности. Уже априорно можно предположить, что все мерянские слова и названия, употребляемые (или употреблявшиеся) в русском языке, должны были в большей или меньшей степени в нем изменяться, приспособливаясь к его фонетической и грамматической системам. В результате этого

апеллятивы и собственные имена мерянского происхождения подверглись разнообразным, в том числе и фонетическим, изменениям, которые предстоит установить. Лексемы славяно-русского происхождения в связи с этим имеют по сравнению с мерянскими неоспоримое преимущество, – являясь совершенно определенно словами русского языка, главным образом славянскими по происхождению, они в то же время недвусмысленно обнаруживают отличия от соответствующих русских слов в литературном русском языке и русских диалектах, расположенных вне сферы финно-угорских, в частности мерянских, влияний. Это в сопоставлении с предполагаемыми лексемами мерянского происхождения дает возможность с большей полнотой и обоснованностью судить о чертах мерянской фонетики. Сложность интерпретации фонетического материала, его неоднозначность при оперировании словами славяно-русского происхождения заключается в следующем: поскольку диалекты данных территорий не находились в изоляции, а беспрерывно взаимодействовали как с русским литературным языком, так и с русскими говорами, которым их особенности были чужды, эти своеобразные фонетические черты не представляют собой чего-то застывшего, раз и навсегда данного, в процессе взаимодействия с инодиалектными (в том числе литературными) особенностями они подвергались определенным сдвигам, в том числе связанным с явлением гиперкоррекции. Это, как и вообще работа с указанными особенностями, требует дополнительных уточнений, которые можно и следует почерпнуть как из материала мерянского происхождения, так и из фактов других финно-угорских языков.

В связи со своеобразием каждого из упомянутых источников сведений о мерянской фонетике, из которых славяно-русский может дать о ней лишь наиболее общее представление, так сказать, только в первом приближении, а факты мерянской по происхождению лексики при всей их неполноте значительно уточняют и конкретизируют выводы, полученные из первого источника, представляется целесообразным, идя от более известного к менее извест-

ному, начать именно с русских слов с чертами финно-угорской (мерянской) фонетики, своеобразие которых лежит на поверхности. В дальнейшем особенности мерянской фонетической системы будут рассмотрены на основе лексики и ономастики предполагаемого мерянского происхождения, что

даст возможность уточнить данные, полученные в результате анализа русской лексики немерянского происхождения с мерянскими фонетическими чертами. Окончательные выводы будут получены в результате обобщения сведений, полученных из обоих источников.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕРЯНСКОГО ЯЗЫКА (НА ОСНОВАНИИ РУССКИХ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ НЕМЕРЯНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ)¹

Как и всегда в случаях языкового взаимодействия, наиболее заметны сдвиги в области консонантизма, более тонкими, менее уловимыми являются изменения гласных. Именно поэтому необходимо как можно более полное экспериментально-фонетическое исследование соответствующих говоров, чем в настоящее время исследователь мерянской фонетики не располагает. В связи с этим основное внимание здесь будет уделено предполагаемым явлениям мерянского консонантизма, как они представляются на основе анализа диалектного материала немерянского происхождения. Явления вокализма будут затронуты в значительно меньшей степени.

При обращении к данным русских говоров постмерянских территорий, в частности костромских и ярославских, обращают на себя внимание глухость согласных, которым в литературном языке (или в других говорах, не связанных с данными территориями) соответствуют звонкие, и, наоборот, замена звонкими согласными характерных для литературного языка (и других говоров) глухих. Примеры употребления глухих согласных вместо обычных для русского литературного языка (и большинства говоров) звонких обнаруживаются в следующих случаях:

1) аграматный «огромный» (Яр. губ.) КЯОС 25 – рус. (лит.) *громадный*; 2) *веркало* «праща» (Яр – Рост) ЯОСК – рус. (лит.) *извергать*; 3) *заката* «то же, что (диал.)

загата (= соломенная обкладка вокруг дома для утепления)» (Яр – Тут) ЯОСК; 4) *кадюка* (Яр – Рост) ЯОСК – рус. (лит.) *гадюка*; 5) *збуторажить* «возмутить» (Яр. губ. – Рост) КЯОС 77 – рус. (лит.) *взбудоражить*; 6) *кокотки* «ногти на руках» (Яр. губ. – Углич) КЯОС 89, *кокоток* «ноготь» (Яр. губ.) КЯОС 89 – рус. (лит.) *коготок*; 7) *падог* «палка, посох» (Яр. губ. – Пош); «часть ткацкого станка» (Яр. губ.); «палка у молотила, приузи» (Яр. губ. – Пош); «короткая палка цепа» (Яр – Угл) КЯОС 140 – рус. (диал.) *батог* «кнут; бильная часть цепи; палка, посох» СРНГ II 144–145; 8) *лала* «бабушка» (Костр. губ. – Кин); «старуха» (Костр. губ. – Гал) МКНО; «обращение к бабушке» (Костр – Макар) КОСК – рус. (диал.) *баба* «мать отцова или материна, жена деда» Даль I 32; 9) *лахча* «различные овощи (свекла, брюква, огурцы)» (Яр – Рыб) ЯОСК – рус. (лит.) *бахча* «участок, засеянный арбузами, дынями»; 10) *тритенья* «около трех дней» (Костр – Костр) КОСК – рус. (диал.) *треденство* (чьеи смерти) «три дня, трои сутки» Даль IV 432; 11) *фика* (Яр. губ.) КЯОС 208 – рус. (лит.) *фига*; 12) *гон* «часть поля, в котором каждый домохозяин получает полосу; участок земли с почвой разного достоинства и удобным подъездом к нему» (Яр. губ.) КЯОС 91 – рус. (диал.) *гон* «участок пахотной земли, принадлежащий одному хозяину; полоса пахотной земли, которую при пахоте пахарь проходит до поворота; мера измерения площади» СРНГ

¹ Отсутствие пока широкой работы по изучению говоров Владимирской, Ивановской, Московской и Калининской [с 1991 г. – Тверской. Прим. ред.] обл., в прошлом полностью или частично населенных мерей, вынудило автора там, где использованы диалектные (арготические) апеллятивы, привлекать в основном факты ярославских и костромских говоров. Диалектные сведения с других постмерянских территорий использованы в значительно меньшей степени.

VI 356–358; 13) *хлипец* «хлеб» (Яр. губ.) КЯОС 210 – рус. (лит.) *хлебец* «небольшой хлеб» (укр. *хлібець* «то же»); 14) *синька* «московка (птица), *Parus sibiricus* L., синица сибирская; *Poecile palustris* L., гачичка бурая» (Яр. губ.) КЯОС 184 – рус. (диал.) *зинька* «птица, *Parus major* (вид синички)» СРНГ XI 283 (ср. также рус. (диал.) *зиньковый соловей* «соловей, который начинает свое пение с позыва синички» СРНГ XI 283).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в шести из приведенных 14 примеров, причем тех, которые могут относиться к наиболее традиционным словам (независимо от того, употреблялись ли они в мерянском языке), а именно в словах *кадюка*, *лахча*, *ладог*, *пала*, *кон*, *синька*, глухой вместо звонкого выступает как первый звук соответствующих слов². В двух словах замена звонкого глухим прослеживается в начале первого корневого слога (*заката*) или второго компонента композита (*тритенья*). В трех случаях замена звонкого глухим отмечена либо в позиции между двумя глухими (*кокоток*), либо в конце слова после слова с начальным глухим, в том числе в сопровождении сонорного (*фика*, *хлипец*). Только в трех из приведенных примеров замена выступает в положении неблагоприятном для оглушения звонкого в интервокальной позиции между звонким и сонорным (*збуторажить*) или в позиции между сонорными (*веркало*, *аграматный*), где скорее можно было бы ожидать сохранения звонкости или – при первоначальном глухом – его озвончения. Ввиду этого три последних случая есть основания рассматривать в качестве обусловленных стремлением к гиперперкорекции.

Противоположное явление – появление звонких согласных вместо выступающих в русском литературном языке и других русских говорах глухих – наблюдается в следующих случаях: 1) *базлёны* «красивые, нарядные девушки» (Яр – Брейт) ЯОС I 45 – рус. (диал.) *басá* «красота» СРНГ II 127, *басёна* «щеголиха, щеголь» СРНГ II 128; 2) *сбахтать* «(о масле) сбить» (Костр.

губ. – Кин) МКНО – рус. (обл.) *пахтать* «сбивать (масло из сливок или сметаны)» Даль III 26; 3) *бриткий(-кой)* «быстро делающий, выполняющий что-либо; скорый в работе» (Яр – Пош) ЯОС II 23 – рус. (лит.) *прыткий*; 4) *бужеваться* «метаться, быть непостоянным, ненадежным, не держать слова» (Яр) ЯОС II 28 – рус. (лит.) *бушевать*; 5) *гачуля* (Яр – Пош, Рыб) ЯОСК – рус. (лит.) *качели*; 6) *голея* «тропинка в поле» (Яр. губ. – Мол) ЯОСК – рус. (лит.) *колея*; 7) *Главдéя* (Яр – Гавр.-Ям) ЯОСК – рус. (лит.) *Клавдия* (имя); 8) *загráбáздить* (Яр – Некоуз, Тут) ЯОСК – рус. (лит.) *заграбастать*; 9) *жужуказать* (Яр – Дан) – рус. (лит.) *шушукать*; 10) *зéргало* (Костр – Буй; Яр – Тут, Угл) ЯОСК – рус. (лит.) *зеркало*; 11) *зéргáльный* (Яр – Пош) ЯОСК – рус. (лит.) *зеркальный*; 12) *клубníга* (Яр – Тут) ЯОСК рус. (лит.) *клубника*; 13) *лéнда* (Костр – Нер) КОСК (Костр. губ. – Кин) МКНО – рус. (лит.) *лента*; 14) *логоть* (Костр – Буй) КОСК – рус. (лит.) *локоть*; 15) *педи-стенок* «спальня» (Яр – Дан) ЯОСК – рус. (диал.) *пятистенок* «деревянный дом, разделенный на две части капитальной стеной» СРГНО 452; 16) *подог* «длинная палка, на которую опираются при ходьбе» (Костр – Солигал) КОСК – рус. (лит.) *батог*; 17) *сабог* (Костр – Нер, Сусан) КОСК, (Яр – Дан, Рыб, Щерб, Гавр.-Ям, Тут; Костр – Крас) ЯОСК – рус. (лит.) *салог*; 18) *сабожник* (Яр – Мышк) ЯОСК – рус. (лит.) *саложник*; 19) *хлибает* (Костр. губ. – Гал) – рус. (лит.) *всхлипывает*; 20) *чеверíги* «черевики, женские башмаки» (Костр. губ. – Кин) МКНО – рус. (диал.) *чеверики* «то же» Даль IV 586, рус. (обл.) *чеверики* «женские сапожки на высоких каблуках» Даль IV 590; 21) *крыжа* (Яр. губ. – Рост) КЯОС 97 – рус. (лит.) *крыша*; 22) *сдib-рить* (Яр. губ. – Пош) КЯОС 182 – рус. (разг.) *стибрить*; 23) *свиréбой* (Яр – Мышк) КЯОС 181 – рус. (лит.) *свирапый*; 24) *сóйга* (птица) (Яр. губ.) КЯОС 189 – рус. (лит.) *сойка*.

Из 24 рассмотренных выше примеров 19, то есть около 80%, приходится на случаи, где звонкий согласный вместо обычного для литературного языка и остальных говоров глухого выступает в середине слова, и только пять, то есть 20%, – на случаи, где звонкий вместо глухого отмечен в его начале, ср.: *базлёны*, *сбахтать*, *бужеваться*, *загráбáздить*, *зéргало*, *зéргáльный*, *клубníга*,

² В слове *пала* < **лаба*, очевидно, под влиянием начала слова оглушение коснулось также начала второго слога.

лёнда, логоть, педистенок, подог, сабог, сабожник, хлыбает, чеверыги, крыжа, сдйбрить, свирёбой, сбыйга – бриткий, гачуля, голея, Главдёя, жужукать. Если учесть при этом, что в одном из случаев речь идет об одновременном озвончении глухого также в середине слова (*жужукать*), который, таким образом, не типичен как пример озвончения начального глухого, то процент случаев озвончения начальных глухих станет еще меньше. Интересен также пример *подог* (костр.) (яросл. *падог*), где одновременно наблюдается глухой согласный в начале слова при звонком в середине как соответствие слав. (рус.) *батог* с противоположным распределением согласных по звонкости-глухости. О том, что с исходной славянской формой имеем дело именно в последнем, а не в первом случае, вполне отчетливо, помимо рус. *батог*, говорят все его инославянские соответствия, ср.: др.-рус. *батогъ* «бич», рус. *батог* «палка, трость; простая из лесного дерева палка; бильная часть цепа; палка, посох», укр. *батіг* «кнут, плеть; усы у огурцов, дынь», п. *batog* «здравенная дубина», *batogi* (мн.) «битье палкой», кашуб. (словин.) *bātag* «бич, плеть», ч. *batoh* «дорожная заплечная котомка», ст. *batoh* «плетка», схв. *бāтог* «палка; сущеная рыба», восходящие к псл. **batogъ* (ЭССЯ в. I, 165–166). Рассмотренный иллюстративный материал позволяет сделать вывод, что восточнославянские слова (и тем последовательнее, чем к более древнему периоду славяно-неславянских языковых контактов они восходят) переделывались согласно свойственным им языковым навыкам носителями языка, в котором противопоставление глухих и звонких согласных не имело фонематического значения, а было обусловлено чисто позиционно. Имеется в виду, по-видимому, язык, где существовали, не считая сонантов, только глухие согласные фонемы. Эти фонемы были абсолютно глухими в начале слова, если данное слово не объединялось особенно тесными связями (например, как второй компонент композита) с предшествующим звонким (сонорным или гласным исходом). В интервальной позиции или между сонантами глухая фонема могла озвончаться. Однако этот звонкий («озвонченный») вариант воспринимался носителями

данного неславянского языка лишь как позиционно обусловленный вариант той же глухой фонемы, поскольку оба проявления звука не могли быть противопоставлены в одной позиции и служить в речи в качестве смыслоразличительных сигналов (фонем). Скорее всего, речь могла идти не о звонких, а о полузвонких (точнее, полуглухих) звуках, подобных эстонским [B], [D], [G] (ср. эст. *luba* «разрешение», *edasi* «вперед», *põukogu* «совет») или близким к ним, но более глухим финским *p*, *t*, *k* в интервокальной или постсонантной позиции (ср. ф. *ari* «помощь», *katu* «улица», *ranta* «берег»)³. В целом, можно говорить о том, что в начале слова глухой согласный в дославянском (мерянском) языке произносился более сильно и, следовательно, глухо, в середине же слова сила его произношения спадала, следствием чего могло становиться его озвончение или при еще большем ослаблении силы произношения – спирантизация, переход в соответствующий проточный согласный. Оба явления наблюдаются (в разной степени) как в прибалтийско-финских и саамском, так и в волжско-финских языках. Если финский тяготеет в основном к ослаблению интервокальных согласных с их частичной спирантацией, что дало чередование ступеней (ср. ф. *joki* «река» – *joen* (*jo(y)en*, род.п. ед.ч.), *käte* «рука» (*kätellä* «здороваться за руку») – *käden* (диал. *kädep*, род.п. ед.ч.), *lara* «лопасть; лопатка» – *lavan* (*laaban* род.п. ед.ч.), то марийский наиболее последовательно из волжско-финских языков проводит спирантацию взрывных согласных (ср. мар. Г *йогы*, фон. *joūē* «течение; поток», мар. *шүдö*, фон. *šüdö* «сто» при ф. *sata*, мар. *куво*, фон. *киво* «мякина» при эст. *kõba* «кора (дерева)»). Менее последовательно спирантизация проведена в мордовском языке, который занимает как бы промежуточное положение между прибалтийско-финскими и марийским: с одной стороны, здесь видны (в случае исходных пражинно-угорских *k*, *p*) конечные

³ В связи с последним интересна характеристика произношения этих звуков в учебнике финского языка, предназначенном для эстонцев: «*k*, *p*, *t* произносятся внутри слова почти так же, как эстонские *g*, *b*, *d* (немного сильнее)...» [151, с. 5].

результаты спирантизации данных звуков в середине слова, ср. морд. Э явомс «делить» и мар. коваште «кожа; шкура» при ф. jakaa «делить» и эст. kõba «кора (дерева)», с другой – рефлекс исходного ф.-уг. t сохраняет в мордовском, как и в финском, взрывной характер, тогда как в марийском здесь была проведена спирантизация, ср. морд. Э сядо «сто» при ф. sata и мар. шүдö «фон. šüdö «то же» [53, с. 135-137].

Еще трудно с полной определенностью выяснить, какое положение занимал мерянский язык. Можно только говорить о том, что во внутрисловном консонантизме он обнаруживал некоторые черты, сближавшие его с марийским языком и отдалявшие от прибалтийско-финских и мордовского, однако степень сходства с марийским языком в рефлексации исходных прайзыковых взрывных в середине слова на основании имеющихся, тем более только славяно-русских, данных определить трудно. Ясно одно. Поведение взрывных согласных фонем в начале и середине слова, а также их подбор и позиционная вариативность не оставляют сомнений как в исконно финно-угорском характере языкового субстрата на бывших мерянских территориях, так и в том, что язык, породивший данный субстрат, не мог исчезнуть быстро. Иначе бы следы его фонетического влияния не были столь явственны и не оставались бы в такой степени типично финно-угорскими.

Как и другие финно-угорские языки, унаследовавшие эту особенность от финно-угорского прайзыка, мерянский, по-видимому, не терпел больше одного согласного в начале слова. Ср. в связи с этим следующую характеристику данной особенности финно-угорских языков: «В начале слова в финно-угорском языке-основе стоял только один согласный (или один гласный). Такое положение в общем сохранилось и в современных финно-угорских языках. Правда, теперь в начале слов мы нередко встречаем сочетание согласных, но эти слова большей частью позднейшего происхождения. К ним относятся, например, следующие: а) изобразительные слова: мр. *крак-крак*, к. *крав*, у. *крок-крок* – карканье вороны; б) заимствования: мр. *краж*, к. *краж* «кряж», «толстое короткое бревно», у. *кран* «кран»; но

заимствования часто приспосабливаются к фонетической системе языка, например, к. *дöва* < русск. *вдова*, ф. *koulu* < швед. *skola* (диал. *skoula*) «школа»; в) новообразования, возникшие вследствие определенных звуковых изменений (чаще всего выпадения гласного первого слога): м. *пси* «горячий, жаркий» < **лиси* (диал. *лиси*), ср. к. *пось* «горячий»...» [53, с. 119].

Подобной особенностью, по всей видимости, обладал и мерянский язык, в связи с чем славянские слова, проникавшие в него, претерпевали изменения, имевшие целью приспособить их к его фонетической системе.

Достигалось это, как и в других языках, двумя путями, которые позволяли устранять скопление согласных в начале слова: 1) путем отбрасывания «лишних» с точки зрения финно-угорской фонетики согласных и сохранения только одного из них, ср. эст. *torm* «буря», син., дат., швед. *storm* «то же»; 2) путем вставки гласного в скопление согласных начала слова, ср. венг. *király* «король» < слав. (юго-зап., сев.-зап.), схв. *králj*, слн. *králj*, слц. *král'*, ч. *král* «то же» [142, т. I, л. 268-269], что опять-таки позволяло оставить в качестве начального один согласный, за которым сразу же следовал гласный. Одним из путей, приводивших к этому, – в случае двух начальных согласных с гласной после них – могла быть также метатеза группы «второй согласный + гласный». Примерами первого способа устранения скопления согласных в начале слова могут быть следующие случаи: *ёлица* «метель» («На улице ёлица, на дворе метелица») (Яр – Пересл) ЯОСК < **вјёлица*, орф. *въёлица* < *въялица* < *вёялица* вследствие диалектного перехода *-је-* < *-ја-*; *моргáть* «сморкать» (Костр. губ. – Нер; ООВС 116) КОСК < *сморгать* < *сморкать*⁴; *нарахáть* «напугать» (Яр – Мышк, Пош, Брейт) ЯОСК < *настрагать*, *нарахáться* «испугаться, струсить» (Ярославль) ЯОСК < *настрагаться*, *нарахнúть* «напугать» (Яр – Некр, Пересл) ЯОСК < *настражнуть*; *осárки* (мн.)

⁴ В примере обращает на себя внимание также уже отмеченное явление озвончения глухого в позиции между сонорным и гласным: переход *-к-* в *-г-*.

«шкварки» (Яр – Брейт, Пош) ЯОСК < (*o*)скварки, где о-, очевидно, является вторично введенным звуком; *мотреть* «смотреть» (Яр) КЯОС 113 < *смотреть*; *ласибо* (Яр – Люб) ЯОСК < *спасибо* (ср. морд. Э *ласиба* «спасибо»); *пёвела* «головня» (Яр – Мол) ЯОСК < *плевела*; *ричать* «кричать» (Яр. губ. – Пош) ЯОСК < *кричать*; *рык* «крик, громкий зов» (Яр – Ерм) КЯОС 178 < струс. *крык* вместо совр. *крик*; *не рой его* «не тронь его» (Костр. губ. – Кин) МКНО < *не (т)роj его* < *не тронь его*, где переход ј < нь объясняется, очевидно, особой палатальной (среднеязычной) вместо обычной для рус. -нь палатализованной артикуляцией, что дало ему возможность перейти в ј(и); *чёрасетко* «вчера» (Костр – Нер) КОСК < *вчёрасетко*, уменьш. от *вчера*; *ши* «ши» (Костр – Нер) КОСК < *ши*, фон. *шчи*; *пышк* «легкий налет на углах, золе» (Яр. губ.) КЯОС 170 < *прыск* «жар угольный» Даль III 530, ср. также укр. *присок* «горячая зора с огнем».

Примеры другого способа устранения скопления согласных в начале слова можно обнаружить в следующих случаях: *бат* «братец» (Костр. губ. – Нер) МКНО; *брат* (Яр. губ.) ЯОС I 77, (Костр – Антр; Яр – Борисогл, Гавр.-Ям) КЯОС 29⁵; *берслет* «браслет» (Яр. губ.) КЯОС 31 (рус. (диал.) *бреслет* – путем его метатезы, ср. рус. (диал.) *браслетка* «браслет» (Яр) КЯОС 35); *гарусть* «грусть» (Яр. губ. – Рост) КЯОС 50 < *грусть* с рядом производных типа *гарустить* «наводить уныние, досаждать»

⁵ Очевидно, слово возникло или путем вставки гласного с позднейшей редукцией и выпадением гласного конечного слога ((д)рус. *брат(ъ)* > **барат* > **барəт* > **барт*, ср. венг. *barát* «друг, приятель; монах; любитель»), или путем метатезы, о чем говорит существование *зват*. *бáрте* (Послушай, *барте* «Послушай, брат») (Костр. губ. – Ветл) МКНО; можно думать поэтому, что исчезновению -р- в позиции перед -т- в абсолютном конце слова могла предшествовать стадия его перехода в глухое [Р] с его дальнейшей полной ассимиляцией следующему за ним -т-, то есть переходом -Р(т) > -т(т), и исчезновением, вызванным тем, что в мерянском языке отсутствовали долгие глухие согласные (как и конечные геминаты). Производным от данного слова является, видимо, глагол *батовать* «(ирон.) домовничать, быть временно хозяином» (Яр – Пош) ЯОС I 78, «выступать в роли (старшего) брата» (?).

(Яр. губ. – Рост) КЯОС 50, *гаруститься* «печалиться, унывать, скучать» (Яр. губ. – Рост) КЯОС 50, *гарусткий* «грустный, скучный» (Яр. губ. – Рост) КЯОС 50 и с другим вставным звуком (-о-) *горусткий* «грустный, скучный» (Яр. губ. – Рост); *терёзвый* «трезвый» (Яр – Гавр.-Ям, Рыб, Пош) ЯОСК (< *трезвый*).

По-видимому, мерянскому языку были чужды также скопления согласных как в конце слова, так и, по крайней мере некоторых, в середине его. Об этом говорят такие примеры: (в конце слова) *весь*, «весть» (Яр. губ.) КЯОС 41 < *весть*; *стол* «кол» (Костр. губ. – Мак) МКНО < *столб*, фон. *столл*⁶; (в середине слова) *взатре* «завтра» (Яр. губ. – Пош) КЯОС 42 < (диал.) *взавтре*; *запанья* «подъемная дверь в подполье» (Яр – Мышк) < *западня*; *затре* «завтра» (Яр. губ. – Пош) КЯОС 76 < (диал.) *завтре*; *запраский* «настоящий» (Яр. губ. – Пош) КЯОС 74 < *заправский*; *кошик* «ковшик» (Яр. губ.) КЯОС 95 < *ковшик*; *русол* «рассол» (Костр. губ. – Кин) МКНО < (диал.) *россол*, фон. *руссол* как результат перехода -о- в -у- в предударной позиции; *госыподь* «господь» (Яр – Пош, Тут – употребляется изредка в речи стариков) ЯОСК < *господь*. Из приведенных примеров можно сделать вывод о том, что мерянский язык не терпел в конце слова сочетания двух согласных с конечным взрывным. Подобные сочетания упрощались путем отбрасывания конечного взрывного или устранением предшествующего согласного (даже сонорного). В середине слова в мерянском языке устраивались сочетания двух одинаковых согласных (ср. *русол* вместо *рассол*). Это может говорить о том, что в отличие от прибалтийско-финских языков здесь отсутствовали долгие глухие согласные. Избегались также скопления трех

⁶ Наиболее вероятно представить себе упрощение звукосочетания -лб, фон. -лл как следствие перехода звонкого -л в глухое с дальнейшей его ассимиляцией со стороны -л, что должно было бы дать -лл > л, то есть л долгое. Поскольку такого звука в мерянском, видимо, не имелось, в результате должно было появиться краткое конечное л. Подобные процессы в случае конечной группы «сонант + глухой взрывной» характерны из финно-угорских языков, в частности, для мокша-мордовского (ср. морд. М: *ломатть* (< **ломанъ/ть*, *ломанъ/ть*) «люди» при *ломань* «человек»).

согласных (возможно, с известными ограничениями), ср. *взатре*, *затре*. Судя по тому, что в данном случае сочетание взрывного с сонантом -р- в середине слова сохраняется, тогда как сочетания двух других согласных устраняются вставкой гласного между ними или отбрасыванием одного из них (*запанья*, *кошик*, *госыподь*), можно думать, что сочетания двух зубных (-дн- — *западня*), двух спирантов (-фш-, орф. *вш*) или спиранта с последующим взрывным (-сп-) в мерянском языке не употреблялись.

Из других особенностей фонетики мерянского языка, о которых можно судить по части русских слов славянского происхождения, обращает на себя внимание в области вокализма отсутствие звука -ы. Об этом говорят такие примеры, как *зыбель* «грязное, топкое, трудно проходимое место» (Яр – Некоуз) ЯОСК, ср. (лит.) *зыбъ*, *зыбкий*, *бриткий* при (лит.) *приткий* (Яр – Пош) КЯОС 35; *ручаг* «рычаг; дубинка, палка» (Яр – Пош) КЯОС, где в первых двух случаях налицо замена звука -ы- звуком -и-, а в третьем — того же -ы- звуком -у- (ср. такую же передачу первоначального -ы- в эрзя-мордовском языке: морд. Э *кусят* «ки-сель» – друс. *кысель* «то же»).

Несмотря на единичность, подобные факты не могут быть упущены и не учтены, поскольку сам объект исследования, исчезнувший язык, не может дать многочисленных показаний и приходится довольствоваться относительно скучными, фрагментарными данными. Нередко подобные данные являются лишь своеобразными сигналами, симптомами, позволяющими высказывать только те или иные более или менее обоснованные предположения. Однако в общей сумме собранных материалов, рассматриваемых в системе, даже эти единичные детали могут сыграть положительную роль в деле воссоздания, реконструкции фонетической системы языка, способствуя ее полноте. В особенности полезными они могут оказаться в том случае, если в ходе дальнейшего исследования удастся обнаружить дополнительные (подобные) сведения, подтверждающие закономерность, первоначально выведенную лишь из отдельных примеров. Именно поэтому, несмотря на их известную проблематичность, исследователь

не имеет права умалчивать даже о единичных характерных фактах, могущих представлять интерес для воссоздания мерянского языка, в том числе его фонетики.

К числу подобных интересных, хотя и единичных (возможно, ранее более распространенных), явлений, обнаруживаемых в словах славянского происхождения ярославских и костромских говоров, относятся такие примеры, как *бёзли* «возле» (Костр. губ. – Юрьев); *рюссая* (Яр. губ.) КЯОС 178 при (диал. сев.) *русской* «русский»; *рюхнуть* «провалиться, рухнуть» (Яр. губ. – Пош) КЯОС 178.

Наличие -ё- (-о) вместо -о- и -у- (-у) вместо -у-, то есть -о- и -у- со смягчением предшествующего согласного вместо тех же звуков с твердостью предшествующих согласных, характерных для русского литературного языка и подавляющего большинства русских говоров, скорее всего свидетельствует о том, что в данном случае на русский (славянский) язык повлиял финно-угорский (в данном случае мерянский) (другой язык в данном случае предположить трудно), в котором в ряде случаев вместо славяно-русских о (лат. о) и у (лат. у) выступали переднерядные, лабиализованные звуки ö и ü (ф. орф. ү), характерные из финно-угорских языков для прибалтийско-финских (в том числе эстонского, финского, карельского и вепсского, территориально смежного в прошлом с мерянским), марийского (также в прошлом территориально смежного с мерянским) и венгерского языков. Ср. в связи с упомянутым ф. *ryssä* (народное, также пренебрежительное) «русский; русский язык; вприсядку (букв. – по-русски) – о танце», а также *ryssänjänis* «русак (заяц)», где также вместо рус. -у- (лат. у) выступает ф. -ү-, то есть -ü-.

Ввиду нехарактерности в целом для славянских языков, в том числе восточнославянских, лабиализованных гласных переднего ряда ö и ü можно полагать, что в данном случае они проникли из мерянского языка, в котором, по крайней мере частично, видимо, употреблялись. Впоследствии мерянские ö и ü могли быть заменены близкими им русскими звукосочетаниями -о- (-о- со смягчением предшествую-

щего согласного, орф. -ё-) и -'у- (-у- со смягчением предшествующего согласного, орф. -ю-), ср. подобную замену при передаче тех же звуков в словах французского происхождения: фр. *chauffeur*, *buvard*, – рус. шофер, бувар. В русскоязычной постмерянской среде, где в данных или связанных с ними словах произошла предполагаемая замена гласных заднего ряда -о-, -у- (лат. и) их переднерядными соответствиями -ё-, -й-, она была вызвана, очевидно, тем, что эти заднерядные гласные должны были выступать перед слогами с гласными переднего ряда (**βoZl'i*, фон. *возл/i* «возле», **ruskäjä* «русская», *rušit'* «рушить»), что вызвало выравнивание вокализма по этим гласным **βoZl'i* > рус. (диал.) *бёзли*, **ruskäjä* > рус. (диал.) *русская*, *rüšit'* > рус. (диал.) **рюшить* «рушить», откуда по аналогии (диал.) *рюхнуть*). Подобная перестройка гласных, отраженная в данных словах, свидетельствует о том, что, по крайней мере, части мерянских говоров был свойствен своеобразный сингармонизм.

Более заметными, как и в уже рассмотренных случаях, являются в русских постмерянских говорах отклонения в области консонантизма, позволяющие судить об особенностях мерянской фонетики. Здесь обращает на себя внимание своеобразный факт весьма частой замены звука х звуком к, ср.: *бúкало* «(уст.) филин» (Яр. губ.) ЯОСК – рус. (диал.) *бúхало* «то же» Даль I 146; *вараклó* (Яр. губ.) КЯОС 39 – рус. (лит.) *барахлó*; *вийкóтка* «метелка» (Ярославль) ЯОСК – рус. (диал.) *вехотка*, на которое, возможно, повлияло рус. (диал. сев.) *виять* «веять», «пучок сена, соломы; стелька в лапоть; щипанная мочалка для мытья посуды; тряпка, ветошь» Даль I 336; *жмýкý* (Яр. губ.) КЯОС 66 – рус. (лит.) *жмыжý*; *прижукнуться* «притихнуть» (Ярославль) ЯОСК, по-видимому, связанное с *жúхнуть* «тускнуть, померкать, терять вид, лоск» (Даль I 548) и, следовательно, предполагающее исходное *прижухнуть* (в отношении семантики ср. такой же переход в рус. (лит.) *стушеваться* «незаметно исчезнуть, удалиться совсем откуда-нибудь; оробеть, смутиться» от первоначального «слиться с фоном при слишком сильном тушевании фигур на чертеже, картине (карандашом)»); *кáмочка* «хо-

роша одетая деревенская девочка» (Яр. губ. – Угл) КЯОС 84, очевидно, связано с *хам* «(бранные) прозвище лакеев, холопов или слуг; крепостной» Даль IV 542; *коровóд* «хоровод» (Яр. губ. – Пощ) КЯОС 93, *коровóдиться* «хороводиться» (Яр. губ. – Пощ) КЯОС 93; большое количество слов, связанных с глаголом *хоронить(ся)*: *коронить* «прятать» (Костр – Судисл; Яр – Мышк) ЯОСК, *коронить* «хоронить» (Яр. губ.) КЯОС 93, *коронítъся* «прятаться (букв. – хорониться)» (Яр – Борисогл, Брейт, Рост, Мышк, Ярославль; Ив – Ильин) ЯОСК, *скоронить* «склонить, спрятать» (Яр. губ.) КЯОС 186, *скорониться* «спрятаться» (Яр. губ. – Рост) КЯОС 186, (Костр – Костр) КОСК, *ускоронить* «спрятать» (Костр – Нер) КОСК, *вскоронюшки* «игра в прятки» (Яр – Брейт) ЯОСК, *коронíчки* «прятки (игра)» (Яр – Пересл, Некоуз, Угл) ЯОСК, *коронúки* «прятки (детская игра)» (Яр – Большес), *коронúхи* (Яр – Некр, Гавр.-Ям) ЯОСК, *коронúшки* (Яр – Мышк, Борисогл, Брейт, Рост, Некоуз, Некр; Ив – Аньк, Ильин; Костр – Костр, Нер), *коронóчки* (Яр – Пересл) ЯОСК, *коронóшки* «то же» (Яр – Брейт) ЯОСК, *короня* «пряча» (дееприч.) (Яр – Брейт); «прятки» («дайте в короня играть» – Яр) ЯОСК, *короняки* «прятки» (Ив – Ильин.-Хов) ЯОСК, *короня́чки* (Яр – Яр; Костр – Костр, Нер) ЯОСК, *короня́шки* «то же» (Яр – Гавр.-Ям) ЯОСК, *укорóнку* «тайком» (Костр) КОСК; *заóкать* «застонать» (Яр – Пречист) – рус. (лит.) *заохать*; *затклéцы* «задохнувшиеся в яйцах цыплята» (Костр – Гал) – рус. (лит.) *затхлый*, (диал.) *затхнуться* «задохнуться от недостатка воздуха» СРНГ XI 115; *про-кляждаться* «не торопиться (букв. – прохладиться)» (Костр. губ. – Гал) МКНО; *клев* (Костр – Антр, Буй, Гал, Ней, Судисл, Сусан; Яр – Брейт, Дан, Мышк, Некоуз, Некр, Пощ) ЯОСК, (Костр – Костр) КОСК – рус. (лит.) *хлев*; *кужúк* < **кожук* (с переходом предударного -о- в -у-) «верхний выступ в передней части русской печи; нижняя часть русской печи» (Яр – Брейт, Пощ) ЯОСК – рус. (диал.) *кожúх* «округлая покрышка, свод; навес над чувалом, очагом; нижний раструб дымовой трубы над русской печью; свод банной печи, каменки» Даль II 130; *закомякивать* «есть с жадностью» («Хватит тебе закомякивать, щеки лопнут» – Яр – Рыб) ЯОСК, – по-видимому, от (диал.) *комяк*

«хомяк (грызун с большими защечными мешками, куда он набивает пищу)», первоначальное значение слова – «есть жадно, как хомяк»; *крóпкой* < **крупкой* < *хрулкий* (Яр. губ.) КЯОС 97 – рус. (лит.) *хрупкий*; *кулигáн*, *кулигáнить* (Яр. губ. – Пош) КЯОС 99 – рус. (лит.) *хулиган*, *хулигáнить*. Иногда, видимо вторично, первоначальное *к*, употребленное вместо русского литературного и свойственного большинству русских диалектов *х*, переходило в начале слова перед гласным в *г*. Таким образом появлялись слова типа *голстинка* «головной платок» (Яр. губ.) КЯОС 53 или – явно позднейшее – *гулиган* «хулиган» (Яр. губ. – Пош) КЯОС 56, где с первым вполне сравнимы рус. (лит.) *холст*, рус. (диал.) *холстинка* «бумажная полосатая и клетчатая ткань, цветной миткалъ» Даль IV 560. Круг слов, где русскому литературному и обычному диалектному *х* в ярославских, костромских и ивановских говорах соответствует *к*, мог быть шире, о чем свидетельствуют слова, существующие в настоящее время в упомянутых говорах. К ним в числе прочих могло относиться такое важное слово, как *колст* (*холст*). Видимо, в противовес фонетической (более ранней) тенденции замены обще(велико)русского звука *х* звуком *к* в тех же говорах возникло гиперическое явление замены обще(велико)-русского *к* звуком *х*, ср.: *балхон* «чердак» (Яр – Некоуъ) ЯОС I 57 – рус. (лит.) *балкон* (с другим значением, однако несомненно связанное с данным словом); *хлеть* (Костр. губ. – Варн) МКНО – рус. (лит., диал.) *клеть*; *холпак* «крыша» (Костр. губ. – Солигал) МКНО – рус. (лит.) *коллак* «головной убор конусообразной или овальной формы; покрышка такой формы к разным предметам».

Замену звука *х* в словах славянского (и вообще немерянского) происхождения звуком *к* в русских говорах с бывшей мерянской территорией есть все основания рассматривать также как одно из явлений, возникших вследствие воздействия мерянской фонетической системы на славяно-русскую. Очевидно, в мерянском языке подобно большинству других финно-угорских языков, в том числе смежных с ним территориально, отсутствовал звук, аналогичный русскому (и славянскому вообще) *х*. Надо сказать, что к

настоящему времени этот звук проник в фонетическую систему марийского и мордовских (эрзя и мокша) языков, расположенных в прошлом по соседству с мерянской языковой территорией. Однако произошло это, по всей видимости, сравнительно поздно и только под влиянием других языков: для мордовских – русского; для марийского – русского, а также чувашского и татарского. Первоначально звука *х* не было ни в марийском, ни в мордовском языке, он, как и в ярославских, костромских и ивановских русских говорах, передается в наиболее древних славяно-русских заимствованиях звуком *к*, ср.: мар. *роскóт* (МарПС 507) – рус. *расход*; мар. *сukará* (МарПС 547) – рус. *сухари*; мар. В *móko* (МарПС 328) – рус. *мож*; мар. *плокá* (МарПС 433) – рус. *плохой*; мар. *лакáн* (МарПС 280) – рус. *ложань*; мар. *окотá* (МарПС 376) – рус. *охота*; мар. *sákyr* (МарПС 517) – рус. *сахар*; мар. *манáк* (МарПС 314) – рус. *монах*; мар. Г *коромýна* «хоромина, пустое жилище, без имущества и людей» (МарПС 224) – рус. *хоромы*⁷; морд. Э *коцт* < **хотст* < *холст*(*ь*) (ЭрзПС III) – рус. *холст*; морд. Э *крéн* (ЭрзПС 112) – рус. *хрен*; морд. Э *козяйка* «жена» (РЭрзС 98) – рус. *хозяйка*; морд. Э *сока* (ЭрзПС 198) – рус. *сога*; морд. Э *колка* «пук, пучок, клок, ключок (волос, шерсти, травы); колка (у лошади)» (ЭрзПС 105) – рус. *холка*; морд. М *крамой* (РМокшС 627) – рус. *хромой*; морд. М *кренъ* (РМокшС 627) – рус. *хрен*; морд. М *сóка* (МокшПС 253) – рус. *согá*.

Приведенные выше русские (постмерянские) диалектные слова с заменой звука *х* звуком *к* в целом отражают ту же особенность консонантизма, которая характерна для марийского и мордовских языков. И там и здесь *к* служит для передачи славяно-русского *х* независимо от его положения в слове – в начале, середине или конце.

⁷ Судя по примерам, приводимым Л.П.Грузовым, раньше количество слов подобного типа в марийском языке было больше, теперь же под влиянием русского языка оно постепенно уменьшается: «В старых изустных заимствованиях *ф* передавался *п* или *в*, а *х* – согласным *к* или иногда *г*, например ... *крен* «хрен», *кром* «хром»... *лемек* «лемех»... *Сакар* «Захар» ... и др. Подобная ситуация в современных заимствованиях наблюдается в основном лишь в речи старшего поколения» [25, с. 214].

Важной особенностью консонантизма тех же русских народных говоров является и то, что в них неоднократно встречаются случаи, когда общерусскому (литературному и диалектному) звуку б соответствует в или, наоборот, где в русском литературном языке и большинстве говоров выступает в, появляется звук б. Примерами замены первого рода (в вместо б) служат следующие слова: *ваш-ваш* < **баш-баш* < **бяш-бяш* «подзывающие слова для овец» (Яр – Толбух) ЯОСК – рус. (лит., диал.) *бяш-бяш* «призывающая кличка овец» Даль I 159; *варакло* «тряпье, старье» (Яр. губ.) ЯОСК – рус. (лит., диал.) *бараクロ*; *вердо* (*вёрдо*) «часть ткацкого станка» (Яр – Первом, Толбух) ЯОСК – рус. (лит.) *бёро* «принадлежность ткацкого стана, род гребня, для прибоя утока, для чего каждая нить основы продета в набор или зубья берда, вложенного в набилки» Даль I 81; *вес* (Костр. губ. – Мант) МКНО – рус. (лит.) *бес*; *вудень* («Не надевай в вудень хорошее платье») (Яр – Рост. Рыб) ЯОСК – рус. (лит.) *будень*; *извисоваться* «расшалиться» (Ив – Ильин.-Хов) ЯОСК – рус. (диал.) *избесить* (*избесновать*) «приучить беситься, бесноваться, выходить из себя», *избесноваться* «привыкнуть к необузданной ревности или к вспыльчивости, злости» Даль II 12-13; *коловушки* «вид печенья круглой формы, приготовленного из пресного теста» (Костр – Остр) КОСК – рус. (диал.) *колобушки* «небольшие пирожки» (Костр – Солигал) КОСК, *колобушка* «скатанный ком, шар, груда, валенец, катанец; небольшой круглый хлебец; кокурка, толстая лепешка, клецка из пресного теста, иногда на молоке; пряженец кислого теста, круглый пирог с толокном» Даль II 138; *баловéс* «шалун» (Яр. губ.) КЯОС 28 – рус. (лит.) *балбес*; *бáка* < **бавка* < *бабка*, «стрекоза» (Яр. губ. – Угл) КЯОС 27 – рус. (диал.) *бабка* «бабочка», ср. также укр. *бабка* «стрекоза».

Противоположное явление (замена звука в звуком б) встречается в следующих словах: *балуй* «съедобный гриб» (Яр – Мышк, Пош, Тут, Яр) ЯОС I 57 – рус. (диал.) *валуй* «гриб *Agaricus emeticus? foetens? integer?* близкий сыроеjkе» Даль I 162; *уболить* «позволить» («Она лишнего себе ничего не уболит (– не позволит)») (Костр

– Солигал) ЯОСК – рус. (лит.) *уволить* «освободить»; *бёзли* (Костр. губ. – Юрьев) МКНО – рус. (лит.) *возле*; *бетвина* «ветвина, ветка» (Костр. губ. – Кин) МКНО – рус. (диал.) *ветвина* «вица, вязок, напр. для связки двух кольев изгороди» Даль I 334; *побредить* (Костр. губ. – Костр) МКНО – рус. (лит.) *повредить*; *кабардак* (Яр – Борисогл) – рус. (лит.) *кавардак*; *бáкнуть* «сказать что-нибудь необдуманно, невпопад» (Яр. губ. – Рост) КЯОС 38 – рус. (диал.) *вякать* (*вáкнуть*) «врать, пустословить, болтать вздор» Даль I 338; *болтузиться* «возиться» (Яр. губ. – Пош) КЯОС 34 – рус. (диал.) *волтузиться* «возиться, бороться; канителиться; драться (иногда в шутку)» СРНГ V 76.

Поскольку в других говорах русского языка и славянских языках вообще подобное смешение б и в не наблюдается, его можно объяснить только особенностью финно-угорского мерянского языка, который стал языковым субстратом местных русских говоров, образовавшихся в большей или меньшей степени в результате усвоения мерянским населением славяно-русского языка и смешения мери с восточными славянами, поселившимися на этих землях. Чета смешения б и в, вызванная тем, что вместо данных звуков там выступает звук β, занимающий между ними как бы промежуточное положение, свойственна из финно-угорских языков, в частности, марийскому, где при усвоении русского языка марийцами также наблюдается подобное смешение [68, с. 35]. Очевидно, и в мерянском языке двум славяно-русским фонемам – б и в – противостояла одна фонема β, вследствие чего слова русского языка, в которых выступал один из этих звуков, передавались неточно: в ряде случаев вместо б в них произносилось в, а вместо в – б. Первоначально, очевидно, местное мерянское население, усваивая славяно-русские фонемы б и в, подставляло всюду вместо них свою фонему β. Затем в связи с необходимостью различать оба славяно-русских звука, каждый из которых имел фонематическую значимость, местным финно-угорским населением была, по-видимому, усвоена одна из славяно-русских фонем, скорее всего б, как на это указывает пример марийского

языка [25, с. 213]. Мерянская же фонема β могла выполнять роль звука, передающего славяно-русское в. Однако в связи с тем, что фонетическая близость мерянского β к славяно-русскому б, как и марийского β к русскому б (ср. рус. *буфет* – мар. *буфет*, рус. *боевой* – мар. *воевой*, рус. *бинт* – мар. *винт* и т.п.), давала также возможность передачи славяно-русского б с помощью мерянского β, сближаемого с русским в, это служило поводом для смешения со стороны мерянского населения в усваиваемых им славяно-русских словах фонем б и в. Вместе с тем в словах мерянского происхождения (в частности, топонимах) при распространении славяно-русского языка и полном вытеснении им мерянского в силу того, что мерянскому β в славяно-русской речи не мог соответствовать с точностью ни один звук, субституироваться он мог наиболее близкими звуками – б и в, так что единый, в сущности, звукотип передавался двумя славяно-русскими фонемами.

Наряду со случаями замены звука в звуком б в русских диалектных словах славянского происхождения на бывших мерянских территориях встречается замена в звуком м. Переход этот отмечается, в частности, в непосредственной позиции перед и, ср.: *мнук* «внук» (Костр. Мант.) КОСК, (Яр – Брейт, Пересл., Рост, Тут, Ареф, Борисогл., Гавр.-Ям, Дан, Мышк., Некоуз, Первом., Угл., Яр, Рост; Костр – Костр.) ЯОСК, *мнука* «внучка» (Костр – Игод) ЯОСК, *мнуке* (зват. ед.ч. от *мнук*: «На, мнуке, пряник») (Яр – Рыб.) ЯОСК, *мнучатка* (мн.ч.) «внуки» (Яр – Рост, Пересл.) ЯОСК, *мнуочек* (уменьш.-ласк. от *мнук*) (Яр – Тут, Борисогл., Брейт; Костр – Буй, Чухл.) ЯОСК, *мнуочка* «внучка» (Яр – Яр, Большес., Борисогл., Брейт, Бурм., Влад., Гавр.-Ям, Дан, Мол., Мышк., Нагор., Некоуз., Некр., Первом., Петр., Пош., Пречист., Рост., Рыб., Рязанц., Серед., Толбух., Тут., Угл.; Костр – Антр., Буй, Игод, Костр., Красное, Ней, Солигал., Сусан.) ЯОСК, *мнучик* «внучек» (Яр – Некр., Некоуз., Рыб.) ЯОСК.

Кроме случаев, когда м выступает непосредственно перед и, подобная замена встречается в позиции непосредственно перед т, ч, ц (перед т иногда даже в том случае, когда в отделено от него гласным е), а также изредка перед р (будучи отде-

ленным от него гласным е). Общим для всех этих случаев является то, что м появляется в том случае, когда после в в непосредственной близости от него или будучи отделенным гласным е выступает зубной звук. Примеры указанного явления встречаются в следующих словах: *мтака* «птица» (букв. – *птака*) Костр. губ. – Кин, Нер) КОСК [ООВС 117], (Костр – Нер) ЯОСК; *мташка* (Костр. губ. – Кин, Нер) МКНО, (Яр – Брейт, Дан, Некр) ЯОСК; *мтица* (Костр. губ. – Кин, Нер) КОСК [ООВС 117], (Яр – Гавр.-Ям, Люб, Брейт, Некр; Костр – Костр) ЯОСК; *мтичка* (Яр – Брейт, Гавр.-Ям, Некоуз, Ярославль; Костр – Чухл., Нер) ЯОСК, *мтишечка* (Яр – Бурм., Гавр.-Ям, Тут; Костр – Костр); *мчела* «пчела» (Костр. губ. – Юрьев) МКНО, (Яр – Рыб.) ЯОСК; *мцела* (Костр. губ.) МКНО; *мчёлка* (Костр – Солигал) ЯОСК; *мчельник* (Костр – Костр) ЯОСК, *мчёльник* (*мчольник*) (Костр – Костр) МКНО; *метвина* «ветвина, гибкая ветка» (Костр. губ. – Костр) МКНО; *мерлога* «берлога» (Яр – Пош.) ЯОСК.

Значительно реже, видимо, как результат гиперистического отталкивания от диалектного м, которому в литературном языке соответствует в, обнаруживаются в тех же говорах случаи, когда, напротив, вместо м, которое непосредственно (или опосредованно, отделенное гласным е) предшествует и, появляется звук в. Еще реже подобная замена происходит перед р, отделенным от м гласным е, ср.: *вного* «много» (Костр. губ. – Чухл., Ветл.) МКНО; *угувеник* «место позади дома, заросшее травой» (Костр – Красное) ЯОСК – рус. (диал.) *огуменик* «место около гумен и овинов» Даль II 649; *береститься* «казаться» (Костр. губ. – Костр) МКНО – рус. (диал.) *мереститься* «казаться (букв. – *мерещиться*)» (Костр. губ. – Костр) МКНО. Интересно отметить, что марийскому языку также свойственна замена в, фон. β звуком м (реже м – звуком в). Основной причиной перехода в(β) > м в марийском языке является ассимиляция – влияние на в(β) последующего и – что наблюдается и в случае перехода *внук* > *мнук*. Более сложны для истолкования случаи, где вместо и выступают другие звуки.

В области консонантизма русских говоров областей Центральной России, населенных в прошлом мерей, обращают на себя

внимание также специфические явления, которые при всем их своеобразии и многообразии с наибольшей вероятностью можно объяснить связью с различными проявлениями палатальности (среднеязычности) соответствующих согласных. Это случаи взаимоперехода таких пар согласных, как к/т (т/к), г/д (д/г), и перехода этих звуков (например, д и г), а также л в -й- (ј). Указанные явления сочетаются с приобретением во многих случаях данными звуками максимальной степени палатальности, особенно заметной тогда, когда она касается звука исходно заднеязычного, выступающего к тому же перед гласными заднего ряда. В противовес случаям перехода л' > ј изредка встречается явление, когда ј заменяется л'. Ср. примеры переходов л/д, к/т и приобретения палатальности звуком к: *андел* (Яр. губ. – Рост) КЯОС 26 – рус. (лит.) *ангел*; *верёньтя* «корзина» (Яр. губ. – Рост) КЯОС 40 – рус. (диал.) *верёнька* «плетеная корзина» СРНГ IV 130; *дейша* «женское пальто любого покроя» (Яр. губ. – Пош) КЯОС 58 – рус. (диал.) *гейша* «женское пальто, полупалто» СРНГ IV 165–166; *алекит* (Яр. губ. – Рост) КЯОС 26 – рус. (лит.) *аппетит*; *девта* (Яр. губ.) КЯОС 56 (видимо, по аналогии с *девти* > *девки*) – рус. (лит.) *девка*; *зобёньтя* «корзинка с крышкой из луба или дранок» (Яр. губ. – Рост) КЯОС 79 – рус. (диал.) *зобёнька* «то же» СРНГ XI 323; *кесьма* (Яр. губ. – Рост) КНОС 86 – рус. (лит.) *тесьма*; *Кит* (Яр. губ. – Рост) КЯОС 86 – рус. (лит.) *Тит* (имя); *гля* (Яр. губ. – Рост, Пош) КЯОС 51 – рус. (лит.) *для*; *домскёй* «свой, собственный; домовой, свой, собственный» (Яр. губ. – Мол) КЯОС 60 – рус. (диал.) *домской* «свой собственный, домашний» СРНГ VIII 123; *Евдений* (Яр. губ.) КЯОС 63, *Евденья* (Яр. губ.) КЯОС 63 – рус. (лит.) *Евгений*, *Евгения* (имена); *мамонтия* (Яр. губ.) КЯОС 108 – рус. (лит.) *маменька* (букв. *мамонька*).

Взаимное смешение к и т, г и д происходит в том случае, когда заднеязычные к и г и переднеязычные т и д становятся среднеязычными, вследствие чего их артикуляции сближаются, способствуя смешению этих звуков. Именно этим объясняется то, что их графическое обозначение, отражающее в основном происхождение, а также

акустическое восприятие, отражающее их слуховое впечатление (и в значительной степени артикуляцию), как правило, не совпадают: причем в целом ряде случаев в графике используются буквы для обозначения звуков к, г (к, г), к которым добавляются знаки, указывающие на их среднеязычную артикуляцию, при объяснении же артикуляции исходят из их переднеязычных соответствий т, д, указывая на их чрезвычайную мягкость или – при более точном (научном) объяснении – на среднеязычный характер артикуляции. Так, среднеязычные взрывные звуки славянского македонского языка г и к (*вега* «брюзь», *врека* «мешок») объясняются подобным образом: «Македонские г и к (*вега*, *врека*) мягче сильно смягченных русских д и т (*дъяк*, *кутья*)...» [36, с. 550]. Среднеязычные взрывные звуки латышского языка также обозначаются латинскими буквами, служащими для передачи на письме заднеязычных звуков, с добавлением знака, указывающего на среднеязычное произношение соответствующего звука. Произношение соответствующих звуков, обозначаемых в латышском языке буквами š и k̄, объясняется следующим образом: «Согласный š произносится примерно так же, как в русском языке д перед и, е, например: *šimene* (семья), *kušis* (корабль). Согласный k̄ произносится почти так же, как в русском языке т перед и, е, например: *zaķis* (заяц), *kaķis* (кошка)» [13, с. 14]. Менее последовательна в этом отношении орфография венгерского языка, где среднеязычное (палатальное) d' обозначается сочетанием букв gy, а среднеязычное палатальное t' – сочетанием букв ty, то есть в первом случае, как и в македонском или латышском языке, используется буква, служащая обозначением заднеязычного звука, а во втором – буква, обозначающая глухой взрывной переднеязычный звук.

По всей видимости, в приведенных примерах русских диалектных слов речь идет также о среднеязычных палатальных звуках, связанных, с одной стороны, с переходом палатализованных г' и к' в палатальные д' и т' (*андел* < *ангел*, *вереньтя* < *веренька*/ *веренька*), а с другой – как результат гиперкоррекции, с заменой эти-

мологических д и т вторичными г и к (гля < для, алекит < аппетит и т.п.). Случаи проявления замены к звуком т, не связанные с палатальностью, по-видимому, следует объяснить действием аналогии, вызвавшим перенесение этого звука даже на те падежные формы, где он фонетически не оправдан, в связи с появлением т (именно т') палатального в части падежных форм и обобщения его на всю парадигму (ср. девта вместо девка в связи с формой им.п. мн.ч. девти < девки). Возможно и другое объяснение случаев, подобных приведенному, — «исправление» по образцу других форм. Форма девта могла возникнуть из первоначального девтя < девка, будучи «исправленной» в сторону замены палатального звука твердым по образцу девка > девка.

Очевидно, как следствие развития палатальности, достигшей еще большей степени, надо рассматривать те случаи, где вместо г' либо д' русского литературного языка, то есть соответствующих палатализованных звуков, выступает ѡ или - с его выпадением — нуль звука: егиль < *дегиль < дягиль; (Яр. – Угл.) КЯОС 63 — рус. (лит.) дягиль; ерой (Яр. губ.) КЯОС 64 — рус. (лит.) герой; еипецкий (Яр. губ.) КЯОС 64 — рус. (лит.) египетский. По-видимому, следствием того же процесса развития сильной палатальности (уже в позиции перед гласными не переднего, а заднего ряда) надо объяснить появление такой формы, как замиять «замигать» (Яр. губ. — Мол.) ЯОСК, где фонетическое развитие следует представить следующим образом: замигать > *замигать > замиять.

Если вышеуказанные процессы рассматривать как следствие влияния субстратного мерянского языка на наслонившиеся на него русские говоры, — а для этого есть все основания, — то можно считать, что они являются сигналами существования в мерянском языке палатального взрывного согласного т'(D') с двумя позиционными вариантами. Однако этим согласным состав палатальных звуков в мерянском языке не исчерпывался. Видимо, здесь существовало и палатальное л', которое в ряде случаев могло переходить в ѡ. На возможность существования подобного звука указывает

такой пример, как на́гомо < *наля́гомо «перед сном» (то есть перед тем как лечь спать) (Яр. губ. — Мол.) ЯОСК 121, где явно виден случай перехода л в ѡ. Поскольку подобный переход в палатальный ѡ мог произойти только с палатальным л', по всей видимости, здесь речь идет именно о нем. О том, что случаи подобных переходов в русских говорах на бывшей мерянской территории были нередки, в связи с чем звукосочетание -ja-, орф. -я- могло часто восприниматься как возникшее из первоначального этимологического и литературного -ля-, свидетельствует случай несомненной гиперкорректной диалектной формы оделяло «одеяло» (Яр. губ.) КЯОС 130, которая возникла именно в силу отталкивания от возможного неправильного, нелитературного -я- как следствия его возникновения из первоначального -ля-.

Таким образом, есть основание полагать, что в мерянском языке могли существовать наряду с твердыми палатальные согласные. К ним должны были относиться палатальные т' и л'. У т' палатального, по-видимому, мог быть полузвонкий, позиционно обусловленный вариант Д'. Поскольку для твердых мерянских сонантов г и л можно предположить существование глухих вариантов Р, Л (ср. формы типа бат (при барте) «брать» и стол < *stoLp), возможно, палатальный звук (фонема) л' также мог иметь свой глухой, позиционно обусловленный вариант Л'.

Наличие диалектного (Ярославского) ебро (ёбро) (Яр. губ. — Мол., Рост) КЯОС 63 вместо характерного для русского литературного языка и большинства русских народных говоров ребро (рёбро) в связи с тем, что замена согласного звуком ѡ характерна именно для среднеязычных (палатальных) согласных, говорит о том, что, поскольку данного явления нет в русском и других славянских языках, мерянский язык, видимо, мог иметь наряду с палатальными т' и л' также палатальное г' и эту черту передал сменившим его русским народным говорам, где палатальное р' могло быть в дальнейшем заменено палатальным ѡ. Кроме того, в мерянском, очевидно, существовало также палатальное н', о чём косвенно свидетельствует уже приводившийся пример: рус. (диал.) не рой его < *не (т)ронь его «не тронь его» (Костр. губ. — Кин) МКНО, где

переход -нь в ј (й) указывает на несомненный палatalный характер п⁸.

К особенностям консонантизма мерянского языка, возможно диалектным, усвоенным от него русскими говорами-преемниками, относятся, видимо, и своеобразные черты ротацизма, заключающиеся в появлении р перед -э- или вместо первоначального д, ср.: *курзовóк* «плетеная из прутьев корзина круглой формы с широкой ручкой» (Яр – Первом) ЯОСК – рус. (лит., диал.) *кузовóк* «короб из лыка или бересты»; *сварьба* (Костр. губ. – Ветл, Нер) МКНО – рус. (лит.) *свадьба*; *усарьба* (Яр, Костр) ЯОСК – рус. (лит.) *усадьба*. Нечто подобное наблюдается в части мариийских говоров, а именно в северо-западных и горных, территориально особенно близких к мерянскому языку. Здесь встречаются, в частности, такие связанные с ротацизмом изменения, как появление группы -рдн- вместо -чн- (*ларднem* вместо *лачнem* «хочу открыть»), -рдм- вместо -чм- (*лýрдмáш* вместо *лычмаш* «резка, резание»), -рш- (-рс-) вместо ч(ц) (*тэнгершí* вместо *тенгече* «вчерашиий») [25, с. 239]. Русский диалектный ротацизм в какой-то степени сопоставим с приведенными выше примерами подобного фонетического процесса в мариийских говорах, в связи с чем можно предположить, что в обоих случаях речь идет о появлении звука р перед согласным или группой из двух согласных, которая затем могла претерпеть упрощение, связанное с выпадением среднего согласного. Следовательно, формы *сварьба*, *усарьба* могли возникнуть из предшествующих образований **свардьба*, **усардьба* < *свадьба*, *усадьба*, а форма *курзовок* – из предшествующей *кузовок*. Учитывая возможную взаимозамену звуков β/щ в мерянском языке, отражаемую постмерянскими русскими говорами как б/м и позволяющую сблизить предполагаемую группу -рдъб- с марийской -рдм-, а также то, что в мерянском звук Z (рус. з) – это

⁸ О том, что палatalность характерна в целом и для других русских говоров, сформировавшихся на бывшей мерянской территории, говорят следующие примеры из их среднерусской, владимиро-поволжской, группы: *тислой* «кислый», *дибелъ* «гибель», *рути* «руки», *нóди* «ноги», *Ваньта* «Ванька», *Ольдя* «Ольга» [76, с. 293].

позиционный вариант фонемы s (рус. с), что позволяет сблизить группу -рз- с группой -рс-, предполагаемой для диалектного марийского, можно прийти к заключению, что ротацизм, в столь близкой форме обнаруживаемый марийскими говорами, является в русском диалектном языке Ярославской и Костромской обл. наследием местного вымершего финно-угорского мерянского языка.

Уже в связи с наличием ротацизма в русских постмерянских говорах, очевидно, отражавшим одну из черт субстратного мерянского языка, территориально смежного с марийским, возникает сомнение в справедливости предположения Л.П.Грузова о чувашском происхождении ротацизма в марийском языке: «История ротацизма в марийском языке еще не изучена. Ю.Вихман считает, что в древности это явление носило более широкий характер. При этом он исходит из того, что ротацизм встречается не только в западных диалектах, но иногда он обнаруживается и в восточном диалекте. Однако такое утверждение Ю.Вихмана, по-видимому, нельзя считать окончательным. Здесь может быть другое объяснение. Как известно, ротацизм представляет собой характерное явление для чувашского языка. Поэтому можно предположить, что он развелся в марийском языке под влиянием соседнего чувашского языка» [25, с. 240]. Предположение о чувашском влиянии как причине возникновения марийского ротацизма вызывает сомнение уже в связи с тем, что среди мариийских говоров он характерен преимущественно для западных (горных), хотя булгаро-чувашское влияние испытывали не в меньшей степени и восточные говоры, то есть относящиеся к луговому и восточному марийским диалектам. В еще меньшей степени чувашское (или булгарское) влияние могло быть действенным в отношении мерянских говоров, фонетические особенности которых отразились в связанных с ними территориально русских говорах. Скорее всего, речь идет о финно-угорской фонетической изоглоссе, распространявшейся на часть мерянских и марийских говоров. Каковы были причины возникновения этой изоглоссы – то ли спонтанные локальные фин-

но-угорские, то ли привнесенные извне каким-либо третьим языком (возможно, субстратным), то ли следствие взаимодействия обеих указанных причин, – воздействие со стороны булгаро-чувашских тюркских говоров скорее всего исключается. В связи с этим следует, по-видимому, усомниться и в том, является ли ротацизм органично чувашской чертой. Поскольку этой особенностю чувашский язык близок к финно-угорским, марийскому и мерянскому, не исключено, что она могла быть привнесена не в марийский из чувашского, а в чувашский из марийского. Другим объяснением данной общности может быть то, что три упомянутых языка подверглись влиянию какого-то четвертого, возможно, субстратного.

Палатальность в мерянском языке – в отличие от русской палатализации – относилась только к согласным t (D), l, n, (?) z, возможно, также к s (Z), то есть к переднеязычным (зубным), однако не могла быть связана с губными. Об этом свидетельствует, в частности, наличие такого примера, как *вязка «кохапка соломы, сена; большой сноп льна, ржи»* (Яр – Серед) ЯОСК, с отсутствием смягчения (палатализации) после v – рус. (диал.) *вязка «всякая веревка, шнурок; жгут из соломы для связывания снопов; шнурок для обуви; прут, соединяющий копелья полозьев саней; ручка косы»* СРНГ VI 75, рус. (лит.) *вязанка*. Замена общерусского палатализованного v' твердым v, очевидно, объясняется отсутствием палатализованных звуков в мерянском и отсутствием (невозможностью) палатального v, что привело к необходимости передачи славяно-русского палатализованного v' постмерянским русским (диалектным) твердым v. В связи с этим в приводившемся выше примере *б'эзли, фон. б'озли «возле»* (Костр. губ. – Юрьев) МКНО имеется основание звукосочетание 'o' (o со смягчением предшествующего согласного) рассматривать как позднейшее видоизменение первоначального (постмерянского) **βöZ1'i*, где под влиянием гласного переднего ряда i следующего слога гласный заднего ряда o был заменен его переднеязычным соответствием ö. Последующее '-o', орф. -ё- ввиду, по-видимому, первоначального отсутствия смягчения губных в постмерянских русских говорах, как и в

повлиявшем на них мерянском языке, следует рассматривать как позднейшую замену -ö- наиболее близким ему русским звукосочетанием, что (вместе с вытеснением мерянского языка) было вызвано все большим сближением фонетической системы его непосредственных русских говоров-преемников с фонетикой остальных русских диалектов чисто славянского происхождения. Последствием этого было вытеснение таких чуждых славяно-русскому языку звуков, как переднерядные ö и ü.

Наряду с уже отмеченными фонетическими особенностями русских говоров бывшей мерянской территории (в основном из области консонантизма), в которых они отклоняются от русского литературного языка и других русских говоров, обращают на себя внимание те черты, которыми эти говоры сближаются, иногда в отличие от других русских диалектов, с русским литературным языком. В какой-то степени, как и рассмотренные выше дифференциальные черты, эти особенности могут быть связаны со свойствами мерянского языка, отражать его фонетическое своеобразие.

К числу подобных особенностей русских говоров постмерянской территории следует отнести в основном вполне четкое различие свистящих s, z и шипящих š, ž, что сближает эти говоры с литературным языком и большинством других русских говоров и одновременно отличает от той части диалектов, в том числе контактировавших с финно-угорскими языками, например псковскими, где наблюдается смешение этих звуков [76, с. 72]. Вместе с тем нельзя не отметить, что некоторым говорам этой территории, в частности владимирским, свойственно «особое произношение мягких s' – z', связанное с повышением степени их палатальности» [77, с. 86]. В связи с тем что говорам постмерянских территорий свойственна палатальность еще других переднеязычных (зубных) согласных (t, d, n, l, p), кроме s, z, причем палатальность согласных может быть следствием мерянского субстратного языка, есть основания считать, что палатальность (или значительная ее степень) в произношении мягких s и z во владимирских говорах вызвана той же причиной. Очевидно, по

крайней мере, части его говоров были свойственны палатальные s' и z'⁹. Вместе с тем различие в русских постмерянских говорах свистящих s, z и шипящих ш, ж свидетельствует о том, что в мерянском эти звуки должны были различаться.

Другой чертой консонантизма русских говоров постмерянской территории, сближающей их с литературным языком, является отсутствие цоканья (и чоканья). Случаи этих явлений (прежде всего цоканья) здесь чрезвычайно спорадичны (единственный пример — *мцела «пчела»* (Костр. губ.) МКНО) и относятся, скорее всего, к говорам пограничным с вологодскими, представляя собой иногда отдельные лексикализованные заимствования из них. На это явление (отсутствие цоканья и чоканья, то есть смешения этимологических аффрикат ц и ч или употребления одной из них) указывают и авторитетные издания по русской диалектологии: «Различение аффрикат ч' и ц: (ч')ай, (ч')исто, дó(ч')ка, но(ч'); кури(ц)а, кон(ц)á, конé(ц) — характерно для большинства говоров южного наречия и говоров ряда центральных областей (Московская, большая часть Калининской, Ярославской, Костромской, Горьковской), а также для литературного языка» [77, с. 82]. В связи с указанным следует полагать, что в мерянском, как и в мордовских и марийском языках, в отличие от прибалтийско-финских существовало две фонемы — с и с̄, поэтому местное финно-угорское население при усвоении славяно-русского языка могло произносить как славяно-русское ц, так и ч и не сме-

⁹ Возможно, этой особенностью мягких с, з во владимирских говорах и их первонаучальной близостью к мягким в прошлом ш, ж следует объяснить то, что именно здесь, как частично и в костромских говорах, встречаются формы типа *молосный* с заменой фонетического -шн- в *молочный*, *пшеничный*, *яичница* звукосочетанием -сн- [77, с. 293]. Поскольку подобная замена выступает явно в позиции перед твердым согласным, где должно было употребляться не палатальное, а твердое -с-, если в данной особенности усматривать (пост)мерянскую черту, невольно напрашивается предположение, не приближалось ли в части говоров любое мерянское s по своей артикуляции и акустическому эффекту к финскому s, которое также воспринимается как среднее между русскими s и ш [24, с. 22].

шивать их. Как известно, явление цоканья объясняется влиянием на русский язык прибалтийско-финских, где возможна, хотя и изредка, аффриката с (ц) и полностью отсутствует аффриката с̄ (ч), в связи с чем оба звука (ц и ч) в случае отсутствия специальной подготовки для усвоения звука ч передаются одной аффрикатой ц.

Менее ясны в совпадениях со славяно-русскими фонетическими особенностями и своей специфике, которая частично уже отмечалась, черты мерянского вокализма, насколько на них могут указывать особенности системы гласных местных русских говоров Костромской, Ярославской, Ивановской, Владимирской и других областей, совпадающих с территорией, в прошлом занимаемой мерей. В принципе, — отвлекаясь от особенностей конкретной реализации соответствующих звуков, мерянских и славяно-русских, — можно говорить о значительном совпадении количества и состава гласных фонем мерянского и местного диалектного северно-(велико)русского языков. Свообразие мерянского вокализма могло заключаться в том, что ему была чужда фонема ы, о чем говорят уже приводившиеся примеры ее замены в ряде местных слов звуками у и и, ср. *ручаг* «рычаг», *britkij* «прыткий». Другой особенностью мерянского вокализма, возможно диалектной, могло быть наличие фонем (или их вариантов) в виде двух предполагаемых переднерядных лабиализованных звуков — ö и ü, соответствующих лабиализованным заднерядным о и и. Не исключено, что, поскольку в костромской группе северно-русских говоров, к которой относятся говоры Костромской и Ярославской обл., как и в других северно-русских говорах, различаются два типа е — открытая е (рефлекс древнерусского е) и закрытая е (рефлекс древнерусского ъ, иногда ему соответствует и или дифтонг ie), это явление было поддержано существованием в мерянском, а также в прибалтийско-финском языках двух близких им фонем — ä (очень открытого звука, среднего между е и a) и e (закрытого е). В связи с тем, что некоторым русским окающим говорам, расположенным на бывшей территории распространения мерянского языка, в частности владимирским, свойствен особый тип ока-

нья, связанный с редукцией¹⁰, тогда как другим окающим говорам редукция не свойственна, можно думать, что она появилась там под влиянием мерянского языка, в котором в таком случае должны были выступать два редуцированных звука – переднего и заднего ряда ə и ə̄. Очевидно, в прошлом явление редукции северно-русским окающим говорам, распространенным на бывшей мерянской территории, было свойственно еще шире, чем теперь. Об этом говорят такие примеры из ярославских говоров, как *борновать* < **бороновать* «боронить» (Яр. губ.) КЯОС 34 и *борноволок* < **бороноволок* «лошадь двух лет (букв. – лошадь, которая уже может волочить борону)» (Яр. губ.) КЯОС 34. Поскольку на бывшей территории мерянского языка в прошлом были распространены лишь окающие говоры северно-русского типа, из которых только в некоторых, например московских, позднее под влиянием южнорусского диалекта распространилось аканье, следует думать, что в самом мерянском языке было, возможно, аканье, то есть употребление ə в безударной (как правило, предударной) позиции, однако оно было связано с редукцией в других, более отдаленных от ударного, слогах.

Таковы наиболее характерные фонетические черты русских говоров на территории былого распространения мерянского языка. Они дают возможность высказать более или менее обоснованные предположения о фонетике мерянского языка, которые сводятся в основном к следующему.

В мерянском языке употреблялись глухие взрывные фонемы p, t, k, сохранявшие полностью глухость только в (абсолютном) начале слова. В интервокальной позиции, которая, очевидно, могла возникать на стыке

двух слов при особо тесной их связи, а также в положении между гласным и сонантом, внутри слова, глухие взрывные частично озвончались. Возникающие таким образом позиционные варианты глухих взрывных не приобретали полной звонкости, а являлись соответствующими полузвонкими (точнее, полуглухими) B, D, G. Принять возможность полного их озвончения нельзя ввиду того, что в мерянском выступал звук β (средний между b и v), одновременное существование которого с b совершенно исключалось. Ввиду полузвонкости интервокального варианта p, то есть его реализации в качестве B а не b, такими же полузвонкими, то есть D и G должны были являться соответственно позиционные варианты глухих взрывных фонем t и k. Таким образом, в мерянском языке по причине невозможности противопоставления глухих и звонких (полузвонких) в одной фонетической позиции отсутствовало фонологическое противопоставление взрывных согласных фонем по глухости-звукости. Частичное озвончение характеризовало лишь позиционные варианты глухих взрывных фонем.

Кроме полузвонкого B как позиционного варианта p, в мерянском языке существовало звонкое β, которое исходно могло возникнуть как следующая (после B) позиционно обусловленная степень ослабления p (вытеснив и заменив ф.-уг. *w > *v, β позже могло выступать в двойной роли – в качестве связанныго и с праязыковым по происхождению p и с w(v)). Возникли ли и существовали ли здесь соответственно b и v как следующая после D и G степень ослабления t и k, на основании немерянских (в основном славянских по происхождению) лексических элементов русских говоров постмерянской территории установить невозможно. По крайней мере, промежуточную стадию развития глухих взрывных в определенной позиции (очевидно, в конце слова) для мерянского языка исключить нельзя, хотя сделать это можно с помощью немерянских данных только чисто теоретически.

В мерянском языке очевидно, существовали также глухие фрикативные – свистящий и шипящий – звуки s и š. Подобно глухим взрывным они имели, видимо, не фо-

¹⁰ Ср. характеристику этого типа аканья: «Полное аканье, т.е. различение (ə) и (ə̄) во всех безударных слогах, свойственно ср. (= северно-русским. – О.Т.) говорам, кроме владимиро-поволжских, где распространено неполное аканье с редукцией безударных гласных, кроме первого предударного. Другими словами, владимиро-поволжские (*гъвУбр'йт*), (*хърУшо*) противопоставлены произношению (*гбвбр'йт*), (*хбршо*) остальных ср. говоров. Большая полновесность предударного слога во владимиро-поволжских говорах определяется характерной интонацией, свойственной им, и объясняет редукцию остальных безударных слогов» [76, с. 99].

нематически противопоставленные им звонкие соответствия, а только позиционные полузвонкие варианты ž и ڇ.

В инвентарь мерянских фонем должны были также входить две аффрикаты – s и č. Чисто априорно, так как славяно-русские материалы соответствующих данных не предоставляют, следует и для них принять возможность существования позиционно обусловленных (в положении между гласными или гласным и сонантом) вариантов – соответствующих полузвонких з и ڇ.

В мерянском языке отсутствовал звук (фонема) χ, однако это не исключает возможность существования в нем звука h, хотя на основании данных немерянского происхождения из русских говоров постмерянской территории установить или доказать это нельзя.

В мерянском языке могли употребляться сонанты j, l, m, n, r, по крайней мере для двух из которых -l и r- следует принять существование глухих вариантов L и R.

Для мерянской фонетики в области консонантизма, кроме того, были, очевидно, характерны палatalные (среднеязычные) звуки t' (D'), l', n', s', возможно, также r'. По крайней мере, в отношении t', l', n', s' можно предположить фонематичность.

Из гласных для мерянского языка можно предположить существование звуков a, o, u, i, предположительно также e и ä. По-видимому, ему были также свойственны два редуцированных (переднего и заднего ряда

– ə и ɛ. Очевидно, здесь (возможно, только диалектно) употреблялись также переднерядные лабиализованные ö и ü. Установить, все ли данные звуки были фонемами или часть из них являлась лишь вариантами фонем, на основании рассмотренного материала невозможно.

Как и в других финно-угорских языках, в начале слова в мерянском языке мог выступать только один согласный (или гласный). Очевидно, мерянскому языку (возможно, только диалектно и в известный период) было также не чуждо явление своеобразного сингармонизма.

На основании рассмотренных данных нельзя ничего сказать о характере мерянского ударения.

Такой в основных чертах представляется фонетика мерянского языка на основании показаний немерянской (как правило, славяно-русской) лексики русских говоров бывшей мерянской языковой территории. Эти следы мерянского субстратного «акцента» в русских словах нуждаются, однако, в дополнении и уточнении, чтобы сделанные с их помощью предположения приобрели большую степень достоверности.

Рассмотрение фонетических особенностей русской лексики и ономастики предполагаемого мерянского происхождения, чему посвящен следующий раздел, позволит уточнить, проверить и дополнить сведения о фонетике мерянского языка, полученные здесь.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА МЕРЯНСКОГО ЯЗЫКА (НА ОСНОВАНИИ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ И ОНОМАСТИКИ МЕРЯНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ)

Для наиболее полного представления о фонетике мерянского языка необходимо рассмотреть также тот фонетический материал, который можно почерпнуть из включенных в местную русскую лексику и ономастику слов и названий мерянского происхождения. Поскольку в предшествующих исследованиях, касавшихся мерянского языка, изучались, как правило, только русские топонимы, реже географическая лексика предполагаемого мерянского происхождения, в сущности, преимущественно они представляют относительно готовый, не требующий предварительной этимологической аргументации материал для необходимого здесь фо-

нетического анализа. Поэтому именно эти уже в известной степени изученные факты (прежде всего, представлявшиеся наиболее убедительными) будут рассмотрены в данном разделе. Данные этимологических разысканий автора настоящего исследования привлечены в ограниченном объеме, так как отягощенные большим числом этимологических доказательств они не могли способствовать желательной четкости изложения фонетических свойств мерянского языка в их наиболее существенных и доступных проявлениях.

Особой осторожности требует пока решение вопроса о фонемном составе ме-

рянского языка, поскольку при настоящем ограниченном представлении о мерянской лексике о фонематичности того или иного звука можно говорить только предположительно, опираясь не столько на факты самого мерянского языка, сколько на свидетельства других финно-угорских языков, – критерий относительный и недостаточно надежный. Более уверенно можно говорить о позиционно ограниченном употреблении тех или иных звуков, а следовательно, и об их возможной функции вариантов, а не самих фонем. Опираясь на эти внутренние свидетельства мерянского языка, каким он представляется сквозь призму русской лексики и ономастики мерянского происхождения, можно косвенно установить возможный круг его фонем. Однако при настоящей степени исследованности мерянской лексики эти выводы о мерянской фонетике (точнее, фонологии) могут носить только предварительный, предположительный характер. Окончательная их аргументация будет принадлежать тому времени, когда накопленного мерянского лексического материала окажется достаточно для выяснения фонемной противопоставленности (непротивопоставленности, неотмеченности) всех обнаруженных мерянских звуков. В данном исследовании речь будет идти главным образом о мерянских звукотипах, под которыми будут пониматься предполагаемые мерянские звуки безотносительно к тому, фонемы это или их варианты. Предположения об их возможной фонематичности (нефонематичности) будут высказаны в дальнейшем.

Поскольку предлагаемый примерный перечень мерянских звукотипов был уже дан в конце предыдущего раздела, основное содержание данной части работы составят проверка и уточнение высказанных там предположений как в отношении конкретных намеченных звукотипов, так и фонетики в целом.

Вокализм

Звукотип i. К числу слов и названий предполагаемого мерянского происхождения, отражающих данный звукотип, можно отнести следующие: *il'Doma (-Dəmə) «безжизненный, лишенный жизни» – р. Ильдомка

(Костр. губ.) Семенов 233 (ср. мар. *илыдыме* «нежилой, необитаемый»); *ší «этот (эта, это)» – рус. (арг.) *си(енъ)* «есть (букв. – это есть)» (Яр. губ. – Угл) КЯОС 184 (ср. ф. se(on) «это (есть)», хант. sí «это» < урал. *čí/*če «это») ОФУЯ I 399; *lil' «душа» – рус. (диал.) *лили* «женские груди» (Твер. губ. – Каш) Смирнов 86 (ср. ф. löyly «пар», эст. leil «то же», хант., манс. lil «душа», венг. lélek < ф.-уг. *lewle «дыхание, дух, душа») ОФУЯ I 424; *ika(*ikə) «один» – рус. (арг.) *иканя* «копейка» (Яр. губ. – Угл) КЯОС 81 (ср. ф. yksi «один», эст. üks (ühe), саам. ok'tâ, морд. Э *вейке*, мар. *ик*, манс. äk (äke) < ф.-уг. *ikte/*ükte) ОФУЯ I 423. Фонетический характер данного звукотипа, одинаковый или несущественно различающийся на определенном, отраженном данными лексемами, синхронном срезе еще не предопределяет, что всегда в истории этих слов на месте звукотипа i выступал тот же звук. Напротив, есть основания предполагать, что только местоимение ší «этот (эта, это)» отражает первоначальное финно-угорское i. В слове *il'Doma, судя по лексеме того же корня *elä «живой» (ср. Элино – Костр. губ. – Кол), i – появилось секундарно в условиях нового закрытого слога. Не исключено также, что мер. *ika (*ikə), реконструируемое на основе рус. (арг.) *иканя* «(одна) копейка», хотя бы вначале могло иметь звук ÿ- вместо i-.

Во всяком случае, независимо от его происхождения бесспорным является факт существования звукотипа i в мерянской фонетической системе.

Звукотип u. Данный звукотип отражен в целом ряде предполагаемых слов и названий мерянского происхождения, в частности таких, как *kutka (kutkə) «орел» – д. *Кутко(бал)* (*< KutkoBal) «Орлинная (букв. – Орел) деревня» (Яр. губ. – Угл) Vasmer 417 (ср. ф. kotka «орел», мар. *куткыж* «беркут», коми *кутш* «орел», ф.-уг. *kočka «то же») КЭСКА 148; *juk (род.п. juGen/-ən «река» – р. *Юг* (Jug) (Вл. губ. – Горох) Vasmer 394 (ср. ф. joki «река», эст. jõgi, коми *ю*, хант. *юхан*, венг. ст. jó < ф.-уг. joke- «то же») КЭСКА 334; *urma «белка» – рус. (диал.) *урма* «то же» (ср. ф. orava «белка», эст. orav, саам. N oarre, морд., мар., коми *ур* < ф.-уг. *ora(*8ra) «то же»),

ф. -ва и мер. *-ма < *βа под влиянием *-п в *urβa-п, род. п. ед.ч. – суффикс (ф.-уг. *-ра) КЭСКЯ 297–298, Хакулинен I 125–126; *tuDøβa (*-DƏβə) «знающий, осознавший, чувствующий» – рус. (диал.) *при-о-тудобеть* «окрепнуть» (Костр. губ. – Кол) МКНО, о-тутовать «отойти (прийти в обычное состояние)» (Костр – Антр) ЯОСК (ср. ф. tunteva «знающий; чувствующий» от tuntea «знать; чувствовать», связанного с саам. H dow'dāt «то же», коми тöдны «знать», удм. тодыны «то же», венг. tudni «знать, уметь, мочь», нен. түмдä(сь) «узнать; заметить» < урал. *tumte- «знать (*< видеть>)» КЭСКЯ 283, ОФУЯ I 405; *kut'a «собака, щенок» – рус. (диал.) кутя (м. р.) «кутенок, щенок» (Яр – Борисогл., Рост, Пересл; Костр – Нер) ЯОСК, кутя-кутя «слова подзыва для собаки или щенка» (Яр – Яр; Ив – Ильин) ЯОСК (ср. коми кути, кутян, кутю «щенок», удм. кучапи), хант. кэтю «то же», манс. күтю «собака», венг. kutya, возможно, также эст. kutsikas «щенок», нен. хутю «молодая собака; (детск.) собака» (? урал. *kut'-(-ă)a) «(молодая) собака») КЭСКЯ 147.

Примеры свидетельствуют о полной реальности в мерянском языке звукотипа ц, который может быть как продолжением финно-угорской (и даже уральской) фонемы ц, так и следствием трансформации какого-либо другого звукотипа, существовавшего на его месте в предшествующий период развития (proto)мерянского языка. С несомненностью это относится к тем случаям, где мерянскому ц в новом закрытом слоге соответствует о (в первоначально открытом слоге) других финно-угорских языков: мер. *urma < *urβa – с переходом -β- > -т- под влиянием -п в *urβa-п, род.п. ед.ч. < *oraβa < *orapa – ср. ф. orava < *oraβa < *orapa. Здесь ц возникло, видимо, в результате выпадения (через стадию редукции) гласного предшествующего слога, что вызвало компенсирующее удлинение и сужение гласного (в данном случае о) в новом закрытом слоге с последующим переходом в гласный следующей, более высокой степени подъема (ц) при утрате его долготы (*urβa < *ɔrβa < *orəβa < *oraβa). Подобный переход отражен в мерянском *ul'sa(-šə) «бывший (перен. – умерший, покойник)» – рус. (арг.) ульшага «умерший, покойник» (Углич) Свеш 92 (ср. мар.

улшо «присутствующий» от улаш «быть», родственного ф. olla, эст. olema, морд. улемс «то же», коми волі «был», хант. вэл'ты «быть», манс. өлуңкве «то же», венг. volt «был» (ф.-уг. *wole- «быть») ОФУЯ 417, что дает основания предположить возникновение указанной мерянской формы из предшествующего *oləša (-šə) > *oləša > *ol'sha «бывший».

Звукотип о. Отражен в ряде русских диалектных названий, явные финно-угорские этимологические связи которых, а также известное их своеобразие и фиксация на бывшей территории распространения мерянского языка позволяют усматривать в них мерянские субстратные включения, реконструируя на основании этого соответствующие исходные мерянские лексемы, напр.: *tolGa (*tolGə) «перо» – д. Толго(бол) (Tolgobol) (Яр. губ. – Яр) Vasmer 416 (ср. саам. H dol'ge «перо (птицы)», морд. толга, мар. (лыс) тыл, удм. тылы, коми тыв, хант. (вах.) тöүəл, манс. (тавд.) tool, венг. toll, ст. toul «то же», нен. тö «крыло» < *tuo < *tuēj < урал. *tulka «перо, крыло») ОФУЯ 400; SW 166; *joń < *on «есть (является)» – рус. (арг.) (си)енъ «есть (букв. – (это) есть)» (Яр. губ. – Углич) КЯОС 184 (ср. ф., кар., вод., эст. on «есть (является)», иж. опо, вепс. от, лив. им «то же» < *omi < *oma «свой») SKES II 430–431; *n'ero «болото» – рус. (арг.) Нерон «Галичское озеро (характерное болотистыми берегами)» (Костр. губ. – Галич) Вин 48 < *n'ero-n, род.п. ед.ч. от *n'ero в *N'erón (jähre) «Болотное (букв. – болота) (озеро)» (ср. ф. noro «ложбинка, болотистая лощина», мар. нöröö «сырой», удм. нюр «болото; влага; сырость», коми нюр «болото», хант. (казым.) нёрум «то же», (сургут.) n'ugəm «болотистая местность», (вост.) n'or «муть (в воде); пыль», манс. (сев.) няр «болото», (конд) n'ēg, (тавд.) n'ér «то же», венг. nyirok «сырость», сельк. njarre (n'ary) «болото, тундра» < урал. *nōrə (*nōra) «влага, влажный; мокрое место, (болото)» MSzFUE III 486–487, КЭСКЯ 201, SKES II 393, ОСНЯ I, XXVII; II 89; *kolema «смерть; (тяжелая) болезнь» – рус. (диал.) колéма «болезнь» < *kólema под влиянием колéТЬ (яросл.) «(о скотине) умирать» КЯОС 90, колéтыЙ (моск.) «худой, тощий, изможденный» СРНГ XIV 132 и под.

(Костр – Ветл) СРНГК), *kolématъ* «болеть, хворать» (там же) (ср. ф. *kuolema* «смерть», эст. *koolma* «умирать < умирание, смерть>», иж. *kōlema* «смерть», лив. *kìol'imi* < **kōlimine*/**kōlema* «умирание», морд. *кулома* «смерть», мар. *колымá-ш*, коми *кулём* «то же», хант. (казын.) *хал'-ты*, удм. *кулыны* «умирать», манс. (ср.-ловъв.) *khåli* «умирает», венг. *halni* «умирать», нен. *хась* < урал. **kolę*-(**kōle*) «то же») ОФУЯ I 407, MSzFuE II 250–251; **toma* (**tomə*) «дуб» – р. *Тома* (Тома) (Костр. губ. – Солигал) Vasmer 380 < **Toma* (*juk*) «Дубовая (букв. – дуб) (река)» (ср. ф. *tammi* «дуб», эст. *tamm*, морд. Э *тумо*, морд. М *тума*, мар. *тумо*, мар. Г *тум*, удм. *тылы* «то же», дперм. *тулу* «дуб(?)» (*Тули(-шор)* («дубовый (ручей)»?)), где ф., морд., мар. слова происходят из **tomma* «дуб» (Collinder 155), раннепермское (с протофинским?) – из **tum-ru* «то же» (КЭСКА 286); *-*Bol*, ст. *-*Balo* < **palo* – второй компонент двучленных композитов-топонимов – «деревня, село»: д. (Ки)б^{ол}/Kibol < (Ки)б^{ало}, Kibalo (1578 г.) «Каменная (букв. – камень) (деревня)» (Вл. губ. – Сузд) Vasmer 417 (ср. хант. (вост.) *riyəl* «деревня, населенный пункт» СВХД 381, манс. *lävyl*, (конд.) *лавəл*, *лагəл*, *lä'йəл* Баландин – Вахрушева 75, венг. *falu*, мн.ч. *faluk/falvak* «то же», (?) саам. (вост.) *pūlKäz* «район выпаса (*Weidegebiet*)» Lagercrantz II 621, (?) кар. < ? саам. *palvi* «место жительства», угор. (саам.?) *paluz* «деревня; селение < ? *стоянка кочевников у места выпаса скота»).

В рассмотренных примерах всюду на синхронном срезе прослеживается звукотип о. Однако если в ряде случаев его можно считать унаследованным из предшествующих, более или менее отдаленных периодов в качестве исходного звука: **jop'* «есть (являться)» – из финского, общего для прибалтийско-финского и мерянского, SKES II 428–429; **kolema* «смерть; (тяжелая) болезнь» – из уральского; **n'ero* «болово» – из протомерянского, ср. мар. *ñorö* «сырой»; **toma* «дуб» – из прафинского, общего для мерянского с прибалтийско- и волжско-финским (Collinder 155), то в некоторых случаях – как результат развития других звуков. В компоненте сложных слов *-*Bol* «деревня, селение», развившем

свою форму в интервокальной позиции (между гласным и сонантом) из исходного *pol*, обнаруживается характерная для мерянского языка закономерность – переход гласного менее высокого подъема в гласный более высокой степени образования в случае, если он оказывался в новом закрытом слоге. Об этом свидетельствует более древняя форма слова (компоненты), засвидетельствованная в XVI в. Поскольку слог в это время еще был открыт, вместо о – высступал гласный а, ср. (*Ки)бalo*, дающее возможность реконструировать более раннюю форму мерянского слова как **palo*. Почти полное формальное совпадение мер. **palo* «деревня, селение» с венг. *falu* «то же» < **pali* свидетельствует либо об общем происхождении с венгерским (и другими угорскими), либо о заимствовании (прото)мерянским в период контактов этого языка с угорскими языками. Явно вторичным является о – также в реконструируемом мер. **tolGa*, где исходным было прауральское ц (**tulka*). Интересно сходство в развитии вокализма мерянского и мордовских языков с уральскими языками восточной ориентации: развитие исходного ц в о, помимо мерянского и мордовских, произошло во всех угорских и ненецком языках.

Звукотип а. Данный звукотип содержит целый ряд слов и названий предполагаемого мерянского происхождения. С наибольшей уверенностью о нем можно говорить применительно к первому слогу слова, так как именно он, вероятнее всего, нес на себе ударение. О других слогах слова – в какой степени там графическое отображение а и его произношение в современных, преимущественно окающих, русских говорах на постмерянской территории соответствует истинному положению в самом мерянском языке (даже в наиболее близкий нам позднемерянский период), – сказать значительно труднее. Судя по ряду примеров, в частности связанных с появлением новых закрытых слогов, о чем уже говорилось, в мерянском языке гласные, находившиеся в безударной позиции, могли выпадать. Этому мог предшествовать их переход из гласных полного образования в гласные неполного образования, то есть редуцированные. Уже в связи с этим можно

предположить, что и ряд гласных, сохранившихся в безударной позиции, произнись относительно ослабленно, нечетко, частично переходя в соответствующие редуцированные переднего или заднего ряда. Исходя из сказанного, а также того, что, хотя старославянский и древнерусский имели редуцированные (как и знаки для их передачи графически), эта традиция не получила развития в (велико)русской орфографии, современное графическое (и фонетическое) а непервых слогов, в особенности многосложных слов мерянского происхождения, нельзя во всех случаях принять с полной уверенностью за отражение звукотипа а. В части случаев – установить их с полной определенностью пока невозможно – а непервых слогов может, видимо, отражать мерянский редуцированный ряда ә/ә (иногда в непервых слогах слова его может, очевидно, передавать буква о). Ввиду этого здесь будут приведены только те случаи, где звукотип а выступает в первом слоге слова, то есть является наиболее вероятным. К их числу можно отнести, в частности, следующие примеры из диалектных апеллятивов и ономастики: *anDøba «кормящий (-ая), дающий (-ая)» – р. *Андоба* (приток р. Костромы – План р. Костромы 8) (ср. ф. antava «дающий» от antaa «давать», эст. andev, фон. añDev «дающий» от andma «давать», саам. Н. vuow'det «продавать», морд. андомс «кормить», удм. удны «поить», коми удны (в парном слове *вердны-удны* «кормить-поить (= угощать)»), (диал.) удны «поить», венг. adni «давать; продавать» < ф.-уг. *amta «давать») КЭСКЯ 295–296, MSzFUE I 69, ОФУЯ 418; *atä (at'ә) / *ača «отец» – д. *Ate(бал)* (*Atebal*) «Отцовская (букв. – отец) (деревня)» (Моск. губ. – Дмитр) Vasmer 418, р. *Ača* (Костр. губ. – Гал) КГЗ, 83 (ср. ф. ati «тесь; свекор», ätti «отец», ättä, ätä, кар. ätti, вод. ätä «то же», эст. ätt «отец, дед; старик», (диал.) att «то же», морд. Э атя «старик; муж», морд. М áтja «старик; дед», мар. ačá «отец; свекор», мар. Г áтja «отец», удм. atay «то же», венг. atya «отец; монах», где нет уверенности в праязыковом происхождении всех слов, некоторые, например удм. atay (тат. ата «отец», зват. атай), можно считать заим-

ствованиями, в связи с чем их праформа не ясна) SKES I 28, MSzFUE I 100–101; *palo (*-Balo) «деревня, село» – д. (*Ки*)-бало (*Kibalo*) «Каменная (букв. – камень) (деревня)» (Вл. губ. – Сузд) Vasmer 417 ср. также (*Нуш*)поло (*Nušpolo*), – очевидно, ошибочно вместо (*Нуш*)-пало (Вл. губ. – Александр) (ср. хант. (вост.) riçəl «деревня, населенный пункт», манс. лāvyl, (конд.) лагəл Баландин – Вахрушева 75, венг. falu «то же» < угор. *rałuz-; более подробно см. по поводу звукотипа о); *matkoma (*matkēma) «езды, путешествие» – р. *Маткома* < *Matkoma (juk) «Ездовая (букв. – езда) (река)», то есть удобная для езды, плавания (Яр. губ. – Пюш) Дитмар 62 (ср. ф. matka «путь, дорога», matkata «путешествовать, ездить», кар. matka «путь, дорога», matata «идти по дороге; ездить; бегать», венг. matk «путь, расстояние», вод. matka «путь, дорога», эст. matk «путешествие; поход; странствие; прогулка; поездка, экскурсия», matkama «совершать поход; путешествовать; странствовать» < прибалт.-фин. *matka «путь, дорога» с дериватами); *raļGa «гриб» (в том числе растущий на дереве) – рус. *ланга* «губа, губка на древесных породах» (Костр. губ. – Ветл) МКНО (ср. морд. М *ланга* «гриб», морд. Э *ланго*, мар. *лонго*, мар. Г *лонги* «то же» Саваткова 122, нган. fanka «быть пьяным (после опьяняющего напитка с грибом)» < (урал. *raļka «гриб») Востриков ФУЛЭ 32–33, Alvre II 57, Collinder 408, однако с другим вокализмом мер. *roļGa «гриб», реконструируемое на основе названия р. *Лонга* (*Ponga*) (*RoļGa(juk) «Грибная (букв. – гриб) (река)») (Костр. губ. – Кол) Vasmer 377; *kanDo-(ms) «носить» – рус. (диал. груб.) *кандёхать* «работать» (из рус. (арг. постмер.) **кандатъ* «носить, таскать», осложненного суффиксом -ёх-, под влиянием форм типа *несладёха*, *растерёха* и т.п. (Яр – Ярославль) ЯОСК (ср. ф. kantaa «носить», эст. kandma, саам. Н guod'det, морд. *кандомс*, мар. *кондáш*, хант. (вас.) ḡaṇṭəm «поднимать на спине», манс. khunti «то же», нен. hāññā «носить», эн. kaddabo (haddabo) «нести, уводить», нган. kuanda'ama «носить», сельк. kuandaau «носить» < урал. *kanta- «то же») SKES I 157–158, Collinder 406, однако konDo-ва «несущий(-ая)» в на-

звании р. Кондобра (приток р. Нельши – Костр – Ней), где в первом слоге отражен другой вокализм. Как показывают рассмотренные примеры, в основном мерянскому языку свойственно сохранять унаследованный из предшествующих периодов звукотип а в случае, если слоговая структура слова не претерпевала изменений. Когда в результате выпадения гласного последующего слога слог с а секундарно становился закрытым, этот звук переходил в о (ср. *-Bol «(-)деревня» < *-Balo «то же»). Однако, как свидетельствуют два последних примера, иногда в мерянском а переходило в о при сохранении всех его гласных. Очевидно, это связано с расхождением, существовавшим между отдельными мерянскими диалектами, одни из которых (сохранившие а) сближались этой особенностью с прибалтийско-финскими и мордовскими языками, а другие (где а переходило в о) – с марийским языком. Как и рядом других отношений, этой чертой мерянский, расположенный между прибалтийско-финскими, мордовскими и марийским языками, с лингвистической точки зрения представлял собой связующее звено, переходную зону между ними.

В отличие от рассмотренных звукотипов более сложны для установления остальные мерянские гласные, конкретные фонетические особенности которых можно только предположить сквозь две основные преграды, мешающие их реконструкции, – неизбежное сближение со славяно-русской фонетической системой (и соответственно отдаление от исходной финно-угорской, мерянской), а также несовершенство отражения звуковой фонетической системы средствами ее графической передачи.

Есть основания думать, что в мерянской фонетике не было единого звукотипа е. Скорее всего, в мерянском существовало два звукотипа – гласный е переднего ряда среднего подъема и гласный ё переднего ряда низкого подъема. Оба звукотипа в роли фонем предполагаются для финно-угорского прайзыка [53, с. 159]. Оба звука преимущественно как фонемы сохраняют до сих пор большинство финно-угорских языков – финский, эстонский, карельский, вепсский, ижорский, водский, ливский, мордовский-мокша, мордовский-эрзя (диалектно), марий-

ский (луговой и восточный, диалектно), марийский (горный), саамский. Отсутствует звукотип ё только в мордовском-эрзя литературном, марийском литературном, а также во всех пермских (коми-зырянском, коми-пермяцком, удмуртском) и угорских (хантыйском, мансиjsком, венгерском) языках.

Наиболее убедительное отражение существования звукотипов е и ё обнаруживается в формах единственного и множественного числа реконструируемых мер. *веп' «двурогие грабли» (ед.ч.) и вәпәк «то же» (мн.ч.), восстанавливаемых на основе русских диалектных форм с -е-/и- и -я- в корне слова, причем -е-/и- преобладает в вариантах слова, не осложненных -к-, а -я- – в его разновидностях с -к- в основе, непосредственно следующим за корнем, ср.: бени «вили с двумя длинными зубьями» (Яр) ЯОСК, бини «двурогие вили для разбрасывания навоза на поле» (Яр) ЯОСК, венечки «двурогие деревянные вили, которыми трясут солому при обмолоте» (Костр) ЯОСК – бянки «деревянные вили с двумя зубьями» (Яр) ЯОСК, бянъки «деревянные вили с двумя зубьями для уборки соломы при молотьбе» (Вл. губ.) СРНГ III 360, вянки «вили небольшие двурогие, тупые» (Костр) СРНГ VI 79. Диалектографическая характеристика форм данного слова (его распространенность на бывшей мерянской территории или – в результате переселений – к востоку от нее), его финно-угорская и мерянская типичность (наличие одного согласного вместо предполагаемых исходных двух в начале слова; колебание б-/в-, отражающее характерный для мерянского звук ё; переход в новом закрытом слоге гласного более низкого подъема в гласный более высокого подъема) дают основание рассматривать его как включение из субстратного мерянского языка. В мерянском языке его можно считать заимствованием из какого-то индоевропейского языка, скорее всего – ассимилированных мереей носителей индоевропейской фатьяновской культуры, предполагаемое слово языка которых *dwäni (мн.ч.) «(вили-)двойни» было видоизменено в мерянском согласно его фонетическим и грамматическим закономерностям в дмер. ёäni (ед.ч. «вили с

двумя зубьями» (более подробную этимологию см. в гл. «Лексика»). При дальнейшей утрате конечного гласного в форме единственного числа слова возник новый закрытый слог, что привело к переходу -ä > -e- (**βen'* < **βäp'* < **βänə* < **βäni* (ед. ч.) «вили с двумя зубьями»). Поскольку в форме множественного числа слова корневой слог оставался открытим и удлинения и сужения гласного ä с дальнейшим его переходом в e там не происходило, форма множественного числа и при редукции конечного гласного основы сохраняла первоначальный вокализм **βäpək* < **βänik* (мн.ч.) «грабли с двумя зубьями»). При усвоении восточными славянами форм мерянского слова, переведенного по образцу других подобных лексем в категорию существительных типа *pluralia tantum* (по модели *грабли*, *вили*, *саны* – без формы единственного числа), где формы *бени* – *бян(ъ)ки* воспринимались как образования, идентичные чисто славянским (типа *саны* – *санки*), мерянский звук -ä- стал передаваться звукосочетанием -a-, орф. -я-, то есть -a- со смягчением предшествующего согласного. Что касается мерянского -e-, имевшего, очевидно, в отличие от очень открытого гласного -ä- довольно закрытый характер, то оно было субституировано восточными славянами наиболее близким к мерянскому славяно-русским звуком -ъ- (-ё-), который в северно-(велико)-русских говорах и, очевидно, ихproto(велико)русских говорах-предках древнерусского языка в качестве закономерного рефлекса имел е (е закрытое) или возникшее из него и [76, с. 40]. Отсюда звук -e- или -и- как закономерное отражение северно-русского рефлекса друс. -ъ-, отражающего, в свою очередь, мерянское e. Если бы в корне мерянского слова выступал звук -e-, при образовании нового закрытого слога его бы всюду закономерно заменил -и-, то есть существовала бы только форма *бини* без параллельного ей фонетического варианта с -e- как результата отражения -ъ- (-ё-) (мер. е) в северно-русских (постмерянских) говорах. С другой стороны, мерянское -a- (со смягчением или без смягчения предшествующего согласного) при возникновении нового закрытого слога дол-

жно было бы закономерно дать рус. (постмер.) *бёни < мер. β'oń < β'äp < *β'anī или *бони < мер. *βoń < *βäń < *βani с отражением соответственно формы мерянского множественного числа как *бян(ъ)ки* (**бян(ъ)ки*). Таким образом, единственно возможным объяснением русских звуков -e- / -и- (в формах *бен(i)* / *бин(i)* / *вен(ечки)*) и -я-, фон: '-a- (в формах *бян(ъ)ки* / *вян(ъ)ки*) является их интерпретация в качестве передачи мерянских звукотипов e и ä при отсутствии смягчения предшествующего мерянского губного согласного. Следовательно, русская буква я в словах мерянского происхождения может служить не только для передачи сочетания предшествующего мягкого (палатального) согласного, в том числе j (й), с последующим -a-, но и передавать звук ä подобно тому, как она используется для передачи этого звука в финских и эстонских географических названиях: ф. *Jyväskylä* – Ювяскюля, *Jänsjärvi* – Янисъярви, *Järvenpää* – Ярвенпя, *Jääski* – Я(а)ски [114, с. 794]; эст. *Vändra* – Вяндра, *Munamägi* – Мунамяги, *Jägala* – Ягала, *Järvakandi* – Ярваканьди [160, с. 627, 630, 635]. Сложность расшифровки случаев употребления звукотипов ä и e в мерянском языке на основании их графического отражения в русских словах и названиях мерянского происхождения, как показывают уже примеры передачи звука ä в финских и эстонских топонимах, очень велика. Вызвано это прежде всего тем, что специфический для мерянского языка и чуждый русской фонетической системе звук ä выступает не в мерянских текстах, где было бы закономерным стремление точно его передать, а в словах и названиях, являющихся лишь субстратными включениями в русском языке, приспособившимися к особенностям его фонетики. Ввиду отсутствия звука ä в русской фонетической системе, а также соответствующей ему буквы, средствами русской графики невозможно его передать, что видно, в частности, на примере современной мокша-мордовской орфографии, располагающей только русскими буквами: здесь звук ä передается в начале слова буквой э (эши, «колодец»), в середине – буквой я (мярьги «скажет»), в конце – буквами е или я (веле «село»), но

вальмя «окно») [113, с. 271]. В ходе исторического развития в фонетике мерянского языка могла измениться как роль звукотипов е и ä (утратив унаследованную ими из праязыка фонематичность, они могли стать вариантами одной фонемы), так и былое их распределение в случае сохранения обоих звуков в качестве фонем (в отдельных случаях рефлексы финно-угорского е могли переходить в ä и, напротив, ä могло заменяться е). Поэтому в настоящее время невозможно определить точно, особенно для позднемерянского периода, случаи употребления в мерянских словах обоих звукотипов. Можно их только с известной степенью достоверности предположить на основании соответствий в родственных языках, сохранивших обе фонемы, а также опираясь на их отражение в графике.

Наличие звукотипа -e, по крайней мере для раннего периода истории языка, можно предположить в следующих словах мерянского происхождения: *pe_Za/pe_Zä «гнездо» – н.п. *Лезо*(бал) на р. *Леза* *Pe_Za(juk) «Гнездовая (букв. – гнездо) (река)» (ср. ф. Pesäjärvi «Гнездовое (букв. – Гнездо) озеро»), ф. pesä «гнездо», эст. pesä, саам. Н bæsse, морд. Э *пизз*, морд. М *пиза*, мар. *пыхаш*, мар. Г *пыхаш*, коми *поэ* «то же», удм. *пуэ* «яйцо», хант. (конд.) pít «гнездо», манс. *пити*, венг. fészek, ст. feze, нен. *пидя*, эн. fide, ноган. *фаэтте*, сельк. рəD, кам. phidä < урал. *pesä>; *lejma < *lež'mä < *lešmä «корова» – рус. (диал.) *лейма* «то же» (Костр. губ. – Гал) ООВС 102 (ср. ф., кар., иж., вод. lehmä «корова», вепс. l'ehm, эст. lehm, лив. ni'em, ни'emä «то же», морд. Э *лишме* «лошадь», (диал.) išme «то же», морд. М *лишме* «конь (только о красивом или игрушечном коне)» < *lešmä «(дойная) кобыла», откуда, очевидно, семантическое развитие в двух направлениях: 1) (в мордовских языках) лошадь вообще; 2) (в прибалтийско-финских и мерянском) > дойное животное (кобыла, корова) > корова)¹¹ SKES II 284,

¹¹ Не исключена связь исходного *lešmä «кобыла» с тюркским alaša [ЭСТЯ I 136–137], лежащим в основе чув. < *булг. laša (laša) «лошадь» (?läšemä < laša-emä «лошадь-мать»); в таком случае слово мог-

Nirvi 257¹²; *kera (*kerä) «кора, лубок» – р. *Кера* (Костр. губ. – Нер) Vasmer 386, КГЗ 237 (ср. ф. keri «новая кора бересстя», саам. Н gârrâ «кора», морд. Э *керъ* «кора, лубок», морд. М *кяр* «то же», мар. kûr «лубок», мар. Г *кайр*, удм. *кур* «то же», коми *кор* «то же; кожура, шелуха», хант. (вост.) kir «тонкий наст, тонкая корка льда», манс. kēr «кора; кожура, скорлупа», венг. kérëg «кора; корка; скорлупа», ст. kér (в (has)kér «брюшина (букв. – живот(a) кора)») < ф.-уг. kere «кора»; pel'ma < *peləma «боязнь» – рус. (арг.) *пельмать* «знать < бояться» (Костр. губ. – Гал) Вин 49 (ср. ф. pelätä «бояться», pelko «страх, боязнь», эст. pelgama «бояться», морд. *пелема* «боязнь», удм. (диал.) pulip̄i «бояться», коми *ловны* «то же». *полём* «боязнь», хант. (казым.) *палты* (*пälты*) «бояться», манс. *пилуулкве*, венг. félni «то же», félelem «боязнь», нен. *пиллюць* «бояться» < урал. *pele- «то же») MSzFUE I 198, КЭСКЯ 223.

Исходное прабалтийско-финно-угорское (прауральское) -e-, как и в основном сохранение той же закрытости звука (иногда рефлексация его в виде -i-) в большинстве финно-угорских (уральских) языков, дает основание полагать, что во всех приведенных реконструированных мерянских словах, во всяком случае в ранний период их истории, на месте праязыкового -e- выступал мерянский звукотип е.

В противоположность этому с большим основанием можно предположить наличие звукотипа ä в таких предполагаемых мерянских словах: käGa (käGä/-ä) «кукушка» – р. *Кега* (Kega) (Костр. губ. – Буй) Vasmer 382 (ср. ф. käki «кукушка», уменьш. käkö, кар. kägi «кукушка», вепс. kägi, kägi, вод. čäko, эст. kägu, (диал.) kägi VMS I 352,

ло бы рассматриваться как возникшее на основе древнего заимствования из булгарского языка.

¹² Фонетическое своеобразие слова, как и место фиксации, исключают возможность его заимствования из прибалтийско-финских языков [SKES II 284], заставляя как наиболее оправданное принять его исконно мерянское происхождение. Ср. также работу Калима [138, с. 151], ставившего под сомнение заимствованный характер слова.

лив. *ke'G*, *kä'G*, саам. *H giekkâ* (? балт.,ср.лит. *gegē* (*gēgē*) «то же») SKES II 259; *jähre/-ə «озеро» < *jäγrə < *JÄG(ə)rə* – р. *Яхрен* < *Jähren (*juk*) «озерная (букв. озера) (река)» (Вл) Смол 208, н.п. *Яхро(бол)* (*Jachrobol*) < * Jährə(Bol) «озерная (букв. озера) (деревня)» (Яр. губ. – Дан) Vasmer 416 (ср. ф., кар. *järvi* «озеро», вепс. *järv*, *järv*, *järf*, вод. *jarvi*, эст. *järv*, лив. *jära*, саам. *H jaw're*, морд. Э *эръке*, морд. М *эръхке*, (диал.) *jər'kə* (морд. < -ке < *-kkä по происхождению – суффикс уменьшительности, присоединенный к основной форме (*jäř*)), мар. *er*, мар. Г *йäp* «то же») SKES I 132; мер. *bäha*/ -ə «мало» – рус. (диал.) *вяха* «немного (Костр – Парф); пустяк (Яр – Рост)» ЯОСК (ср. ф. *vähä* «малый», *vähän* «мало», вепс. *vähä(n)* «мало», эст. *vähe* «мало», морд. Э *вишка* «малый, маленький», *вишкине* «маленький», *веж(гель)* «(анат.) язычок (букв. – малый (язык)) < *веш(e)* (кель) < *väsä (*keli*).

Мерянское и саамское соответствия ф. *järvi* и под. особенно ясно показывают, что в основе всех этих слов лежит заимствование из незасвидетельствованного древнего индоевропейского языка Волго-Окского межуречья – скорее всего носителей фатьяновской культуры, – отраженное данными финно-угорскими языками и реконструируемое с их помощью как *jägere(-) < и-е. *āghero- (форма местного падежа?) «озеро», родственное псл. *ezero (рус. *озеро*) и лит. *ežeras* (*ažeras*) «то же», что дало исходное ф. *jäkere, послужившее отправным пунктом своеобразного развития в каждом из языков. В мерянском через стадию *jÄG(ə)rə*, отраженную, очевидно, в рус. (диал., арх.) *ягра* «выдающаяся в море и заливаемая во время прилива часть морского берега; песчаная отмель в устьях рек, покрываемая при приливе водой» Мурз 263, слово путем фрикативации -G- (*jäγ(ə)rə) приобрело позднейшую форму *jährə*, отраженную рус. (постмер.) *Яхре*. В прибалтийско-финских языках -k-, находившееся в середине слова, закономерно перешло в -у- [53, с. 135], что дало *jäv(ə)rə/-i, очевидно, отраженное в саам. *H jaw're*, которое могло быть заимствовано из прибалтийско-финского, а также в лив. *jära* < *jäv(ə)rə с секундарным удли-

нением корневого гласного, вызванным выпадением -у(ə)-. В остальных прибалтийско-финских языках вследствие метатезы возникла форма типа ф. *järvi*, эст. *järv*. Что касается мордовских и марийского языков, то в них вследствие закономерного выпадения -k- и его рефлексов в середине слова [там же] должна была возникнуть форма *jägə, получившая затем своеобразное развитие в каждом из языков. Мягкость r' в мордовском, как и в вепсском, указывает на то, что конечный гласный в финно-угорских языках, а также в индоевропейском языке-источнике был гласным переднего ряда. Об этом, а также о первоначальном своеобразном сингармонизме всех данных финно-угорских языков говорит отражение и -e, начального ja с гласным заднего ряда в виде jä-, то есть перевод его в передний ряд.

Не менее сложен вопрос о возможности существования в мерянском языке лабиализованных гласных переднего ряда ѿ и ѹ, из которых ѹ принимается для вокализма финно-угорского прайзыка [53, с. 159], оба же звука характерны для почти всех прибалтийско-финских, марийского и венгерского языков. Ввиду полной чуждости этих звуков фонетической системе русского языка их существование в мерянском можно предположить лишь на основании косвенных данных, да и то в единичных случаях. Чтобы судить о том, насколько широко употреблялись рассматриваемые звуки в мерянском языке, насколько они были типичны для его фонетической системы, данных у науки пока нет. Исходя из того, что их употребление было связано с явлением своеобразного «обратного сингармонизма»¹³ (влияния

¹³ Связывать прямо эту своеобразную межслоговую гармонию гласных, больше напоминающую германский умлаут, чем сингармонизм, с этим последним не представляется возможным. Скорее это явление напоминает один из тех процессов выравнивания вокализма основы, который, по мнению В.М.Иллича-Свитыча, мог быть связан в алтайских и уральских языках с переходом от досингармонического состояния к сингармонизму: «Наличие в алтайских языках в ряде случаев переднерядных и заднерядных вариантов основы свидетельствует, по мысли автора (В.М.Иллича-Свитыча. – О.Т.), о том, что в пе-

гласных конца слова на начальные), можно считать эти звуки достаточно для него характерными, хотя этого не достаточно, чтобы говорить одновременно об их фонематичности.

Помимо славяно-русского по происхождению примера *бёзли*, свидетельствующего о возможности существования формы *þöZli* «возле» с этим мерянским звукотипом, о его употреблении в мерянском говорит и слово, по всей видимости, чисто мерянского происхождения, сохранившееся в названии р. Вёкса на бывшей мерянской территории (Костр – Гал) (КГЗ, 78)¹⁴. Поскольку мерянскому языку не были свойственны мягкие (палатализованные) губные, характерные для русского языка, о чем косвенно свидетельствует форма *вазка* вместо *вязка* в одном из русских постмерянских говоров, русское -ё-, фон. -о- со смягчением предыдущего согласного следует рассматривать в качестве передачи средствами русской фонетики мерянского звукотипа ё, ср. аналогичную субSTITУцию того же звука в немецком и французском языках: нем. Goethe – рус. Гёте, нем. Köln – рус. Кёльн, фр. chauffeur – рус. шофер, фр. coiffeur – рус. куафёр.

Название *Вёкса* дано реке, которая, в отличие от остальных рек, связанных с Галичским озером, не впадает в него, а вытекает из него, впадая в р. Кострому и являясь как бы каналом, протоком между рекой и озером. Есть основания сопоставить русское (постмерянское) *Вёкса* со связанными с ним семантически и формально ф. *vuoksi* (ст. *vooxi*, то есть *vooksi* «(большое) течение, поток; струя, река; прилив»

риод, предшествующий сингармоническому, первый и второй гласный основы относились к разным рядам. Это в дальнейшем устранилось обобщением в одном случае ряда первого слога, а в другом – второго... Подобными соображениями руководствовался, по-видимому, автор и в реконструкции досингармонического состояния уральских языков» [28, с. IX].

¹⁴ О произношении *Вёкса* и его старой традиции помимо современного произношения названия у местных жителей, хотя в написании это часто не отражено, свидетельствует передача названия как *Bjöksa* на одной из старинных карт Галичского озера, хранящихся в Галичском краеведческом музее.

SKES VI 1813), а также с коми *вис* «проток, канал (соединяющий озеро с рекой)» (*виск*,ср. *виска ты* «озеро с протокой (проточное озеро)». Здесь ф. -цо- соответствует коми -и- (ср. ф. *vuotso* «длинное, узкое болото; мокрое место» – коми *видэ* «луг, пожня»), а ф. -кс- – коми -с(к)- (-с(к)-) (ср. ф. *maksa* «печень» – коми *мус* (*муск-*) «то же») (Лыткин Ист. вок. 178; КЭСКА 21), следовательно, оба слова одного происхождения. Эти явно генетически связанные, хотя, насколько известно, еще не сравнивавшиеся слова (SKES VI 1813–1814, КЭСКА 58), очевидно, этимологически тождественны реконструируемому с их помощью и на основе его русского (постмерянского) отражения *Вёкса* исходному мер. *þöksə (?> -ə) «проток; река, соединяющая озеро с другой рекой»¹⁵. Появление в мерянском ѿ, соответствующего старофинскому -оо-, наиболее вероятно объяснить в данном случае тем, что этот переднерядный звук появился под влиянием гласного переднего ряда в следующем за ним слоге, скорее всего -ə. Сохранение в финском -оо- перед -и- объясняется, очевидно, тем, что -и- – рефлекс более древнего прибалтийско-финского звука среднего ряда -j- [7, с. 293], перед которым могли выступать, не переходя в свои переднерядные соответствия, гласные заднего ряда. Появление конечного -а в рус. постмер. *Вёкса* вместо *Вёксе* может быть вызвано естественным для славянской системы речных названий воздействием женского рода: река *Десна*, *Москва*, *Волга* ... *Вёкс-а*. Другим, менее вероятным, было бы объяснение изменения окончания чисто внутренним мерянским процессом вторичной утраты вокальной гармонии и в связи с этим замены переднерядных редуцированных в конце слов их заднерядным соответствием (*þöksə > *þöksə) с дальнейшим включением топонима в ряд существительных женского рода на -а уже под влиянием русской грамматической системы.

Так же единичны и, пожалуй, еще менее надежны предполагаемые случаи отра-

¹⁵ Следовало бы проверить, не связан ли также с ними этимологически вероятнее всего финно-угорский субстратный (муромский?) топоним *Выкса* (отражение исходного *vükse?) в юго-западной части Горьковской [с 1990 г. – Нижегородской. – Прим. ред.] обл.

жения возможного в мерянском языке звукотипа ў. Учитывая, что он совершенно чужд русской фонетике, его можно усматривать в мерянских словах, где постмер. и(i) в прибалтийско-финских языках соответствует ў (фин. у). Чаще всего звук ў в русском, особенно в словах, проникших книжным путем, субституируется ѹ (у с преиотацией или после смягченного согласного): нем. Günter – рус. Гюнтер, нем. über – рус. ѿбер, фр. Humanité – рус. Юманите, фр. surrealisme – рус. сюрреализм. Однако при устном заимствовании он в силу своей артикуляционной связи в русском как с -у- (по лабиализованности), так и с -и- (по принадлежности к звукам переднего ряда высокого подъёма) мог передаваться также звуком и, например, в проникшем устным путем из немецкого *фриштык* (разг.) «завтрак» < нем. Frühstück, ср. также рус. (шутл.) «Морген фри нос утри» < нем. morgen früh «завтра утром» по поводу легкости немецкого завтрака. Поэтому нельзя исключить, что постмерянское рус. (арг.) *ика-ня(-не)* «одна копейка» (Яр. губ. – Углич) Свеш 82, (Костр. губ. – Кин) ТОЛРС XX 138, где корню ик(a) соответствуют мар. *ик* (ik) «один», эст. üks, ф. yksi, может отражать не мер. *ikan'a* (ikane) «(уменьш.) один (единичка)», а *ükaña*. Не исключено, что первоначально существовавший в мерянском языке звукотип ў постепенно, с развитием меряно-русского двуязычия и все большим влиянием русской фонетики на мерянскую, был заменен звуком i. В таком измененном виде соответствующие мерянские слова вошли в русский в качестве мерянских субстратных включений. С этой точки зрения показателен пример ливского языка, в котором под влиянием латышского, фонетической системе которого также чужды звуки ѿ и ў, эти звуки постепенно исчезли, заменившись соответствующими нелабиализованными, ср.: «Гласные ѿ, ў были утрачены ливским языком в результате делабиализации (ӯ > i, Ӧ > e), которая распространилась под влиянием латышского языка...» [18, с. 139]. О том, что этот процесс протекает в ливском буквально на глазах истории, свидетельствует следующее замечание исследователя ливского языка Э.Э.Вяари: «В восточнолив-

ском говоре гласными фонемами являются а, ä, о, u, ę, e, ő, i, в западном говоре – а, ä, о, u, ę, e, ő, i (у более пожилых ливов также ў)» [Там же]. Более показательны, однако, не подобные случаи, где, опираясь на факты и аналогичные процессы родственных языков, можно ограничиться только предположениями, а те примеры постмерянских включений, где отражен, – видимо, диалектный, – факт перехода мер. и в ў (или i), причем иногда отражено даже колебание между -'у-(-ю-) и -и-, что, скорее всего, является свидетельством наличия в данном случае звука ў, передаваемого то с помощью русского ѹ, то русским и, ср. названия рек: *Шордик* (Šordik) (Костр. губ. – Кол) Vasmer 377; *Шарниха* (Šarnicha) (Костр. губ. – Юрьев) Vasmer 383; *Пених/Лених* (Penjuch, Peñuch/Penich) (Вл. губ. – Горох) Vasmer 934; *Ландих* (Landich) (Вл. губ. – Горох) Vasmer 394–395; *Тюниха/Тюнича* (Tjunich/Tjunicha) (Вл. губ. – Шуй) Vasmer 395; *Вонджуха* (Vondjucha) (Вл. губ. – Александр) Vasmer 400¹⁶. Увязывая первый компонент этих названий преимущественно с марийскими словами, М.Фасмер по-разному трактует второй компонент. Так, в гидрониме *Шордик*, говоря о его связи с мар. šagbə «лось», он совершенно не касается компонента -ик, который, поскольку наименование не является славяно-русским по происхождению, вряд ли может рассматриваться как русская морфема. Гидроним *Шарниха* рассматривается им как состоящий из мар. šarnə «ракита» (Salweide) + рус. суффикс -иха. Что касается названия р. *Пених* (Лених), где едва ли засвидетельствован другой компонент (скорее всего, лишь его вариант), то его он находит возможным рассматривать в качестве составной части соответствующего мерянского, в его понимании диалектного марийского, слова, сопоставляя с мар. räneүə, riñeүə, (rińeūiүə) «щенок», отличающимся от данного гидронима как корневой, так и суффиксальной частью, ср. мар. линéге «щенок», мар. г линéгы «то же». Гидроним *Ландих* (Landich) рассматривается М.Фасмером как

¹⁶ Возможно, как первоначально связанное с этими названиями следует рассматривать и название р. *Микшица* (Mikšica) < **Микшиха*? (Костр. губ. – Кин) Vasmer 384.

сложившийся из трех частей, сопоставимых с мар. *ландах* «небольшая низина, низкое место (особенно в лесу)» + мар. *юγэ* «река» + мар. суффикс -ика. Название *Люних* анализируется в качестве связанного с мар. *təŋ/tüŋ* «устье реки» + преобразованное мар. *юγэ* «река». Точно так же, то есть на соответствующее связывание с марийским слово *bondo* «стебель, камыш» + мар. *юγэ* «река», членит он и гидроним *Вондюха*. Очевидно, более логично видеть во всех указанных вторых компонентах результат диалектного развития исходного мер. **joGə(<-e)*, возможно, подвергшегося влиянию со стороны близкого по форме русского суффикса -иха. Однако для того, чтобы подобное сближение стало допустимым, фонетическое развитие мерянского слова должно было идти вначале в сторону сужения гласного -о- в -и-, а затем, очевидно, под влиянием еще сохранившегося гласного переднего ряда -э- – в сторону его перехода в гласный переднего ряда -ү-. Это преобразование вокализма сопровождалось, видимо, трансформацией интервокального -G- во фрикативный -y-, поэтому слово через стадии **joGe* > *юγэ* > **juγэ* > **jüγ(ə)* должно было приобрести форму **jüγ* > **jüh* «река», что в северо-русской речи при отсутствии звуков, адекватных мер. ÿ и y/h, неизбежно давало -их или -юх. Поскольку в славянском языковом сознании слово «река» связано с представлением о женском роде, постмерянское -их могло быть вторично сближено с русским суффиксом -иха, что вызвало появление соответствующей формы в гидронимах постмерянской языковой территории. Следовательно, есть основания считать возможным существование в мерянском звуко-типов ö и ÿ.

Данные сохранившихся мерянских по происхождению апеллятивов и ономастики позволяют предположить наличие в этом языке также редуцированных звуков. На это указывают случаи выпадения гласных, спр.: **ul'ša* «бывший» – рус. (арг.) *ульшага* «покойник < бывший» (Яр. губ. – Углич) Свеш 92); **ul'šma* «гибель, смерть < бывшенье, переход в бывшее» – рус. р. *Ульшма* (Костр.); **juk* «река» – р. *Юг* (Вл) < **joGə (<-e)*; **urma* «белка» – рус. (диал.) *урма* (Костр. губ. – Кол ООВС

240) < **oraβa*, ф. *orava* «то же». Указанные изменения не могли происходить минуя стадию перехода гласных полного образования в редуцированные, которые затем выпадали, давая нуль звука (с палатальностью в случае редукции гласного переднего ряда). Поскольку вызвавшая эти переходы причина, – очевидно, сильное инициальное удаление, – продолжала существовать, наряду с выпадением гласных должна была происходить редукция вокализма послеударных слогов, приводившая не к исчезновению их, во всяком случае сразу, а к появлению редуцированных. Отсутствие в русском языке редуцированных в качестве отдельных фонем и существование их только как позиционных вариантов гласных полного образования, связанное с отсутствием необходимости передачи их на письме особыми знаками, а также то, что все постмерянские лексические единицы в качестве неотъемлемой части русской лексики подвергались в ее системе неизбежной адаптации, крайне затрудняет обнаружение мерянских редуцированных и точное установление их характера. Наиболее вероятно их употребление в конце слова, хотя подобный вывод можно делать, скорее исходя из косвенных данных.

О существовании редуцированного (скорее всего ë, то есть заднерядного) свидетельствует монотонность конца слов у мерянских существительных по сравнению с их соответствиями в родственных языках. Ряду гласных высокого и среднего подъема в постмерянских словах противостоит один звук a, спр.: р. *Кега* (Костр. губ. – Кин) Vasmer 382 – ф. *käki* «кукушка»; р. *Кера* (Костр. губ. – Нер) Vasmer 386 – ф. *keri* «кора, выросшая на березе на месте содранной бересты»; р. *Тома* (Костр. губ. – Солигал) Vasmer 380 – ф. *tammi* «дуб»; рус. (диал.) *вяха* «немного, пустяк» (Яр, Костр) КЯОС – эст. *vähe* «мало»; рус. (диал.) *ведьма* «перемет (бечевка или леска, на которой укреплен ряд крючков для ловли рыбы)» (Костр – Галич) Востр II 28 – морд. Э *ведьме* «повор, ремень; завязка, бечевка; конец, обрывок нити»; р. *Ширтья* (Костр. губ. – Ветл) Vasmer 374 – ф. *saarni* «ясень»; р. *Локша* (Костр. губ. – Кин) Vasmer 383 – ф. *laakso* «долина»; р. *Курга* (Яр.

губ. – Мышк) Vasmer 392–393 – ф. kurki «журавль»; р. Нула (Вл. губ. – Горох) Vasmer 394 – ф. nuoli «стрела». Подобное сведение нескольких гласных к одному может быть только результатом их недостаточно четкой артикуляции, то есть редукции, которой в первую очередь подвергались гласные высокого подъема (как типологическую параллель ср. праславянские (старославянские, древнерусские) редуцированные, которым в других индоевропейских языках, как правило, соответствуют краткие и, и: стсл. *сынъ* – лит. *sūnus*, псл. *тъгla – лит. *migla*). Очевидно, возникавший редуцированный в зависимости от предшествующего ему гласного переднего или заднего ряда мог соответственно также относиться к переднему или заднему ряду, то есть представлять собой звукотип э или э. Реальное существование обоих звукотипов в мерянском, как правило, не даёт возможности предположить непосредственные данные, поскольку в конце слова, несмотря на то, что чаще всего здесь можно допустить переднерядный гласный полного образования, всюду выступает а, который скорее представляет собой отражение заднерядного редуцированного э. По-видимому, наличие -а следует рассматривать не столько как отражение действительного тембра редуцированного, сколько как результат адаптации переднерядного редуцированного, передаваемого в русском языке субSTITУЦИЕЙ -е, системе славяно-русских родовых окончаний, где в названиях рек было естественным тяготение к формам женского рода. Таким образом, оправданным представляется предположение о том, что рус. (постмер.) а возникло в конце мерянских слов как отражение двух мерянских редуцированных – э и э.

Рассмотрение лексического материала мерянского происхождения позволяет говорить о том, что для мерянского вокализма в целом были свойственны следующие звукотипы: а, о, и, и:, е, ё, ё, й, э. Среди них с наибольшим основанием в качестве фонем можно рассматривать а, о, и, и:, ё (возможно, две последние являлись позиционными вариантами одной фонемы). Что касается переднерядных лабиализованных ё, й и редуцированных э, э, то из-за недо-

статочной определенности их употребления нельзя абсолютно точно говорить об их роли в фонетической системе. Не исключено, что все эти звуки были в мерянском языке только вариантами фонем. На основании имеющихся данных трудно говорить также о явлении сингармонизма в мерянском. Непосредственных данных, подтверждающих его существование, в настоящее время нет.

Точно так же ничего не свидетельствует прямо о возможности существования в мерянском различия долгих и кратких гласных, хотя русский язык, как не имеющий количества, вряд ли мог бы его отразить. Косвенные данные – отсутствие количества в языках, окружающих мерянский, в том числе прибалтийско-финском вепсском, – заставляют предположить, что оно отсутствовало также в мерянском, хотя отдельные случаи появления в нем долгих гласных (в новых закрытых слогах) можно допустить.

Как указывает ударение в русских топонимах мерянского происхождения (*Костома*, *Кинешма*, *Неро*, *Яхрома*, *Чухлома*, диал. *Кострома* КЯОС 94), в мерянском, как во многих финно-угорских языках, оно было скорее всего инициальным, начальным. Явление редукции конечных и выпадения срединных слогов свидетельствует о том, что оно было сильным и имело центрированный характер, то есть побочное ударение не возникало или было очень слабым.

Консонантизм

В отличие от вокализма, характеризующегося в противоположность прибалтийско-финскому относительной бедностью состава (отсутствие дифтонгов, а также, видимо, долгих гласных), мерянский консонантизм имел значительно большее количество звукотипов.

В состав мерянского консонантизма, в частности, входили глухие взрывные р, т, к.

Звукотип р, засвидетельствованный в ряде топонимов, распространенных на мерянской территории, в том числе особенно типичных для нее названиях населенных пунктов со вторым компонентом -бал(о), -бол «деревня», и в ряде апеллятивов мерянского происхождения отличался в ме-

рянском языке позиционной ограниченностью. Во всех примерах он расположен или в начале слова, или рядом с другим глухим согласным: *ре^zа(-ə) «гнездо» – н.п. *Пезо(бал)* (*Pezobal*) (Костр. губ. – Кол) Vasmer 417, р. *Пеза* КГЗ 158 (ср. ф. pesä «гнездо», эст. pesa, саам. Н bæsse, морд. Э *пиээ*, морд. М *пиэз*, мар. *пыхаш*, мар. Г *пыхаш* «то же», удм. *пуз* «яйцо», коми *поз* «гнездо», хант. (конд.) p`it, манс. *пити*, венг. fészek, нен. *пиля* < *урал. pesä MSzFUE I 205, ОФУЯ 404, КЭСКА 223, SKES III 531; *реⁿ(ə) «собака» – р. *Ленюх/Лених* (*Penjuch, Peñuch/Penich*) (Вл. губ. – Горох) Vasmer 394 < Peñjüy/h «Собачья (букв. – собака) (река)»)¹⁷ (ср. ф. (народно-поэт.) *reni* «собака», (лит.) *renikka* «щенок», эст. (диал.) *reni* «собака», *rini*, саам. Н *pāna*, морд. *пине*, мар. *пий*, удм. *пуны*, коми *пон* «то же», венг. *fene* < *pene «?» (в проклятии: *egye teg a fene* «пусть съест его *fene* (собака?)», как семантическая параллель – рус. *лес его заешь!*) < ф.-уг. *pene-) NSzFUE I 200, КЭСКА 224-225; *palo «деревня, село» – н.п. *(Нуш)поло ((Nuš)polo) < *(Нуш)пало, возможно, вследствие сближения с *поле*, (*Nuš*)palo «(Крапивная) (букв. – крапива) деревня», *nuš «крапива» – мар. *нуж* «то же» (Вл. губ. – Александр) Vasmer 418; н.п. (*Muš)пол* / (*Muš)pol*, где первый компонент, по мнению М.Фасмера, этимологически сопоставим с мар. *mükш* «пчела» (Яр. губ. – Пощ) Vasmer 417; н.п. (*Kи)бало* / (*Ki)balo (1578 г.) < *(Ki)Balo «(Каменная) (букв. – камень) деревня» (Вл. губ. – Сузд) Vasmer 417. Всюду в качестве второго компонента выступает слово *palo, иногда видоизмененное в результате утраты конечного глухого или в интервокальной позиции (мер. *palo* этимологически связано с хант. (вост.) *riyəl* «деревня», манс. *pāvyl*, венг. *falu*, мн.ч. *faluk/falvak* «то же» < угор. (-мер.?) * *paluz* «деревня, селение» MSzFUE I 180-181).*

Единичен случай употребления р в середине слова, причем в интервокальной позиции: мер. *шоро(-ms) «рубить, колоть», *шорамо «рубка, колка (дерева, дров)» – рус. *шопать* «колоть лучину специальным

¹⁷ Менее убедительным представляется сопоставление М.Фасмера [там же] с мар. *rəneγə*, *riγeγə*, (*riγeγə*) (мар. (лит.) *линéгē* «щенок»).

ножом» (Костр – Краснос) (ср. морд. М *шапомс* «рубить (только о срубе)», морд. Э *чапомс* «рубить (сруб); делать зарубку; отбивать (жернов)», коми *тшални* «зарубить, засечь, сделать зарубку» < ф.-уг. *čappz- >¹⁸. Очевидно, сохранение р в интервокальной позиции здесь следует объяснить тем, что он является рефлексом ф.-уг. -pp-.

В интервокальной позиции и положении между сonorным и гласным вместо п в постмерянских включениях русской ономатики выступает регулярно б, напр.: *Atebal* (*Atebal*) (Моск. губ. – Дмитр) Vasmer 418; *Куткобал* (*Kutkobal*) (Яр. губ. – Угл) Vasmer 417; *Пезобал* (*Pezobal*) (Костр. губ. – Кол) Vasmer 417; *Толгобол* (*Tolgobol*) (Яр. губ. – Яр) Vasmer 416; *Шенбалка* (*Šenbalka*) (Вл. губ. – Пересл) Vasmer 417. Очевидно, в приведенных и аналогичных примерах рус. б нельзя воспринимать как отражение мер. b, то есть звонкого взрывного. Этому противоречит то обстоятельство, что параллельно в мерянском должен был существовать звук β, по своему характеру средний между б и в, – об этом говорят нередкие случаи замены б на в и в на б, встречающиеся до сих пор в русских говорах на постмерянской территории (типа *варажло* вместо *баражло* или *бёзли* вместо *возле*), о которых говорилось выше. Одновременное существование б и β в одинаковых позиционных условиях, что можно было бы предположить на основе их написаний, в рамках одной и той же фонетической системы совершенно исключается. Между тем в русских (постмерянских) отражениях мерянских слов находим графему б и в тех случаях, где на основании сравнительных данных можно предположить звук β, и там, где подобное б является позиционным вариантом мер. р (рус. п). Разница между ними заключается в том, что если первому б в родственных языках может соответствовать у (ср. рус. гидроним *Андобра* при ф. *antava* «дающий», эст. *andev* «то же»), то второму б в других позициях самого мерянского

¹⁸ В.И.Лыткин и Е.С.Гуляев [КЭСКА 291] в качестве праформы дают *čappz-, которая противоречит ее рефлексам в мордовских и коми языках: -р- как у рефлексов праязыкового -pp-, а не как отражения -р- звуком -у-(-в-) в мордовских языках и φ звука в коми языке [КЭСКА 14, 15].

языка должно было соответствовать только п (p). Тот же звук выступает (или выступал) в соответствиях родственных языков (ср. рус. (постмер.) *(Толго)бол* при *(Муш)пол* и их инофинно-угорские соответствия: манс. *лāвыл* «село», венг. *falu* < **palu* «то же»). Следовательно, можно говорить о двух постмерянских б, отражающих, по-видимому, два разных мерянских звука: один – смешивающийся с в в словах немерянского происхождения русских (постмерянских) говоров и соответствующий у других финно-угорских языков в словах мерянского происхождения, второй – никогда не смешивающийся с в, являясь постоянно позиционным вариантом п в мерянском языке, которому в других финно-угорских языках также соответствует p (рус. п). Эта разница, существующая между указанными двумя постмерянскими б, заставляет видеть в них внешне (графически) одинаковое отражение двух разных по акустическим и артикуляционным характеристикам звуков. Очевидно, подобное единообразие графического отражения вызвано не столько действительным их сходством, тем более тождеством, сколько тем, что особенность русской фонетической системы не давала возможности уловить специфику каждого из них, а несовершенство русской графики, не приспособленной для их передачи, не предоставляло средств для адекватного отражения на письме. Подобная неточность тем более понятна и оправдана, что речь шла не о точном воспроизведении мерянского текста или мерянских слов как таковых, а об органическом включении лексем мерянского происхождения в ткань русского языка, его фонетической системы, что предусматривало не сохранение фонетического своеобразия мерянских слов, а их приспособление к особенностям русских звуков. Все это дает основание предположить, что в б, чередующемся (смешивающемся) с в, следует усматривать звук β, который носители языка с фонетикой, не имеющей его, но располагающей звуками б и в, близкими к нему, смешивают с двумя этими звуками (с другой стороны, смешивание звуков б и в характерно для носителей языка, где нет этих звуков, но имеется согласный β). Что касается б, являю-

щегося позиционным вариантом п (мер. *p), то его следует понимать как несовершенное графическое отражение полузвонкого β. Поскольку все звуки, входящие в фонетику определенного языка, связаны между собой системными отношениями, принимая мысль о существовании в фонетической системе мерянского языка не звонкого б, а полузвонкого β в качестве позиционного варианта глухого p (возможность звонкого б исключалась фактом одновременного наличия в мерянском звука β), необходимо принять положение, что под всеми русскими (постмерянскими) графическими отражениями типа д и г кроется также передача не соответствующих мерянских звонких д, г, а полузвонких Д и Г. Конечно, нельзя исключить полностью то обстоятельство, что по мере усвоения мерянами славяно-русского языка в их язык могли проникать русские звуки, в том числе б, д, г. Однако смешивание глухих со звонкими, тяготение их к определенным позициям, смешивание б и в, отмечаемое в русских говорах постмерянских территорий даже спустя длительное время после окончательного исчезновения мерянского языка, заставляют считать, что полное проникновение звонких и вытеснение ими полузвонких вряд ли могло произойти в самом мерянском языке. Это, скорее всего, произошло только при окончательном усвоении русской речи мерянским населением, что часто было связано с полной заменой языка и, таким образом, на мерянский язык повлиять не могло.

Все слова, в которых отмечается отражение полузвонкого β, позиционного варианта глухого взрывного мерянского p, – несомненные лексемы мерянского происхождения, это подтверждается как их связью с бывшей мерянской территорией, так и тем, что в значительной своей части это наиболее типичные мерянские названия поселений, включающие компонент -бол (-бал(о)).

Звукотип т характерен, как и звукотип p, для позиции в начале слова, перед или после глухого согласного и, очевидно, также в абсолютном конце слова, хотя примеры подобного употребления отсутствуют: **tolGa* (-ə) «перо» – н.п. *Толгобол* (*Tolgobol*) (Яр. губ. – Яр) *Vasmer* 416 (ср. саам. Н *dö'l'ge* «перо (птицы)», морд. *толга*,

мар. (лыс) *тыл*, удм. *тылы*, коми *тыв* «то же», хант. (вах.) *tõyel* «крупное перо с крыла или хвоста птицы», манс. *toul* «крыло» КМРС 104, венг. *toll* «перо; перо (письчее)», нен. *то* «крыло (птицы)», сельк. (таз.) *tuu* «перо; крыло», матор. *tu* «перо», *tu-da* «крыло» < урал. **tulka* «перо, крыло») КЭСКЯ 292, ОФУЯ 400, MSzFUE III 637; **matkoma* (-эма) «путешествие, езда» – р. *Маткома* (Яр. губ. – Пош)¹⁹ Дитмар 66 (ср. ф. *matka* «путь, дорога», эст. *matkama* «путешествовать», саам. Н *тиот'ke* «расстояние, отрезок пути» < ф.-уг. (диал.) **matka* «путь, дорога») SKES II 337; **tohta* «гнилое дерево, гнилая сердцевина дерева» – рус. (диал.) *тохта* «то же» (Костр – Костр, Кол, Меж, Чухл) (ср. ф. (диал.) *tohko* «гнилое дерево; старая вещь», эст. *tõheta*, *tõhkeda* «становиться больным; крошиться, гнить» < ф.-уг. (диал.) **toht/k-* «становиться гнилым, трухлявым») Востр I 50-51; SKES V 1321.

В середине слова между гласными или гласным и сонантом, как показывают примеры, в мерянском языке вместо *t* выступает его позиционный вариант *D*. Эта закономерность, напоминающая соотношение между *r* и *B*, также выступающими в разных позициях и, следовательно, не способными противостоять друг другу в качестве смыслоразличительных звукотипов, показывает, что в мерянском среди взрывных не было фонематического противопоставления по глухости-звонкости: глухой и полузвонкий взрывной звукотипы представляли собой лишь варианты одной фонемы. Примеры употребления полузвонкого *D*: **anDoba* «кормящий» < «дающий» – р. *Андоба* (Костр. губ. – Костр) КГЗ 160 (ср. ф. *antava* «дающий», *antaa* «давать», эст. *andev* «дающий», *andma* «давать», саам. Н *vuow'det* «распределять пищу», морд. *андомс* «кормить», удм. *удыны* «подать питье», коми *удны* (в парном словосочетании *вердны-удны* «кормить-поить»), венг. *adni* «давать» < ф.-уг. **amta-* «давать») MSzFUE I 69; **þäDrä* «сильный, здо-

ровый» – рус. (диал.) *неведря* «человек слабый, болезненный» (Яр. губ. – Пош) КЯОС 122 (ср. морд. Э *вадря* «хороший, красивый; добрый; качественный», морд. М *вадря* «гладкий, приглаженный (о ворсе, шерсти, волосах)»²⁰; **tuDoBa* «знающий, осознавший» – рус. (диал.) *при-o-тудоб-еть* «окрепнуть» (Костр. губ. – Кол) МКНО (ср. ф. *tunteva* «чувствующий; знающий», *tuntea* «чувствовать; знать», эст. *tundev*, фон. *tuñDev* «чувствующий; знающий», *tundma* «чувствовать; знать», саам. Н *dow'dât* «то же», удм. *тöдны* «знать; узнать; помнить», коми *тöдны* «то же; (уст.) обладать прозорливостью, даром предвидения», *тыдавны* «виднеться; просвечивать», нен. *тўмдай(сь)* «узнать; отметить», эн. *tuddabo* «узнавать, угадывать», нган. *тумтум'ама* «угадывать», кам. *t'эмпем* «знать, понимать», койб. *tumpe-tum* «(я) знаю» < урал. **tumte-* «знать» < «видеть») ОФУЯ 405, КЭСКЯ 283, 292, MSzFUE III 646-648. Единственный случай, когда *D* (рус. *d*) отмечается в начале слова, – рус. (арг.) *дульяс* «огонь» (Костр. губ. – Гал) Вин 45, на основании которого реконструируется мер. *Dule* (**tulə*) «то же», – очевидно, объясняется тем, что его основой послужила форма не в абсолютном начале, а в середине предложения, где в составе синтагмы в позиции после гласного или сонанта мог происходить переход глухого в начале слова в полузвонкий. Следовательно, и этот случай не является исключением из общего правила, допускавшего переход мерянских глухих в полузвонкие только в позиции между гласными или гласным и сонантом (или сонантом и гласным), что в абсолютном начале слова не было возможно.

То же правило относилось, судя по имеющимся данным, к паре позиционных вариантов k-G, где *k* обнаруживается в (абсолютном) начале слова, перед глухими или после них и, по-видимому, в абсолютном конце (слова и предложения). Что же касается варианта *G*, то он выступает в интервокальной позиции и положении между гласным и сонантом (или наоборот), напр.:

1) (употребление звукотипа *k*) **kutka(-é)* «орел» – н.п. *Кутко(бал)* (*Kutkobal*) (Яр. губ. – Угл) Vasmer 417 (ср. ф. *kotka* «орел»,

20 Подробнее см. в разделе «Прилагательное».

¹⁹ О реальности данного слова как мерянского свидетельствует также явно с ним связанное рус. (диал.) *с-мат-ил* «с пути свел» (Вл. губ. – Судог) ТОЛРС XX 211, зафиксированное в другой части бывшей мерянской территории.

эст. *kotkas*, саам. *H goas'kem*, морд. *kut's'kan* «то же», мар. *күткыж* «беркут», *күчкыж* «орел», удм. *kutš* «птица, похожая на орла, но меньше размером», коми *kutš* «орел» < ф.-перм. *kočka* «то же») SKES II 224–225, КЭСКЯ 148; *šakša «сор, мусор; грязь» – рус. (диал.) *шакша* «снег и лед, плывущие по реке» (Костр – Меж, Пыш, Шар; Волог – Никол); «грязный сырой снег» (Костр – Меж, Пыш; Волог – Никол); «отходы при обмолоте клевера или конопли» (Волог – Никол)» Востр II 41 (ср. морд. *сэкс* «грязь», удм. *шакши* «неряшливый, грязный», *шакта* «сор, мусор, грязь», коми *шактар* «древесный хлам, сор (нанесенный весенним половодьем)», а также кар. *tšaks* «шкварки от топленого масла» и, возможно, – с другим вокализмом – морд. Э *шукш* «сор, мусор», связанные, несомненно, с предполагаемым мерянским словом) Востр II 41–43; *juk (< *joGə) – р. *Юг* (Костр. губ. – Макар) КГЗ 208 < мер. *јук, отраженного в русском языке как *Юг* согласно русской орфографической традиции и восприятию слова как русского со звонким *г*, переходящим в конечной позиции в *к* (ср. ф. *joki* «река», эст. *jõgi*, лив. *jo'uG*, саам. *H jokkā* «то же», морд. Э *Ёв* «река Мокша», мар. Г *йόгы* «течение, поток», удм. *ю* (в парном слове *ю-шур*, где *шур* – также «река»), коми *ю* «река», хант. (казым.) *юхан* «речка», манс. *յ* «река», венг. (ст.) *jó*, нен. *яха*, эн. *joha*, *jaha*, сельк. *kî*, *ke* «то же», кам. *t'aya* «река, поток; речка; ручей» < урал. **joke* «река») ОФУЯ 403, КЭСКЯ 334, SKES II 118, MSzFUE II 339–340;

2) (употребление звукотипа *G*) *käGə(-a) «кукушка» – р. *Kega* (*Kega*) (Костр. губ. – Буй) Vasmer 382 (ср. ф. *käki* «кукушка», эст. *kägi*, вепс. *kägi*, вод. *čäko*, лив. *kä'G*, саам. *H giekkā*, – вызывавшая сомнение гипотеза о заимствовании этих слов из балтийского (ср. лит. *gēdė* «то же») SKES II 259 приобретает еще большую проблематичность в связи с мерянским соответствием); *tolGə(-a) «перо» – н.п. *Толго(бол)* (*Tolgobol*) (Яр. губ. – Яр) Vasmer 416 (ср. морд. *толга* «перо», коми *тыв*, хант. (вост.) *tõyəl*, венг. *toll* «то же», нен. *то* «крыло (птицы)» < урал. **tulka* «перо, крыло») КЭСКЯ 292, ОФУЯ 400.

Среди собранных примеров, правда, отсутствует случай, когда полузвонкий *G* выступает в позиции после гласного пе-

ред сонантом, однако, исходя из того, что подобная позиция отмечается для полузвонкого *D* как позиционного варианта глухого *t*, следует думать, что это объясняется просто ограниченностью примеров, а не принципиальной ее невозможностью. Следовательно, глухой и полузвонкий звукотипы взрывных согласных, соответственно *p-B*, *t-D*, *k-G*, образовывали в мерянском языке позиционно ограниченные варианты, не дававшие возможности их фонематического противопоставления, что исключало их существование в качестве фонем. Отдельные отклонения от этого правила, обусловленные позицией слова в синтагме или происхождением определенных звуков, в силу своей спорадичности не могли существенно изменить положение. Так, в некоторых, очень редких, примерах как будто нарушается это фонетическое правило – иногда глухой находится в интервокальной позиции. Однако при внимательном рассмотрении истории слова обычно обнаруживается, что соответствующий глухой является рефлексом предшествующей геминаты, имевшейся еще в праязыке, или сочетания согласных звуков, которое затем, по-видимому, развились в геминату, но не образовало долгого согласного из-за их отсутствия в мерянском (как и в мордовских языках). Таким образом, соответствующий глухой в интервокальной позиции сменил предшествующую геминату (сочетание согласных) и, возникнув в период, когда уже перестал действовать закон частичного озвончения согласных в этом положении, не мог подвергнуться его влиянию. Подобный пример, очевидно, представляет собой мер. *ikanä (-ə)/*ükanä(-ə) (уменьш.) «один» – рус. (арг.) *иканя(-не)* «одна копейка» (Яр. губ. – Углич) Свеш 82, ТОЛРС XX 167, где, казалось бы, следовало ожидать форму *IGanä/*üGanä (-ə), то есть в русском отражении *иганя (*игане). Однако, поскольку форма числительного восходит здесь к праязыковому *ikte*/*ükte, а не *ike/*üke, что, в частности, подтверждается ф. *yksi* (ükte) «один», эст. *üks*, саам. *ok'tâ* (ОФУЯ 423), естественно, что в мерянском, где *-k-* относительно поздно сменило предшествующее *-kt-* (возможно, через стадию *-kk-*),

оно и должно было остаться в этой позиции, неравнозначным обычному -к-, развивавшемуся совершенно иначе²¹.

Если не по артикуляции, то по месту образования со звукотипами р и Д непосредственно связан звукотип β, представляющий собой губной фрикативный. Исходя из того, что в рассмотренных русских диалектных словах немерянского происхождения, зафиксированных на постмерянской территории, наблюдается смешение б и в, что характерно для языков, имеющих вместо них звук β, — например для марийского, в прошлом смежного с мерянским, — логично предположить, что тот же звук был характерен для мерянского языка²². Поскольку звук β обычно не существует со звуком у или w, следует думать, что это относится и к мерянскому языку. Следовательно, во всех тех случаях, где рус. (постмер.) б или в соответствует у прибалтийско-финских или мордовских языков, — часть из них (в начале слова) может продолжать

праязыковое w, часть (в середине слова) — праязыковое r, — исследователь вправе предположить употребление мер. β. Только в единичных случаях (подробнее см. в гл. «Грамматика», разделы «Частица» и «Междометие») можно допустить употребление вместо β неслогоового ц, что относилось к словам междометного и близкого к ним значения: *цај — рус. (диал.) вай «возглас удивления» (Яр — Пош; Костр — Сусан) ЯОСК; *joц «вот» — рус. (диал.) ёв «вот» (Яр — Щерб). Здесь деформация β и его замена ц могли вызываться междометным или близким к нему характером слов, с чем были связаны меньшая четкость артикуляции и возможность употребления звуков, в целом нетипичных для фонетики. В остальном мерянское β должно было употребляться и в случаях исконного праязыкового w, и там, где оно возникло закономерно как результат ослабления артикуляции праязыкового r в середине слова и перехода его в соответствующий фрикативный ср.: *anDoβa «кормящий» (р. Андоба — Костр) — ф. antava < *antapa «дающий» (о переходе финского суффиксального -ра > -va см. у Л.Хакулинина [116, ч. I, с. 125–126]); *konDoβa «несущий» (р. Кондоба — Костр) — ф. kantava < *kantapa «то же»; *tudoβa «знающий, осознающий» (рус. (диал.) при-о-тудоб-еть «окрепнуть» — Костр. губ. — Кол, МКНО) — ф. tunteva «чувствующий, знающий»; *βäDrä «сильный, здоровый» (рус. (диал.) неведря «хилый, больной» — Яр — Пош ЯОСК 122) — морд. Э вадря «хороший, красивый; добрый; качественный», морд. М вадря «гладкий» (о ворсе, шерсти, волосах); *βähə(-a) «мало» (рус. (диал.) вяжа «немного (Костр — Парф); пустяк — Яр — Рост, ЯОСК) — ф. vähä(n) «мало», эст. vähe «то же»; *βeD'mə «перемет» (рус. (диал.) ведьма «то же» (Костр — Гал) Востр II 28) — морд. Э ведьме «повор, ремень; завязка, бечевка; конец, обрывок нити»; *kirβäs «топор» (рус. (арг.) кирбяс (Яр. губ. — Углич) Свеш 89) — ф. kirves «то же» < балт., ср. лит. kiřvis «топор», SKES I 200²³; *urgma

²¹ Не исключена возможность подобного объяснения для мер. кока «тетя; крестная» (ср. рус. (диал.) кока «тетя по родству; название старшей дочери для младших детей; крестная мать» (Яр — Рост, Первом) ЯОСК — мар. кокá «тетя»). Марийское и мерянское слова, очевидно, этимологически связаны с морд. Э кака «дитя, дитятко» (возможно, первоначально ласковое название первенца, первой дочери), о чем говорит и фонетическая закономерность: марийское (вторичное) (-)о- в начале слова часто соответствует а других финно-угорских языков, в частности мордовских [25, с. 103–106]. Имея в виду аффективно-ласкательный характер слова, вполне возможно допустить здесь существование в древний период геминаты, наблюдавшейся и в некоторых других аналогичных случаях, ср. ф. ati «тесть, свекор» как соответствие венг. atya «отец» и варианты с долгими согласными (геминатами): ф. ätti «отец», эст. ätt «отец; дедушка; старик». Следовательно, мар. кокá, мер. *kóka, морд. Э кака могут восходить к незасвидетельствованному *kakka «ребенок (особенно первый)», что еще требует проверки с привлечением дополнительных данных.

²² Об этом также, как уже отмечалось, свидетельствует колебание б/в в формах постмерянского диалектного русского слова мерянского происхождения (ср. бянки — вянки, бени — венечки «двурогие вилы»), хотя в самом мерянском это слово представляет собой субстратное включение из индоевропейского языка Волго-Окского междуречья.

²³ Не исключено, что предполагаемое мерянское слово, в свою очередь, является заимствованием из прибалтийско-финского (ср. вепс. kirvez «топор»), однако прибалт.-фин. -у- соответствует рус. -б-, а это явный довод в пользу -β- в мерянском. Предположение о непосредственном заимствовании

< **urβa* < **oraβa* «белка» (рус. (диал.) *урма* «то же» – Костр. губ. – Кол, ООВС 240) – ф. *orava* < **orapa*.

Следовательно, мер. *β выступает и в тех случаях, где в праязыке употреблялся w, и там, где (в середине слова) первоначально вступал звук r, который затем в результате ослабления был заменен в ряде финно-угорских языков другими звуками или – как в прибалтийско-финских – чередовался с ними в слабых ступенях.

Важно отметить, что звук *β как рефлекс праязыкового *r в середине слова и как предшественник современного u (в слабой ступени) предполагается также для прибалтийско-финских языков, в частности финского,ср.: u* < β – *lavan*, род.п. от *lara* «лопатка, лопасть», *kivuton* «безболезненный» (~*kipu* «боль»), *levätä* «отдыхать» (~*lepää* «(он) отдыхает») [116, ч. I, с. 58]. В то же время для марийского, где в настоящее время отсутствуют звуки u и w [42, с. 38] и употребляется только β, выступающее на месте и праязыкового -r- в середине слова [53, с. 137], и праязыкового w (ср. мар. *βerγe* / *βärγe* «(анат.) почки» – коми *börk* (*vörk*) «то же») [42, с. 38; 54, с. 68], в прошлом был характерен звук w (как и для всех финно-угорских языков, унаследовавших праязыковые звуки) [53, с. 118]. Очевидно, это различие в прибалтийско-финской и марийской фонетике следует объяснять тем, что марийский длительное время сохранял w, выступавшее еще при ослаблении праязыкового r в середине слова и переходе его в *β, а в прибалтийско-финских языках праязыковое w было заменено согласным u. Поскольку согласные β и w чрезвычайно близки по своей артикуляции (звук β в марийском в это время не имелось, даже теперь он входит в него только с заимствованиями), один из этих звуков неизбежно вытеснялся другим. В марийском, очевидно, после периода параллельного употребления обоих зву-

слова из вепсского (тем более балтийского) в русский маловероятно из-за удаленности этих языков, наиболее обоснованно считать его субстратным включением в русский непосредственно из мерянского, в пользу чего говорит и -б- как отражение мер. -β-; русский язык передал бы прибалт.-фин. и балт. -у- своим -в-.

ков и их смешивания, перевес оказался на стороне β, он вытеснил полностью даже этимологически исконный w. В прибалтийско-финских языках, где употреблялся звук u, фонетически более далекий от β, и также отсутствовал b (как возможная частичная замена звука β, ср. субSTITУЦИИ мерянских слов с β в русских говорах), звук u как более традиционный, сохранив все свои унаследованные от праязыкового w позиции, вытеснил *β даже в тех местах, где тот закономерно заменял праязыковое внутрисловное *r и где u никогда прежде не употреблялся, то есть произошла субSTITУЦИЯ β звуком u. Указанный процесс привел к тому, что в настоящее время марийскому абсолютно не свойствен w, прежде в нем употреблявшийся, а в прибалтийско-финских языках не получил развития закономерно появившийся в нем как позиционный вариант *r, согласный β. Мерянский язык, в котором, судя по имеющимся данным, был широко распространен звук β, вытеснивший более древний w, в этом отношении отличается от прибалтийско-финских и мордовских языков и стоит ближе к марийскому.

Вместе с тем мерянский, мордовские и марийский языки от прибалтийско-финских отличает еще одна особенность. В нем отсутствует чередование ступеней согласных, характерное для большинства прибалтийско-финских языков, благоприятной почвой для развития которого в них могло послужить сохранение геминат, утраченных мерянским, мордовскими и марийским языками. В связи с этим следует заметить, что потенциально возможная оппозиция трех ступеней, связанных со взрывным r (r-B-β), в мерянском едва ли представлена, поскольку вариант с B в середине слова в обнаруженных примерах характерен только для композит, в частности для начала второго компонента. Других случаев сохранения r в виде его полувонкого варианта B в середине слов не обнаружено. Единственный несомненный случай праязыкового -r- в середине слова (суффикс -βa/ -βə < *-ra в слове **tudoba* и под.) свидетельствует о том, что он в этой позиции переходил в -β- . Следовательно, скорее всего, мер. -r- в отличие от прибалтийско-финских и саамских языков в середине (простого) сло-

ва никогда не сохранялось, переходя в β, как и в марийском языке. Происходил ли также здесь переход -p- > -j-, как это наблюдается в марийском языке (ср. мар. *шүй* «шея» при ф. *sepä* «передняя часть саней»), или мерянскому языку в этой позиции свойствен был только переход -p- > -β- подобно тому, как в мордовском здесь возможен только переход -p- > -v- [53, с. 135, 137], на основании имеющихся данных сказать невозможно.

Мы можем предположить, что, находясь в середине слова (в интервокальной позиции и положении между гласным и сонантом), мер. t регулярно переходило в полузвонкое D. Так как, судя по всему, t в середине слова могло сохраняться только рядом с глухим согласным, в сущности, в группе (паре) согласных, и этой чертой мерянский язык больше напоминает волжско-финские, а не прибалтийско-финские и саамские языки, где t в интервокальной позиции вполне возможно и где оно образует основу для чередования ступеней согласных. Чередованием вариантов t (в начале слова) и D (в середине слова) мерянский похож на мордовские языки, где соответственно выступают варианты t-d (ср. морд. Э *тумо* «дуб» – сядо «сто»). Однако не исключено, что, по крайней мере диалектно, мерянскому языку в данной позиции так же, как и марийскому, мог быть свойствен и межзубный фрикативный б как соответствие начальному t. На такую возможность указывает название р. *Илезома* (Костр. губ. – Кол) КГЗ 144, образующее явную параллель с названием р. *Ильдомка* (Костр. губ.) Семенов 233 (ср. также н.п. *Ильдомское*, *Ильдом* – Яр. губ. – там же). Как известно, звук б носителями языков, где он отсутствует, обычно смешивается с д или з²⁴. Поэтому

пример передачи одного и того же названия, где в одном случае употреблено -d-, а в другом – -z-, может быть сигналом того, что идет речь о межзубном мер. -b- и попытках передать его с помощью средств русской фонетики. Очевидно, переход прайзкового t в б в середине слова (в интервокальной позиции) типа *ił'(ə)boma* вместо обычного *ił'Doma* «безжизненный» (ср. мар. *иљдыме*, фон. *iłəbəmə* «нежилой; необитающий») не был для мерянского языка повсеместным явлением, иначе он бы нашел отражение в значительно большем количестве примеров. Судя по месту фиксации примера (быв. Кологривский уезд Костромской губ.), данное явление скорее всего было характерно для крайней восточной части мерянской языковой территории, там, где она соприкасалась с территорией марийского языка. Не исключено, что своим возникновением эта, по-видимому диалектная, черта мерянского языка была обязана марийскому языковому влиянию.

Исходя из того, что в интервокальной позиции k в мерянском языке, как правило, только частично озвончалось, переходя в полузвонкое G (ср. уже упоминавшиеся примеры типа р. *Кега*), а отражения мерянских слов с x соответствуют прибалтийско-финским (реже венгерским) словам с h (ср.: р. (диал.) *вяха* «немного» (Яр., Костр.) ЯОСК, *тохта* «гнилое дерево» (Костр.) Востр I 50, *халеть* (Костр. губ. – Кин) «умирать» МКНО – ф. (диал.) *tohko* «гнилое дерево, старая вещь», эст. *vähe* «мало», венг. (meg) *halni* «умирать»), можно считать, что и для мерянского языка было характерно положение, сложившееся в прибалтийско-финских языках, сохраняющих, – правда, в чередовании с -v- (< *y), – с частичным озвончением k в интервокальной позиции и развивших звук h, который в северно-русских (постмерянских) говорах передается в словах мерянского происхождения как x. Особенно показательны в этом отношении названия рек, сохраняющие второй компонент **joGə* «река», ср.:

1) (примеры, отражавшие исходную форму **joGə*) р. *Шордога* (*Šordoga*) (Вл. губ. – Юр.-Пол), первая часть сопоставляется с мар. *šorðə* «лось» – Vasmer 399; р. *Шорнога* (*Šornoga*) (Вл. губ. – Александр), первый

²⁴ Оба способа этой несовершенной передачи межзубного (например, в английском языке) носителями русского языка широко известны и получили отражение в русской литературе, ср.: 1) (как д) Тебя ослепило, ты осовел. Но как барабанная дробь, из тьмы по темени: «Кофе Максвел гуд ту ди ласт дроп» (= good to the last drop «хорош до последней капли») (В.В.Маяковский, Бродвей); 2) (как з) «Зе воркс оф Шекспире» (= The works of Shakespeare) ...Шекспир! Гулять идете и то книжку с собой берете, да еще на английском языке! (В.Вересаев, Супруги).

компонент сопоставляется с мар. šarDñe «ветла, ракита», ф. saarni «ясень» – Vasmer 400; р. Vandoga (Vandoga) (Вл. губ. – Переясл), первый компонент сопоставляется с мар. bondo «стебель; камыш» – Vasmer 401;

2) (примеры более поздней формы *juGə) р. Колюга (Koljuga) (Костр. губ. – Варнав), первая часть сопоставляется с мар. kol «рыба» – Vasmer 374; р., н.п. Вичуга (Vičuga) (Костр. губ. – Кин), первая часть сопоставляется с мар. viče «название р. Белой (в Башкирии)» – Vasmer 383; р. Vančuga (Vančuga) (Вл. губ. – Судог), первая часть сопоставляется с мар. vanžem «переходжу, переезжаю» – Vasmer 396–397.

О том, что полузвонкий взрывной согласный G, позже перешедший в конце слова в соответствующий глухой (G > k) сохранился здесь до полного исчезновения конечного гласного, свидетельствуют формы с глухим -k в конце наиболее поздней формы *juk, передаваемой согласно русской орфографической традиции как юг (*Юг*)²⁵,ср.: р., н.п. Портюг (Portjug) (Костр. губ. – Кол), в первой части сравнимое с мар. pört «дом, изба, хата», ф. pirtti «изба» – Vasmer 376; р. *Юг* (Jug) (Костр. губ. – Макар; Яр. губ. – Пош; Вл. губ. – Горох), сопоставляемое с мар. jaȝə «течение, поток», хотя с семантической и формальной стороны здесь больше оснований для сравнения с ф. joki «река», эст. jõgi «то же» – Vasmer 377–378, 391, 394. Возможно, сюда же относится (очевидно, отражающее диалектную форму *jük «река») и название р. Шордик (Šordik) (Костр. губ. – Кол), в первой части сопоставляемое с мар. šorðe «лось» – Vasmer 377, хотя сам М.Фасмер никакого объяснения конечной части слова, – видимо, его второму компоненту – не дает.

В отличие от приведенных форм, совершенно определенно отражающих сохранение мер. k (с частичным озвончением) в интервокальной позиции, свидетельство-

²⁵ Причиной появления конечного -g, произносимого в русском литературном языке и северно-русских говорах как -k, могло быть и то, что в косвенных падежах мерянского слова -k-, оказавшись между гласными, произносилось как полузвонкое G (напр., *juGen, род.п. ед.ч. «реки»), воспринимавшееся русскими как русское g.

ваны и другие формы того же слова, где вместо рус. k и g как отражений мер. k и G выступает x. По-видимому, данное явление в мерянском языке носило сугубо локальный, ограниченно диалектный характер, так как в противоположность формам с k (G), засвидетельствованным в разных, часто совершенно противоположных частях бывшей мерянской территории (в быв. Ярославской, Костромской и Владимирской губ.), формы с x отмечаются на сравнительно ограниченном пространстве, связанном в основном с ее юго-востоком (быв. Александровский, Гороковецкий и Шуйский уезды Владимирской губ. и Юрьевецкий уезд Костромской губ.):

1) (второй компонент -юха) р. Вондюха (Vondjucha) (Вл. губ. – Александр), первый компонент сопоставим с мар. bondo «стебель, камыш» – Vasmer 400;

2) (второй компонент -иха) н.п. Шарниха (Šarnicha) (Костр. губ. – Юрьев), первый компонент сближается с мар. šarñe «ракита» – Vasmer 383;

3) (второй компонент -их) р. Ландих (Landich) (Вл. губ. – Горох), первый компонент сближается с ф. lanto «низменность, низкое место, долина», эст. laas (ген. laane) «пушта, бор» – Vasmer 391–395;

4) (колебание в форме второго компонента: -юх/-их) р. Пенюх/Пених (Penjuch, Peñuch/Penich) (Вл. губ. – Горох), слово в целом сопоставляется М.Фасмером с мар. ræneȝe «щенок», хотя логичнее видеть в нем сложное образование из мар. reń(ə) «собака» и второго компонента, связанного с мер. *joGə «река» – Vasmer 395. Приведенные примеры свидетельствуют, что в части мерянских говоров -k- в интервокальной позиции (очевидно, через стадию G) постепенно переходило во фрикативное γ, как в марийском языке в целом (ср. мар. юг- (joγ-) «течь» при ф. joki «река»). Возможно, это γ позже было заменено звуком h. Другой случай перехода предполагаемого первоначального интервокального -k- в -γ-, а затем в -h-, получивший, видимо, более широкое распространение в мерянском языке, отражен в мер. *jähře «озеро», возникшем на основе предполагаемого и-е. (субстр.) *jaȝero-/ -e. Стадия -γ- (с его дальней-

шим переходом в -v-) была на определенном этапе исторического развития свойственна и прибалтийско-финским языкам (рефлекс этого -y-, перешедшего затем в -w-, находим, очевидно, отраженным в саам. *H jaw're* «озеро», лив. *järe* и – с метатезой – в ф. *järvi* эст. *järv*). Разница между мерянским и прибалтийско-финскими языками заключается в том, что прибалтийско-финский это -y- заменил звуком -v- или утратил (ср. ф. *joki* «река», ген. *joen* < **joyen*), а мерянский его сохранил, очевидно, позже преобразовав в *h*. Из данных примеров видно, что в части своих говоров (очевидно, большей) мерянский в развитии интервокального -k- пошел по пути развития прибалтийско-финских языков, но в отличие от их большинства не развил чередования ступеней согласных. В другой части мерянских говоров (видимо, меньшей) переход -k- в -y- (возможно, с переходом позже -y- > -h-) получил большее развитие, в чем они приблизились к марийскому языку, хотя пока не известно, касался ли переход интервокального -k- в -y- всех случаев его употребления, как в марийском языке, или был чем-то ограничен. Судя по имеющимся и доступным исследованием фактам, в отношении трех фрикативных -b-, -d- и -y-, развившихся в мерянском языке из интервокальных -p-, -t-, -k-, можно констатировать три изоглоссы, проходящие по мерянской территории. Если изоглосса перехода -p- в -b- наиболее широка, охватывая, по-видимому, всю мерянскую языковую территорию (ср. мер. **kirbäs* на ее крайнем западе, в Угличе), то территория, охваченная изоглоссой широкого перехода -k- > *G*- в -y-, касающаяся только юго-восточных районов, значительно уже. Согласно небольшой, видимо, была область, где отмечается переход -t- > -D- в *d* в середине слова. В целом по признаку спирантизации взрывных в середине слова область мерянского языка представляется переходной зоной от марийского и мордовского языков к прибалтийско-финским языкам.

Кроме заднеязычного взрывного глухого k с его полузвонким вариантом *G*, в отношении мерянского на основании ограниченного количества примеров можно, оче-

видно, предположить существование звукотипа *ŋ*, заднеязычного звонкого носового, известного еще финно-угорскому праязыку [53, с. 118], ср.: р. *Kongora* (мер. **koŋ(G)ora* (*Kongora*) (Яр. губ. – Пощ), сопоставимое с ф. *kangar*, *kankare* «песчаный холм» – Vasmer 392; н.п. *Шунга* (*мер. *šuŋ(G)ə*/ **šüŋ(G)ə* (Костр. губ. – Костр), сопоставляется с мар. *šüŋgä* «маленький холм» – Vasmer 385; **raŋ(G)ə* «гриб», рус. (диал.) *ланга* «губа, губка на древесных породах» (Костр. губ. – Ветл) МКНО, сопоставимое с морд. *M ланга* «гриб», морд. Э *ланго*, мар. *пон'о* «то же», манс. *лāŋx* «мухомор», нган. *fanka* «быть пьяным (от напитка из грибов)» < (урал. **raŋka* «гриб»²⁶ – Alvre II 57, Collinder 408. На основании имеющихся данных определить фонематическую значимость данного звукотипа невозможно.

Среди слов, явно связанных по происхождению с мерянским языком, обнаруживается довольно много примеров, при воспроизведении которых употребляется буква *x*, отражающая их произношение в современных русских говорах с постмерянской территорией. Здесь можно усматривать противоречие, поскольку звука *x* в мерянском языке, как в финно-угорском праязыке и большинстве современных финно-угорских языков, не существовало. Об этом говорят постмерянские особенности русской диалектной фонетики, часть которых может обнаруживаться в славяно-русских заимствованиях мерянского: здесь русское *x* передается звуком *k*. Объяснить это кажущееся противоречие можно исходя из того, что русское *x* является отражением абсолютно не свойственного северно-русским говорам *h* или – реже – *y*. Как известно, здесь даже в тех случаях, где в русском литературном языке употребляется *y* фрикативное (например, в междометиях *ага*, *ого*), последовательно выступает звук *x*. В связи с тем, что там, где в постмерянских словах русских говоров выступает *x*, в прибалтийско-финских (реже венгерском) ему, как правило, соответствует *h*, есть

²⁶ Другое объяснение слова, вряд ли более убедительное, дает О.В.Востриков [16, с. 32-33], который, исходя из семантики «гнилое дерево», сближает слово с саам. *roŋk'kE* «гнилое дерево».

основания считать, что в мерянском в соответствующих словах употреблялся глухой ларингальный согласный h²⁷. Этот согласный, в частности, можно предположить в следующих словах мерянского происхождения: *jähře «озеро» – н.п. Яхро(бол) (Jachrobol) (Яр. губ. – Дан) Vasmer 416, р. Яхрен (Вл) Смол 196 (ср. ф. järvi «озеро», эст. järv, лив. jõra, jära, саам. Н jaw're, морд. Э эръке, морд. М эръхке, (диал.) је́р'кε, мар. ер, мар. Г и́эр «то же» < и-е. (фатъян.) jágero-/ -e SKES II 132; *vähē «мало» – рус. (диал.) вяха «немного (Костр – Парф); пустяк (Яр – Рост)» ЯОСК (ср. ф. vähä(n) «мало», эст. vähe «то же», морд. Э вишка «малый, маленький», веж(тель) «язычок (букв. – малый язык: *веш кель < ф.-уг. (прибалт.-фин., мер., морд.) *wäše «малый») SKES VI 1830–1831; *tohtē «гнилое дерево, гнилая сердцевина дерева» – рус. (диал.) тохта «то же» (Костр – Костр, Кол, Меж) Востр I 50 (ср. ф. (диал.) tohko «гнилое дерево, старая вещь», эст. (диал.) tōheta «становиться больным < гнилым» < ф.-уг. (прибалт.-фин., мер.) *tohk- «гнить», с характерной для мерянского заменой звуков -hk- ~ -ht-, возможно, связанной с таким же колебанием среднеязычных) Востр I 50–51.

Широкое распространение на бывшей мерянской территории слова *vähē (рус. (диал.) вяха), по-видимому, исключает возможность его заимствования из прибалтийско-финского языка. Предшествующее прибалтийско-финскому (и мерянскому?) -š-, сохраненное мордовскими языками, перекодило в мерянском, как и в прибалтийско-финских языках, в h. Насколько широким был этот процесс, совпадал ли он полностью с прибалтийско-финским или имел специфически мерянские ограничения, должен показать дальнейший внимательный этимологический анализ русской лексики (в том числе ономастики) мерянского происхождения. Пока не будет точно установлена ее этимология и несомненно доказано мерянское происхождение соответствующих лексем,

²⁷ Это утверждение нуждается в окончательной проверке на большем количестве примеров, так как в некоторых случаях, особенно диалектно, в мерянском мог употребляться также фрикативный γ, причем ввиду близости обоих звуков они могли смешиваться.

решить окончательно этот вопрос нельзя. Однако на бывшей мерянской территории обращает на себя внимание обилие субстратных топонимов, содержащих звук -x- (отражение мер. h), ср.: (Яр) Юхоть (Мышк), Лахость (Гавр.-Ям), Сохость, Луха (Пош), Ухра (Рыб), Ухтома (Первом), Пахма (Яр); (Моск) Яхрома (Дмитр); Пахра (Подольск), Пехра (Балаш); (Вл) Махра (Александр), Лухтоново (Судог), Нерехта (Ковр), Лехтово (Мелен); (Иван) Лахость, Ухтома (Ильин), Ухтохма, Сорохта (Комс), Кохма (Иван); (Костр) Нерехта (Нер), Чухлома (Чухл), Ухтынгирь (Кадый), Вожтома (Парф), Тоехта (Макар), Вожма (Вож). Большое количество топонимов с x < мер. h, из которых некоторые повторяются в разных местах, говорит о несомненной характерности данного звукотипа для мерянского языка, что в какой-то степени подтверждает возможность его самостоятельного развития, но он может и совпадать с аналогичным прибалтийско-финским явлением.

Из других фрикативных, кроме заднеязычных, мерянскому языку были свойственны свистящий и шипящий s и š.

Звукотип s встречается в ряде слов предполагаемого мерянского происхождения, напр.: *sorjəs «(рыба) хариус» – рус. (диал.) соръез, соръёз, соръяз, соръяс «то же» (Костр – Костр, Кол, Меж, Чухл) (ср. ф. harjus «хариус», кар. harjuš, вепс. haíd'uz, haígus, где с известным сомнением считается словом германского происхождения от герм. *harzus/*harrius «то же») SKES I 58, Востр I 46–50²⁸; *rast(ə) «столб, дорожный указатель, веха» – рус. (диал.) растовая дорога «тракт, главная дорога, хорошая столбовая дорога» (Костр – Кол) (ср. ф. rasti «дорожный указатель, веха», rastia «помечать дорогу», кар. raštì «дорожный указатель») Востр II 34–35, SKES III 742²⁹; *bostērə

²⁸ Соответствие s- прибалт.-фин. h- О.В.Востриков [15, с. 48–49] пытается объяснить как связанное с саамским языком. Не исключено, действительно, что в мерянский язык слово могло проникнуть через это посредство.

²⁹ Судя по разобщенности прибалтийско-финского и мерянского ареалов, *rast(ə) может быть скорее общим наследием этих языков, чем заимствованием из прибалтийско-финского в мерянский. Не исключено также, что в какой-то связи с ним, одновременно подтверждая его мерянскую принадлежность, находятся другие слова и топонимы

«прут, хлыст; банный веник» – р. *Востырь* (*Vostyŕ*) (Костр. губ. – Костр) Vasmer 385 (ср. мар. *вóштыр* «прут, лоза, проволока», мар. Г *ваштырь* «прут, лоза; веник», ф. *vasta* «(банный) веник», кар. *vašta* (*vasta*) «то же», *vastu* «веник (вообще)» РКС 23, вепс. *vast* (шв. ст. *qvasta* «бить себя веником в бане» (пгерм. **kwastu*, *kwasta*, друс. *хвость* «хвост; (банный) веник» SKES V 1667) или их соответствие из субстратного и-е. языка Волго-Окского междуречья, в пользу чего говорит ареал распространения слова³⁰; -s (как формант иллатива) – рус. (диал.) *дульяс* «огонь» (Костр. губ. – Гал) Вин 45 < мер. *D-/tuíjas «в огонь» ср. морд. *толс* «в огонь», ф. *ylös* «наверх», мар. *чодраш* < *čodras «в лес») [7, с. 300; 20, с. 49].

В тех случаях, когда s оказывалось в середине слова, в интервокальной или интервокально-сонантной позиции, оно подобно взрывным переходило в свое полузвонкое соответствие Z, ср.: *peZē(-a) «гнездо» – н.п. *Пезо(бал)* (*Pezobal*) (Костр. губ. – Кол) Vasmer 417 (ср. ф. *pesä* «гнездо», эст. *pesa*, саам. Н *bæsse*, морд. Э *пизз*, морд. М *пиза*, мар. *пыхаш* «то же», удм. *пуз* «яйцо», коми *поз*. «гнездо», хант. *pič*, манс. *пити*, венг. *fészék*, нен. *пидя* < урал. **pesä* «то же») КЭСКА 223, ОФУЯ 404; *piZlējē «рябина» – н.п. *Пизлеево* (*Pizlejevo*) (Вл. губ. – Переясл) Vasmer 401 (ср. ф. *pihlaja* «рябина», эст. *pihlakas* «то же», морд. Э *пизёл* «рябина (ягоды)», морд. М *пизел* «то же», мар. *пизле* «рябина», мар. Г *пýзýлмы* «рябина (дерево и ягоды)», удм. *палээзь* «рябина (ягода)», коми *пельсь*, хант. (каз.) *ласяр* (*päсяyr*), манс. *ласяр* < ф.-уг. **pičlä* КЭСКА 218, SKES III 542, Collinder 413.

Звукотип š встречается в многочисленных лексемах предполагаемого мерянского происхождения из бывшей области распространения мерянского языка. Как и

того же корня в постмерянском ареале: н.п. *Растовцы*, Белый *Rast* (Моск. обл. – Дмитр), *rast* «время (конец мая – июнь), когда хорошая пастыба скота: майская свежая, молодая трава» (Яр – Рост, Углич) ЯОСК.

³⁰ Менее убедительно сближение мар. *вóштыр*, мер. **βostərə* с ф. *vihta* «(банный) веник» (Vasmer 385) или венг. *vas* «железо» (КЭСКА 331–332). Интересно соответствие мер. s || мар. š, сближающее мерянский с мордовскими и прибалтийско-финскими языками и отдаляющее его от марийского.

глухие взрывные p, t, k и звукотип s, он встречается, как правило, только в начале слова и в положении рядом с глухим согласным, напр.: **juksə* «лебедь» – р. *Юкша* (*Jukša*) (Костр. губ. – Юрьев) Vasmer 382 (ср. ф. *joutsen* «лебедь», эст. (поэт.) *jõudsin*, (диал.) *joos*, сам. Н *njukčā*, морд. Э *локсей*, мар. *йүксо*, мар. В *йүкчö*, удм., коми *юсь*, манс. (ст.) *još(voj)* (*voj* «птица») < ф.-уг. **joŋkče*) КЭСКА 336, SKES I 121, ОФУЯ 416; **šolə(-ä)* «вяз, ильм» – р. *Шоля* (*Šolja/Šol'a*) (Костр. губ. – Варнав) Vasmer 375 (ср. ф. *salava* «ива ломкая», морд. Э *селей* «вяз», морд. М *сяли*, мар. *шоло*, венг. *szil(fa)* (*fa* «дерево») < ф.-уг. **šala*) SKES IV 954, MSzFUE III 587–588; **šarnə/šornə(-a)* «ракита, ветла» – н.п., р. *Шарна* (*Šarna*) (Яр. губ. – Люб) Vasmer 388, н.п. *Шарнича* (*Šarnicha*) (Костр. губ. – Юрьев) Vasmer 383, р. *Шарновка* (*Šarnovka*) (Костр. губ. – Буй) Vasmer 381, р. *Шорна* (*Šorna*) (Вл. губ. – Шуй) Vasmer 395 (ср. ф. *saarni* «ясень», эст. *saar*, лив. *särna*, мар. *шертне* «верба; ракита», *šarDní* < ф. (прибалт.-фин., мер., мар.) **šarDənə* «ясень; верба») SKES IV 939.

В середине слова в положении между гласными или рядом с сонантом звукотипу š соответствует Z, напр.: *sinžə(-a)* (*sinžan*, ген. ед.ч.) «глаз; (перен.) источник» – н.п. *Синжан* (*Sinžan*) (мер. * *Sinžən* (*Balo*) «Источниковая (букв. – источника) (деревня)» (Вл. губ. – Меленк) Vasmer 397 (ср. ф. *silmä* «глаз», саам. Н *čal'bme*, морд. *сельме*, мар. *šind'ža* «глаз; источник», удм. *син* «глаз», *ошмес-син* «родник (букв. – ключевой/родниковый глаз)», коми *син* «глаз; родник», хант. *сэм* «глаз», мёусэм «родник (букв. – глаз земли)», манс. *сам* «глаз», венг. *szem*, нен. *сэв*, эн. *sei*, нган. *säime*, сельк. *sai*, кам., койб. *sima*, тайг. *šime-dä* < урал. **silmä*)³¹.

³¹ Отсюда нельзя еще делать вывод о том, что данное слово, наиболее тесно связанное с мар. *шинча* «глаз» (даже в указанном переносном значении), являлось в мерянском единственным для обозначения этого понятия, ср. другие топонимы бывшей мерянской области, позволяющие реконструировать мер. **sel'me(-ä)/*sälme(-ä)* «глаз»: р. *Сельма* (Костр. губ. – Солигал) КГЗ 243, р. *Сальма* (Костр. губ. – Ветл), КГЗ 68, – более близкие к ф. *silmä* «глаз», морд. *сельме* «то же». Очевидно, речь идет только о диалектном явлении, связанном с частью мерянского языка.

По сравнению со звукотипом s согласный š был распространен в мерянском языке значительно шире. Об этом свидетельствует большое количество названий с бывшей мерянской территории, включающих этот звук, которые, не являясь такими этимологически ясными, как приведенные выше примеры, все же обнаруживают несомненное финно-угорское происхождение, ср.: *Шуда* (*Šuda*) (Костр. губ. – Варнав) Vasmer 375; *Ошуя* (*Ošuja*) (Костр. губ. – Варнав) Vasmer 375; *Шордик* (*Šordik*) (Костр. губ. – Кол) Vasmer 377; *Нельша* (*Nel'ša*) (Костр. губ. – Кол) Vasmer 377; *Локша* (*Lokša*) (Костр. губ. – Кин) Vasmer 383; *Шунга* (*Šunga*) (Костр. губ. – Костр) Vasmer 385; *Лекша* (*Pekša*) (Яр. губ. – Яр) Vasmer 387; *Шарма* (*Šarma*) (Яр. губ. – Пощ) Vasmer 391; *Шегола* (*Šegola*) (Яр. губ. – Пощ) Vasmer 392; *Шуга* (*Šuga*) (Вл. губ. – Сузд) Vasmer 398; *Шорнога* (*Šornoga*) (Вл. губ. – Александр) Vasmer 400 и др.

Большое количество слов явно финно-угорского происхождения, включающих звук š и связанных с мерянской территорией, причем в разных ее частях, показывает, что он был чрезвычайно характерен для мерянской фонетической системы. Не исключено, что именно с этим связана известная ограниченность примеров со звукотипом s: š в мерянском языке могло его в какой-то степени потеснить. Это могло объясняться и тем, что звук s в мерянском имел артикуляцию, отличающую его от обычного славяно-русского s (с русского и украинского типа) и несколько приближающуюся к артикуляции š, то есть близкую к финской: «Шумные щелевые переднеязычные апикальные s, ss (финского языка. – O.T.) на слух несколько шепелявые. Они произносятся следующим образом: кончик языка направлен к верхней десне, края языка прижимаются к боковым зубам и к части твердого неба, прилегающего к ним таким образом, что посередине между кончиком языка и твердым небом образуется узкая щель в форме желобка. Струя воздуха, проходя через эту щель, дает шум с присвистом. Таким образом, финские согласные s, ss акустически воспринимаются как средние между русскими s и ш» [24, с. 22]. О близком к финскому характере мерянского s очевидно, свидетельствуют слова не только славяно-русского происхождения из русских говоров, распространя-

ненных на постмерянской территории, но и собственно мерянского происхождения. В частности, об этом говорит колебание древнерусского s/ш при передаче мерянского слова *moska «конопля» (ср. морд. М *мушка* «волокно, кудель», морд. Э *мушко* «конопля»), лежащего в основе названия р. *Москва* (ср. другое чисто славянское название верхней части ее течения – Коноплевка, калькирующее мерянское) [117]. В Галицко-Волынской части Ипатьевской летописи отмечается как форма местного падежа *на Москъ* (от *Моска*), в другом списке той же летописи – форма этого падежа в варианте *на Можцъ* (очевидно, с гиперистическим -ж- от *Мошка*). Данный пример может быть объяснен только как результат колебания при выборе звука, вызванного тем, что ни друс. s, ни ш не могли точно отразить мерянский звук, представляющий собой, видимо, что-то среднее между тем и другим. Очевидно, закреплению русского звука s в данном и аналогичном примерах, кроме возможных изменений в самом мерянском языке, могло способствовать то обстоятельство, что при первоначальном соприкосновении с мерянским языком звук ш в языке восточных славян был еще мягким, и это сближало его артикуляционно-акустически с мерянским s. По мере того как славяно-русское ш в речи (proto)великоруссов отвергалось, все менее оправданно становилось мерянское s передавать славяно-русским ш, и в (proto)великорусском языке мерянское s стало передаваться только с помощью звука s³².

³² С фонетической точки зрения первоначальная мерянская форма названия р. *Москва* *Móska(ž), отраженная, видимо, не только в вышеупомянутых древнерусских свидетельствах, но и в итал. *Móscia*, интересна еще тем, что с несомненностью свидетельствует о заднерядном редуцированном в конце этого слова, воспринятом восточными славянами – тогда, видимо, еще не имевшими в своем языке новых (велико)русских редуцированных – как звук близкий или идентичный -ы (в словах типа *църкъве* (*църкъве*) «церковь», *свекры* (*свекръве*) «свекровь» и т.п.). Это и стало позже причиной создания по образцу данных слов форм (более старой) *Московъ* (1147 г.) (как *церковь*), отраженной в англ. *Moscow*, нем. *Moskau*, фр. *Moscou*, и более поздней (и современной) *Москва* (под влиянием слов *буква*, *смоква*, рус. (диал.) *церкva*) [117, с. 131]. Таким образом, ввиду этого недвусмысленного свидетельства появляется возможность реконструировать лежащее в основе данного топонима мер. *móskē

Сравнительно малочастотные (на основании свидетельства топонимов) в мерянском аффриката с и с все же не были чужды его фонетической системе, о чем свидетельствуют не только косвенные показания русских говоров постмерянской территории (с отчетливым, как правило, разграничением звуков ц и ч), но и данные самого мерянского языка в словах предполагаемого мерянского происхождения, напр.: *ačə/-a (at'ə) «отец» – р. *Ača* (Костр. губ. – Гал) КГЗ, 83 (ср. ф. ati «свекор; тесть», ätti «отец», эст. ätt «то же», морд. *atja* «старик», мар. *ačá* «отец», удм. *ataj* «то же», венг. *atyá* «отец; монах», эн. *at'a* «отец» (при обращении), нган. t'a «то же», возможно, < *at'(t)a «отец; старик») MSzFUE I 100-101; *Почеболка* (Роčebolka (Яр. губ. – Пош), сопоставляемое с мар. Г *лúчы* (putšə) «олень», мар. *лúчö* «то же» – Vasmer 417, где в пользу мерянского происхождения слова (независимо от правильности предложенной этимологии) говорит его употребление в типичной для мерянского языка композите, обозначении деревни, со вторым компонентом -бол- < *-Bol «деревня».

Еще реже в мерянском употреблялась, видимо, аффриката с. Единственным несомненным мерянским примером, иллюстрирующим ее употребление, является не вполне ясное по составу и происхождению привет-

«конопля» (с заднерядным редуцированным и инициальным ударением, ср. итал. *Mósca*), а вместе с тем говорить с большей уверенностью о конечном редуцированном мерянских слов. Что касается собственно этимологической стороны, то мер. *móskə «конопля», родственное морд. M *múška* «волокно; кудель», морд. Э *mushko* «конопля, кудель», мар. *mush* «пенька, кудель», связано, видимо, с финно-угорскими глаголами того же корня со значением «стирать, мыть; вымачивать (в том числе коноплю)» (ср. эст. (диал.) mōskma «мыть», морд. Э *musъkemс*, морд. M *musъkomс*, мар. *mushkáš* «мыть, умывать; стирать, полоскать (белье)», удм. *mисъкины* «мыть, купать», коми *mисъкавни* (*мыськини*) «мыть, стирать», венг. *mosni* «мыть; стирать», нен. *masä(сь)* «смазать, намазать; (большезем.) «умыть; вымыть; помыть», эн. *masua-bo* «(я) вымыл, вытер», кам. *bázäl'am* «мыть», сельк. *musau* «(я) вымыл» < урал. *muške - (*moškə) «мыть, стирать») КЭСКЯ 184, MSzFUE II 450-451, ОФУЯ 406. Однако само мерянское слово могло возникнуть и вторично как результат переосмысления первоначального и.-е. (? балт.) слова (см.: Фасмер ЭСРЯ II 660-661).

ствие «Цолонда – в доме: здравствуй, хозяин(?)» (с. Давшино – Яр. губ. – Пош) КЯОС 212 [Архангельский А. Село Давшино, Ярослав. губ., Пошехон. уезда: Написано в 1849 г. – Этнографический сборник, вып. 2. Спб., 1854, с. 1-80]. Можно не сомневаться в мерянском происхождении слова, поскольку оно записано в Пошехонье, на бывшей мерянской территории, сохранявшей и частично сохранившей особенно много мерянских пережитков. Исходя из того, что в основе приветствия лежит всегда какое-то пожелание, в прошлом – целая фраза, видимо, здесь выступает приветственная формула, очень деформированная и сократившаяся (синкопированная) в результате частого и быстрого ее произнесения. К этому могло добавиться и некоторое искажение, вызванное утратой языка, на фоне которого она только и могла пониматься. Итак, пока можно только догадываться о первоначальном содержании и составных частях этой формулы. Поскольку в приветствии скорее всего высказывалось пожелание здоровья, первым ее элементом дол < мер. *cölə с редким для мерянского звуком с могло быть субстратное включение из какого-то индоевропейского языка, где, как в славянском, балтийском и германском, было слово с корнем *koil-* > псл. *célъ «целый, невредимый, здоровый», прус. *kails* «здоровый» (в заздравной формуле), гор. *hails* «здоровый», пережившее переход к > с. Заимствованное слово cölə, очевидно, имело значение «здоровый; здоровье». Его употребление в приветственной формуле свидетельствует о том, что в мерянском языке оно приобрело глубоко традиционный характер, о чем, в частности, говорит его сохранение даже после утраты самого языка. Тем самым органично, хоть и ограниченно, должна была войти в фонетику языка и аффриката с.

В связи с тем, что аффриката с могла в некоторых случаях появляться на месте среднеязычного (палатального) т' ср. *ačə (р. *Ača*) (Костр. губ. – Гал) КГЗ 83 при форме at'ə (н.п. *Ate(бал)* (*At'ebal*) Моск. губ. – Дмитр) Vasmer 418, ясно, что мер. с было мягким, а не твердым звуком, своей мягкостью в какой-то степени напоминавшим русское ч. Этим, видимо, объясняется так-

же то, что носители мерянских говоров сравнительно легко, не смешивая его с ц, усвоили русское ч. В отличие от мерянского эрзя-мордовский язык с его твердым ч (č) русское мягкое ч передавал в старых заимствованиях с помощью мягкого ц' (c') (ср. морд. Э цюдавомс, цюлан, цюлка – рус. чудиться, чулан, чулок). С другой стороны, в мерянском языке аффриката с была скорее всего твердой (ср. то же *сöлëнDə(-a) > рус. (диал.) долонда). Поскольку русское ц также является твердым, это способствовало правильному различению звуков ц и ч в русском языке и воспрепятствовало их смешению при усвоении славяно-русской речи мерянским населением, а в конечном счете привело к тому, что явление цоканья и чоканья (смешения ц и ч) для возникших здесь русских говоров не характерно. Следует полагать, что и аффрикаты с и č подобно взрывным и фрикативным s и š сохранили полностью свою глухость только в абсолютном начале слова, его абсолютном конце, если они могли там выступать, и в непосредственном соседстве с глухими. В других позициях (прежде всего, в интервокальнойной) они частично озвончались. Однако из-за их малой частотности и отсутствия традиции передачи собственных аффрикативных звонких вариантов в русском языке (ср. дочь была, отец был, где слышатся, но не обозначаются на письме звонкие аффрикаты Ѷ и Ѹ) в графике русской передачи мерянских лексических элементов это не получило никакого выражения.

Довольно большой частотностью (в отличие от аффрикат) в мерянском языке, как и в других финно-угорских, характеризовались сонорные т, н, л, ɿ, напр.:

1) (звукотип т) *moskē «конопля» – рус. (ст.) *Моска «Москва» (на Mosцѣ, 1208 г. – Смол 287) (ср. морд. M мýшка «волокно; кудель», морд. Э мушко «конопля, кудель», мар. муш «пенька, кудель», очевидно, < урал. *moškē- /*muškē- «мыть, стирать; вымачивать (о конопле)») [72]; *lejtm̩e «корова» < *lež'mä) – рус. (диал.) лейма «корова» (Костр. губ. – Гал) (ср. ф. lehmä «корова», эст. lehm, лив. nī'ẽm̩e «то же», морд. Э лишме «лошадь», морд. M лíшме «конь (только о красивом или игрушечном коне)» SKES II 284 – в основе, очевидно, лежит заимство-

вание из древнебулгарского (ср. чув. лаша «лошадь») со значением «кобыла»); *seZ'um «семь», рус. (арг.) сезюм (Костр. губ. – Гал) Вин 49 (ср. ф. seitsemän «семь», эст. seitse, саам. Н. čiežā, морд. сисем, мар. шым(ыт), удм. сизым, коми сизим < *ф.-перм. *s'ejč'emä «то же» < какой-то индоевропейский язык балто-славянского типа – Серебр. Ист. морф. перм. яз. 221) SKES IV 991, КЭСКА 255; *kolema(-ə) «смерть; умирание, тяжелая болезнь» – рус. (диал.) колёма «болезнь» (Костр – Ветл) СРНГК (ср. ф. kuolema «смерть», эст. (диал.) koolma «умирать, умирание», морд. кулома «смерть», мар. колымаш, удм. кулэм, коми кулом, хант. (каз.) хал'ты «подохнуть», манс. khåli «умирает», венг. (meg) halni «умирать», нен. хась «умереть», эн. kādo' «умирать», нган. kū'am «(он) умер», сельк. ԛuak «(я) умираю», кам. ҝıl'em «то же» < урал. *kolę-/*kölę «умирать») SKES II 239, MSzFUE II 250-251, КЭСКА 143, ОФУЯ 407;

2) (звукотип н) anDoBa (-ə) «кормящий < дающий» – р. Андоба (Костр. губ. – Костр) КГЗ, 160 (ср. ф. antaa «давать», antava «дающий», эст. andma «давать», andev «дающий», саам. Н. vuow'det «продавать», морд. андомс «кормить», удм. удны «поить», коми удны (в составе вердны-удны «кормить-поить»), венг. adni «давать; продавать» < ф.-уг. *amta «давать») SKES I 20, MSzFUE I 69, КЭСКА 295-296, ОФУЯ 418; *-n (показатель ген. ед.ч.) – рус. (арг.) Нерон «Галическое озеро» Вин 48, р. Яхрен (Вл. губ.) Смол 208 (мер. *N'erón (jähre) «Болотное (букв. – болота) (озеро)», Jähren (juk) «Озерная (букв. – бъера) (река)» (ср. ф. järvi «озеро» – ген. ед.ч. järven, морд. Э эръке «озеро» – ген. ед.ч. эръкенъ, (диал.) лоўун ломанъ «снежный (букв. – снега) человек» (морд. -нь < -н) – Серебр. Ист. морф. морд. яз. 16-17, мар. er «озеро» – ген. ед.ч. ерын < ф. *-n) Галкин 39-41, Серебр. Осн. лин. разв. 68-70;

3) (звукотип л) *jelm̩e(-a) < *nélmə/-ä «язык, речь» – рус. (арг.) елманский «древний галицкий» (= мерянский) язык» Вин 45, дмер. *(merän) jelm̩en (-an) «(мерянского) языка (= принадлежащий к мерянскому языку, говорящий на нем)» (ср. саам. Н njal'bme «рот», мар. йылме «язык (анат., лингв.)», хант. (каз.) нялум (анат.), манс. нёлум «то же», венг.

nyelv < ф.-уг. (вост.) *nälmä) MSzFUE III 480; *palo(-ə) «деревня, село», (поздн.) *rol – н.п. (*Нуш*)*поло* (очевидно, из фон. **Нушпalo*) (Nušpolo) (Вл. губ. – Александр) Vasmer 418, н.п. (*Ки*)*бол* (Kibol) (Вл. губ. – Сузд) Vasmer 417, н.п. (*Ки*)*бало* (Kibalo) (там же, 1578 г.) Vasmer 417 (ср. хант. (вост.) riүəl «деревня, населенный пункт, поселение (рыбаков, охотников)», манс. лāvyl «деревня, поселок, селение», венг. falu (< *palu «деревня, село» < угор. (= мер.?) *paluz «то же») MSzFUE I 180–181;

4) (звукотип r) *urma(-ə) < *urβə (-a) вследствие влияния n, ген. ед.ч., *orəβa «белка» – рус. (диал.) *урма* «белка» (Костр. губ. – Кол) ООВС 240 (ср. ф. orava «белка», эст. orav «то же» – ф. -va, эст. -u, мер. *-ma < *-βa – суффикс < *-ra, саам. Н oar're, морд., мар., коми *ур* < ф.-перм. *ora «то же») SKES II 436, КЭСКА 297–298, ОФУЯ 428; *kerə(-a) «кора» – р. *Кера* (Kera) (Костр. губ. – Нер) Vasmer 386, КГЗ, 217 (ср. ф. (диал.) *keri* «береста, выросшая на березе на месте ободранной коры», саам. Н gārrā «кора», морд. Э *керь* «кора, лубок», морд. М *кяр* «то же», мар. *kýr* «лубок», удм. *кур* «то же», коми *кор* «кожура, шелуха», хант. kät «кора», венг. kérög «кора; корка; скорлупа» < ф.-уг. *kere) SKES I 183, MSzFUE II 353–354, КЭСКА 133, ОФУЯ 415.

Относительно мерянских сонорных можно заметить следующее.

1) Мер. l в связи с существованием, очевидно, находившегося с ним в оппозиции l' среднеязычного (палатального) скорее всего было твердым звуком.

2) Как показывают данные лексики немерянского происхождения с постмерянской территории, для звукотипов l и r имелись глухие соответствия L и R. Как известно, в мокша-мордовском, имеющем так же, как и мерянский, глухие сонанты, кроме R и L существуют еще R', L' и J [72, с. 326]. Существовали ли подобные звуки в мерянском, на основании имеющихся данных установить нельзя. Однако были они или нет, употреблялись они скорее всего как варианты соответствующих звонких (сонантов).

3) По-видимому, позиционно ограниченным звукотипом (фонемой) был в мерянском r. Если сонорные m, n, l наблюдаются здесь во всех частях слова, в том числе в его

начале (ср. р. *Моска* > *Москва*) (Моск) Смол 287, Халипов 129–131; н.п. *Нушполо* (Вл. губ. – Александр) Vasmer 418; р. *Лочма/Лотьма* (Вл. губ. – Переясл)), к тому же для всех подобных примеров обнаруживаются финно-угорские соответствия, что говорит об исключительности соответствующих лексем, то не так обстоит дело со словами, которые начинаются на r (рус. р). Параллели к ним или ограничиваются прибалтийско-финскими языками, причем сами предполагаемые мерянские слова не обнаруживают ничего специфического (*rast(ə) «растовая дорога» Востр II 34–35), что может говорить об их заимствованном (из прибалтийско-финских) характере, или же относятся к случаям несомненного заимствования (ср. р. < н.п. *Руж(бал)* (Ružbal) (Костр. губ. – Кол), дающее возможность реконструировать мер. *ruš «русский» < прибалт.-фин. (ст.) rūtsi < дрuss. Русь). Очевидно, мерянский, не теряя в начале слова больше двух согласных, воспринимал звук r как близкий группам из двух и больше согласных. Как отдельный согласный (точнее, часть геминаты) здесь, видимо, воспринималась каждая из вибраций r, что делало невозможным (или ограниченным) его положение в начале слова. Этим можно объяснить начало слова со значением «русский» в таких особенно строгих к инициальным скоплениям согласных языках, как венгерский и тюркские, где оно всегда имеет приставной гласный, будто речь идет о слове, начинающемся с двух согласных: венг. orosz «русский», тат. (ст.) *урыс*, чув. *выраç* «то же» и др.

Все рассмотренные до сих пор согласные мерянского языка относились к твердым. Кроме них, как это обнаружилось при рассмотрении особенностей мерянской фонетики на немерянском (преимущественно славяно-русском) лексическом материале, в мерянском еще имелись палатальные (среднеязычные) согласные. Мерянский материал показывает, что к ним с наибольшим основанием можно причислить звукотипы t' (с вариантом D'), s' (с вариантом Z'), а также сонанты j, l', n'.

Звукотип t'/D' обнаруживает свою среднеязычность в том, что у ряда слов появляется (как следствие большой степени палатальности) параллельная форма,

где произошел переход t' > č. Сюда, в частности, относятся следующие слова: *at'ə(-a)/ačə(-a)* «отец» – н.п. *Ate(bal)* (*Atebal*) (Моск. губ. – Дмитр) Vasmer 418, р. *Ača* (Костр. губ. – Гал) КГЗ, 83 (ср. ф. *ati* «свекор, тесть», *ätti* «отец», эст. *ätt*, ген. *äti* «то же», морд. *atja* «старик», мар. *ačá* «отец», удм. *ataj* «то же», венг. *atyá* «отец; монах», эн. *at'a* «отец (при обращении)», нган. *t'a* «то же» < ? урал. **at'(t)a* «отец; старик») MSzFUE I 100-101; **lot'mə(-a)/*ločmə(-a)* «ложина, долина» – р. *Лотъма/Лочма* (*Lot'ma/Ločma*) (Вл. губ. – Переясл) Vasmer 401 (ср. ф. *lotma*, *lotmo* «то же», морд. Э *ložmo* «углубление», *лашмо* «долина», коми *лахмыд* «отлогий, пологий, покатый» (SKES II 301) < ? ф.-перм. **lat(e)ma* «углубление, покатое место»). Вариант D' обнаруживается в предполагаемом мерянском слове **βeD'mə(-a)* – рус. (диал.) *ведьма* «перемет» (Костр – Гал) Востр II 28 (ср. морд. Э *ведьме* «повод, ремень; завязка, бечевка; конец, обрывок нитки» – дальнейшие связи предполагаемого мерянского и мордовского слов не ясны). Обращают на себя внимание случаи, где t', несмотря на соседство сонанта, не переходит в D'. Очевидно, они могут объясняться тем, что в прошлом вместо простого (одинарного) согласного в них выступал геминат или группа согласных.

Звукотип s'/Z' в своих двух вариантах рассматривается как относящийся к палатальным в связи не столько с конкретными свидетельствами слов мерянского происхождения, сколько с требованиями системности: трудно представить себе, что все смягченные согласные мерянского языка относились к палатальным, за исключением данных. Косвенным свидетельством существования палатального s' (с его, по-видимому, шепелявым оттенком) здесь может служить предполагаемый, близкий к финскому, характер любого мер. s. Возможно, он сложился в результате влияния мерянского палатального с его шипящим оттенком. Палатальное s' в мерянском произносилось как s', а не как Z', только в начале слова, конце и, очевидно, также, хоть подобные примеры отсутствуют, рядом с соседним глухим в середине слова, напр.:

1) (звукотип s') *s'i* «этот (-а, -о)» – рус. (арг.) *сienъ* «есть» < мер. **s'i* joń «это есть» (ср. ф. *se on*, эст. *see on* «то же») (Яр. губ. – Углич) ЯОСК 184 (ТОЛРС XX 117) (ср. ф. *se* «этот (-а, -о)», эст. *see* «то же», морд. Э *se* «тот», мар. В *седе* «вот этот», хант. (каз.) *си* «этот (-а, -о)», нган. *sete* «он» < урал. **či/*če* ОФУЯ 399; **joluš* «пусть будет» – рус. (диал.) *елусь поелусь* «приветствие во время еды» < мер. **joluš pa joluš* < **joloZe pa joloZe* (***tenän seye(-) -juye(-)* «пусть будет и будет (у тебя еда-питье)» (ср. морд. *улезэ* «пусть будет», мар. *лийжэ* «то же», саам. *bottus* «пусть приходит», содержащие формант -s- со значением показателя 3-го лица повел. (побудит.) наклонения, – Серебр. Ист. морф. морд. яз. 167; корневая часть связана с ф. *olla* «быть», эст. *olema*, морд. *улемс*, мар. *улаš*, удм. *вал* «(он) был», коми *вöлі* «то же», хант. (каз.) *вэл'ты* «быть; жить, находиться», манс. *олуңкве* «быть; иметься, жить; находится», венг. *volt* «был» < **wole* – «быть») SKES II 427; MSzFUE III 669, КЭСКЯ 67, ОФУЯ 417;

2) (звукотип -Z'-) **s'eZ'um* «семь» – рус. (арг.) *сезюм* «то же» (Костр. губ. – Гал) Вин 49 (ср. ф. *seitsemän* «семь», эст. *seitse*, саам. Н *ciežā*, морд. *сисем*, мар. *шым(ыт)*, (диал.) *šišim*, *šəsəm*, удм. *сизъым*, коми *си-зим* < ф.-перм. **s'eŋč'emä*, слова какого-то и.-е. языка) SKES IV 991, КЭСКЯ 255, Серебр. Ист. морф. перм. яз. 221.

Интересно отметить, что реконструируемая мерянская форма **s'eZ'um* совпадает с пермскими по озвончению (в данном случае частичному) палатального согласного в середине слова, чем противостоит, за исключением саамского, остальным финно-угорским языкам. Очевидно, частичное озвончение в мерянском было вызвано, как и в пермских языках, упрощением интервокальной группы согласных, произошедшим очень рано, в период, когда одинарные согласные в интервокальной позиции могли произноситься слабее. Своебразие реконструируемой формы является одним из аргументов ее принадлежности к мерянскому языку.

Звукотип 1' чрезвычайно характерен для мерянского языка. На основании имевшегося в распоряжении материала мерянского происхождения определить его конк-

ретно (вне априорных предпосылок системности) не удается. Однако случаи взаимозамены русских й-л в постмерянских местностях указывают на палатальный характер л как причину этой замены (ср. венг. *király*, фон. *kiráj*, где ј также развился из предшествующего ly, то есть l' палатального). Одним из подобных примеров является рус. (диал.) *альда* < *айды* «айды» (Яр – Пощ). Гиперкорректное *альда* вместо *айды* говорит о возможности противоположной замены л' (l') на й (j), где близость л' к наиболее типичному палатальному звуку, в свою очередь, свидетельствует о палатальности (пост)мер. l' (л'). Примеры звукотипа l': **l'ejm̩(-a)* < **l'ež'mä* «корова» – рус. (диал.) *лейма* «то же» (Костр. губ. – Гал) ООВС 102 (ср. ф. *lehmä* «корова», эст. *lehm*, лив. *ni'em* «то же», морд. Э *лишме* «лошадь», морд. М *лишме* «конь (только красивый или игрушечный)») SKES II 284 < ф. (прибалт.-фин., мер., морд.) **leš(e)mä* «кобыла (дойная)», где источником слова был, очевидно, древнебулгарский (турецкий) язык: чув. *лаша* «лошадь»; **il'Dom̩(-a)* «безжизненный» – р. *Ильдомка* (Костр. губ.) Семенов 233 < мер. **elä* «живой»³³ + суффикс лишительности – *tom(ə)* (ср. ф. *elää* «жить», эст. *elama*, саам. Н *ællat*, морд. *эрямс* (< **eläm(ə)-s*), мар. *илáш*, удм. *улыны*, коми *овны* «то же», хант. *jel* «ключ, источник», манс. *jälwälə-* «оживляться», *jäləw* «новый», венг. *élni* «жить», нен. *иле(сь)*, эн. *jire-do*, инган. *nile-tm*, сельк. *elak* «то же», кам. *t'ilil'əm* «снова оживить», *d'ili* «живой» < урал. **elä* «живеть»; ф. *voima-ton* «бессильный», саам. Н < *čalme-tebme* «слепой (безглазый)», морд. Э *узер-тeme* «без топора», мар. *вий-дыме* «бессильный», удм. *син-тэм* «слепой (безглазый)», коми *син-тöm* < ф.-перм. **ttoma* «формант лишительности» < ф.-уг. *-tt- «то же» SKES I 37-38, MSzFUE I 145-146, ОФУЯ 405 [55, с. 358].

Звукотип п' отражает свою палатальность в словах мерянского происхождения с переходом этого звука в ј, что является несомненным доказательством его средне-

³³ Мер. **elä* реконструируется на основе формы, зафиксированной в одной из ревизских сказок 50-х годов XIX в., хранящейся в Кологривском краеведческом музее: д. Элино < мер. **El'en palo* «Эли (букв. – Живого, Бойкого) деревня».

язычности, напр.: мер. **jelm̩(-a)* «язык» – рус. (арг.) *елманский* «древний галицкий язык» (Костр. губ. – Гал) Вин 45, где ј –, как и в мар. *йылме*, появилось из п' (ср. саам. Н *pjal'bme* «рот», хант. *нялум* «язык (анат.)», манс. *нёлум* «то же», венг. *nyelv* «язык (анат., лингв.)» < ф.-уг. (вост.) **n'älmä*). Следовательно, мер. п' – типичный палатальный звук. Одним из наиболее надежных является пример **n'ero* «болото» – рус. (арг.) *Нерон* < *N'erón(jähre)* «Болотное (букв. – болота) (озеро)» (Костр. губ. – Гал) Вин 48 (ср. ф. *noro* «болотистая лощина», саам. (сев.) *njoaâ-* «выйти из воды (о водоплавающих птицах)», мар. *nörö* «сырой», удм. *ńur* «болото, влага, сырость», коми *ńur* «болото», хант. *ńor* «муть (в воде)», манс. *ńär* «болото», венг. *nyirok* «сырость», сельк. *ńary* «болото» < урал. **nōgrə/*ńora* «болото, топъ; влажный») ОСНЯ I, XXVII, II 89.

Среди мерянских палатальных согласных, установленных с помощью анализа фонетики немерянских слов, удалось обнаружить пример, свидетельствующий о возможности палатального г', ср.: *ебро* < **r'ebro* «ребро», *ёбро* < **r'obro* «то же» (Яр. губ. – Мол, Рост) КЯОС 63. Очевидно, случаи подобного перехода, – возможно, частично обусловленные тем, что мерянский избегал начального г, – должны были существовать и в самих мерянских словах. Однако в доступном исследованию материале их не удалось обнаружить. Нужно полагать, что в фонетической системе мерянского языка г' палатальное относилось к явлениям спорадичным, периферийным.

Последним из рассматриваемых палатальных согласных и в то же время наиболее типичным и распространенным из них был звук ј. Как показывает этимологическое исследование мерянских слов (ср., например, мер. **jelm̩* «язык» из предшествующего **n'elma* «то же»), иногда ј мог появляться секундарно, развиваясь из других среднеязычных, в частности п'. Звук ј – один из наиболее распространенных звукотипов мерянского, поэтому его можно обнаружить в разных позициях – в начале, середине и конце слова. В ряде случаев сочетания ј с предшествующим гласным давали что-то

напоминающее дифтонги. Однако подобных примеров удалось обнаружить немного, кроме того, нет полной уверенности в том, что часть из них не заимствовалась в мерянский из какого-нибудь прибалтийско-финского языка, прежде всего вепсского. Окончательно установить их дифтонгичность в связи с определенной фонематической значимостью может только накопление в большем количестве несомненно мерянского материала. Данные, которыми в настоящее время располагает исследователь мерянского языка, не позволяют решить данный вопрос. Примеры звукотипа *j*: *juk < *joGə «река» – р. *Юг* (Jug) (Костр. губ. – Макар; Яр. губ. – Пош; Вл. губ. – Горюх) Vasmer 377-378, 391, 394 (ср. ф. *joki*, эст. *jõgi*, лив. *jo'G*, *jo'uG*, саам. *N jokkâ*, морд. М *Jov* «название р. Мокша», мар. *Йогы* «течение, поток» (?) – допускается возможность связи с чув. *joх-* «течь»), удм. *ю* (*ю-шур:шур* «река»), коми *ю* «река», хант. *юкан* «речка» (?), манс. *յ* «река» (?), венг. (ст.) *jó*, нен. *яха*, эн. *joha*, сельк. *ke* «то же», кам. *t'aya* «река, речка; ручей» < урал. **joke*) SKES I 118, MSzFUE II 339-340, КЭСКА 334, ОФУЯ 403; **riujka* < **riuj* < **rojə + -ka* «мальчик, подросток» – рус. (диал.) *пуйка* – «то же» (Яр) ЯОСК (ср. ф. *poika* «сын; мальчик; юноша», эст. *roeđ* «сын», мар. Г *пү* (только в сложных словах: *пүэрь* «мужчина»?), морд. Э *bujo*, *rijo* «внук» (?), удм. *ли* «мальчик, парень», коми *li* «сын; мальчик», хант. (каз.) *пух* (*пүх*) «парень, мальчик; сын», манс. *лыг* (*пыг*) «сын; парень; юноша», венг. *fiú* (*fi*) «сын, мальчик, ребенок; детеныш всякого животного» < ф.-уг. **roika* (своебразный корневой вокализм (пост)мерянского слова, видимо, свидетельствует о существовании в прошлом формы *riuj*, ср. морд. Э *bujo*) SKES III 590-591, MSzFUE I 206-207, КЭСКА 221, ОФУЯ 413; *-*j* (как формант звательной формы (поздн.) **mamaj* «мама!», возможно, также **kokoj!* «дядя; крестный отец» – рус. (диал.) *mamaj* «(зват.) мама» (Яр – Первом) ЯОСК (ср. морд. Э *avaj* (от *ava* «мать») «мама» (в обращении), морд. М *тядяj* (от *тядя* «мать»), мар. *avaj* «то же», где тот же формант объясняется, в частности для мордов-

ских языков влиянием тюркских, ср. тат. *babaj!* «дедушка» (в обращении, от *baba* – Серебр. Ист. морф. морд. яз. 31), однако для мерянского подобное объяснение менее убедительно).

На материале слов и форм предполагаемого мерянского происхождения был установлен состав звукотипов мерянского консонантизма, куда входят следующие согласные: *p*, *B*, *t*, *D*, *k*, *G*, *β*, *γ* (?), *δ* (диал.?), *γ* (диал.?), *h*, *ŋ*, *s*, *Z*, *š*, *ž*, *č*, *c*, *m*, *n*, *l*, *r*, *t'*, *D'*, *s'*, *Z'*, *l'*, *n'*, *j*. Кроме того, на основании изучения слов немерянского (славяно-русского) происхождения для мерянского были установлены как возможные также глухие сонанты *L*, *R* и палatalное *r'*. Учитывая позиционную обусловленность части звуков, представляющих собой, очевидно, варианты фонематически значимых звукотипов, можно предположить в качестве фонем (частично – их вариантов) следующие согласные звуки: *p/B*, *t/D*, *k/G*, *β/γ* (?), *h*, *s/Z*, *š/ž*, *č/c*, *m/n*, *l/L*, *r/R*, *t'/D'*, *s'/Z'*, *l'*, *n'*, *j*. Согласные *δ*, *γ*, *ŋ*, *r'* точно не определены в отношении их фонематичности. Таким образом, для мерянского можно предположить 32 звукотипа согласных. На основании анализа их употребления следует говорить, видимо, о существовании 18 согласных фонем. Четыре согласные (*δ*, *γ*, *ŋ*, *r'*), находящиеся на периферии системы, возможно, частично диалектные (*δ*, *γ*, *ŋ*, *r'*), не могут быть пока определены с точки зрения их фонематичности (нефонематичности). Рассмотрение гласных и согласных мерянского языка позволяет представить их в виде двух таблиц (табл. 1, 2).

Таблица 1.
Гласные мерянского языка

Подъем	Ряд		
	передний	средний	задний
высокий	і ѹ?		ူ
средний	е ѿ? [ə]		օ [ə̥]
низкий	ä	ä	ä

Примечание. Подчеркнутые знаки здесь и в табл. 2 обозначают фонемы (иногда их варианты).

Таблица 2.
Согласные мерянского языка

Участие голоса и шума	Способ об- разования	Место образования				
		губные	передне- язычные	средне- язычные	задне- язычные	ларин- гальные
шумные	взрывные	p/B	t/D	t'/D'	k/G	
	фрикативные	β/(γ)	s/Z, ſ/Ž	j, s'/Z'	γ?	h
	аффрикаты		ç	ç		
сонорные	носовые	m	n	n'	ŋ	
	боковые		l/L	l'		
	дрожащие	r/R		r'?		

ВЫВОДЫ

Фонетика мерянского языка характеризуется особенностями, унаследованными от финно-угорского (и частично уральского) прайзыка и чертами, выработанными ею вместе с близкими генетически и ареально родственными языками или представляющими собой сугубо мерянские новообразования.

Чертами, восходящими, очевидно, еще к прайзыковому периоду, являются у мерянского инициальное ударение, отсутствие фонологического противопоставления по глухости-звонкости и закономерности структуры (абсолютного) начала слова, при которых в нем допускался только гласный или не больше одного согласного, причем из согласных допустимы только шумные глухие и сонанты. Видимо, из-за приравнивания к геминатам ограниченно допустим в начале слова также звук г. К чертам, восходящим к прайзыковому периоду, следует отнести в мерянском, вероятно, и наличие палатальных согласных, преимущественно противопоставленных парным с ними непалатальным (t'/D' – t/D, s'/Z' – s/Z, l' – l, n' – n, возможно, отчасти также γ' – γ). Эта особенность сближает мерянский с финно-угорскими языками, связанными с восточной частью прародины, в частности венгерским, и отдаляет от прибалтийско-финских.

В мерянском языке не сохранились от прайзыкового периода и не получили развития геминаты, вследствие чего не возникло противопоставление кратких и дол-

гих согласных. Видимо, в нем отсутствовали также долгие гласные. В словах предполагаемого мерянского происхождения крайне редко встречаются дифтонгические сочетания гласных и палатального ј. Это говорит о том, что здесь не получили развития дифтонги как регулярное и распространенное фонетическое явление. Тем самым мерянский язык отличается от современных финно-угорских языков западного ареала – прибалтийско-финских (с их системой противопоставления кратких и долгих гласных и согласных, а также большим количеством дифтонгов) и венгерского (с противопоставлением кратких и долгих гласных и согласных).

На чисто фонетической основе в мерянском языке возникало в некоторых случаях явление, напоминающее три ступени согласных (ср. *juk «река», *käGə «кукушка», *jährgə(-e) < *jäyvre «озеро») в прибалтийско-финских языках, то есть k-G-h < γ, в какой-то степени также p-B-β: *peZə «гнездо», -Balo «деревня» (в сложных словах типа *(Ki)Balo), *anDoθə(-a) «кормящий»; очевидно, диалектно еще t-D-δ: *tolGə «перо», *anDoθə(-a) «кормящий», *iləðoma «безжизненный». В том, что оно не получило развития, очевидно, не последнюю роль сыграло отсутствие противопоставления по краткости-долготе гласных и согласных, на фоне которого элементы трехступенчатости в произносительной силе согласных не смогли приобрести морфонологической значимости и стать системой чередований.

С фонетикой мордовских и марийского языков в целом мерянскую фонетику связывает богатство консонантизма – наличие s и š, аффрикат c и č. Однако в отличие от мордовских здесь не получили развития звонкие, в противоположность марийскому – не стали повсеместным явлением фрикативные β, ð, γ, возникавшие как ступень ослабления глухих взрывных p, t, k. Все эти согласные, видимо, развились только в самой восточной части мерянской языковой территории, в наибольшей близости к марийскому языку.

Общей чертой фонетики мерянского, мокша-мордовского и отчасти хантыйского языков (казымский и сургутский диалекты) является наличие глухих сонорных, однако в мерянском они, видимо, остались на положении фонетических, вариантов соответствующих звонких фонем l и r, не став самостоятельными фонемами.

Есть основания говорить о сильном, инициальном, как свидетельствует топонимики бывших мерянских областей, ударении в мерянском языке. Видимо, им были обусловлены выпадение гласных и наличие особых редуцированных гласных переднего и заднего ряда ə и ø, характерных для заударных, в частности конечных, слогов. Наличием редуцированных мерянский язык напоминает мокша-мордовский (и, по-видимому, древнемордовский в целом), марийский и обско-угорские языки, а из прибалтийско-финских – ливский, наиболее архаичный из них и хранящий черты, связывающие его с волжско-финскими языками, упомянутые другими языками той же группы.

Очевидно, в мерянском существовали лабиализованные гласные переднего ряда ö и ÿ, имеющиеся также в прибалтийско-финских, марийском и венгерском языках. Ввиду недостаточности имеющихся о них сведений трудно сказать, насколько они были для него характерны и как широко распространены, поэтому решать вопрос об их фонематичности пока несвоевременно.

Вместе с марийским языком мерянский развил (из ослабленного p) и сохранил в составе своего консонантизма фонему β, очевидно, вытеснившую более древнее, прабарабское по происхождению w. Но в отли-

чие от марийского в нем скорее всего только диалектно существовали фрикативные ð и γ, связанные как ослабленные варианты с глухими взрывными t и k.

Полузвонкими B, D, G мерянский язык напоминает прибалтийско-финские языки, в частности эстонский. Однако из-за того, что в мерянском в отличие от эстонского полузвонкие варианты глухих взрывных не приобрели морфонологической значимости в качестве элемента чередования ступеней согласных, они не стали фонемами, оставшись на стадии одного из вариантов фонемы.

Как и многие современные финно-угорские языки, в частности прибалтийско-финские, мокша-мордовский и горно-марийский, мерянский сохранял унаследованные от прайзыкового периода фонемы e и ä.

Очевидно, мерянский не развил (или не сохранил) сингармонизма. Здесь можно обнаружить только черты явления, по-видимому, приведшего впоследствии к его развитию в ряде финно-угорских языков, в частности, установление гармонии между гласными первых двух слогов, где они часто выравнивались не по началу, а по концу слова, по типу германского умлаута, ср.: рус. (постмер.) *бёзли* < *bözli' < «возле», возможно, также *jähre (< *jäkere) «озеро».

Только мерянской фонетической особенностью, не встречающейся в других финно-угорских языках, является переход гласных в новых закрытых слогах на ступень выше – из более низкого подъёма в гласные более высокого подъёма: *palo > *pol «деревня»; *orəmə (< *oraþa) > *urma «белка»; *væpi > *væp' «вили» (ед.ч.) при *væpək «вили (мн.ч.)»; *eləDəm(-omə) > *il'Dəmə(-omə) «безжизненный».

Для мерянского с наибольшей несомненностью устанавливается существование 24 фонем (гласных и согласных). Исходя из того, что в финно-угорских языках насчитывается, как правило, свыше 30 фонем, это количество следует признать недостаточным. Возможно, часть тех звукотипов, которые при настоящем состоянии их изученности не смогли быть с определенностью отнесены к фонемам, впоследствии будет ими признана. Поскольку в этом ис-

следовании (при общей слабой изученности мерянского языка) одной из главных целей было достижение максимальной достоверности реконструированных фактов, задача определения полного состава фонем как нереальная на данном этапе не могла ставиться. Решить ее можно только при гораздо большем количестве собранных и реконструированных, прежде всего лексических, мерянских фактов.

В целом фонетическая система мерянского языка наиболее близка к фонетике родственных языков того же (волжского) ареала. Однако некоторые отдельные черты до известной степени приближают ее к фонетике прибалтийско-финских языков. Не исключено, что это связано с особой территориальной близостью мерянского языка к прибалтийско-финским, с одним из которых, вепсским, он мог непосредственно контактировать. Обращает на себя внимание также ярко выраженная палатальность соответствующих мерянских фонем, характерная для угорских языков, в частности венгерского. Возможно, это явление обязано своим развитием их древним связям с (прото)мерянским языком, что могло быть только на территории финно-угорской прародины, до расселения мерянского и угор-

ских народов на места позднейшего (исторического) обитания.

Следовательно, отличаясь своеобразием, мерянская фонетика в то же время предстает как связующее звено между мордовскими и марийским языками, с одной стороны, и прибалтийско-финскими – с другой, хотя в целом у нее больше связей с волжско-финскими, чем с прибалтийско-финскими языками. Следы более древних контактов с угорскими языками, которые мерянский как один из финно-пермских языков мог иметь в древности, обнаруживаются в нем значительно слабее и не столь несомненны.

Ввиду отсутствия сколько-нибудь заметных связей мерянской фонетики с пермской с этой точки зрения мерянский язык следует характеризовать как один из ярко выраженных финских языков, в число которых входят также прибалтийско-финские, мордовские и марийский. Возможно, в связи с этим есть известные основания предположить, что мерянский в наибольшей степени мог отразить в своей фонетике то состояние, которое имел прибалтийско-финский прайзак до переселения племен, его носителей, на их современные прибалтийские земли.

«Дьяковские» железные топоры V-IX вв. (слева)
и X-XIII вв. (справа). [22, стр. 72]